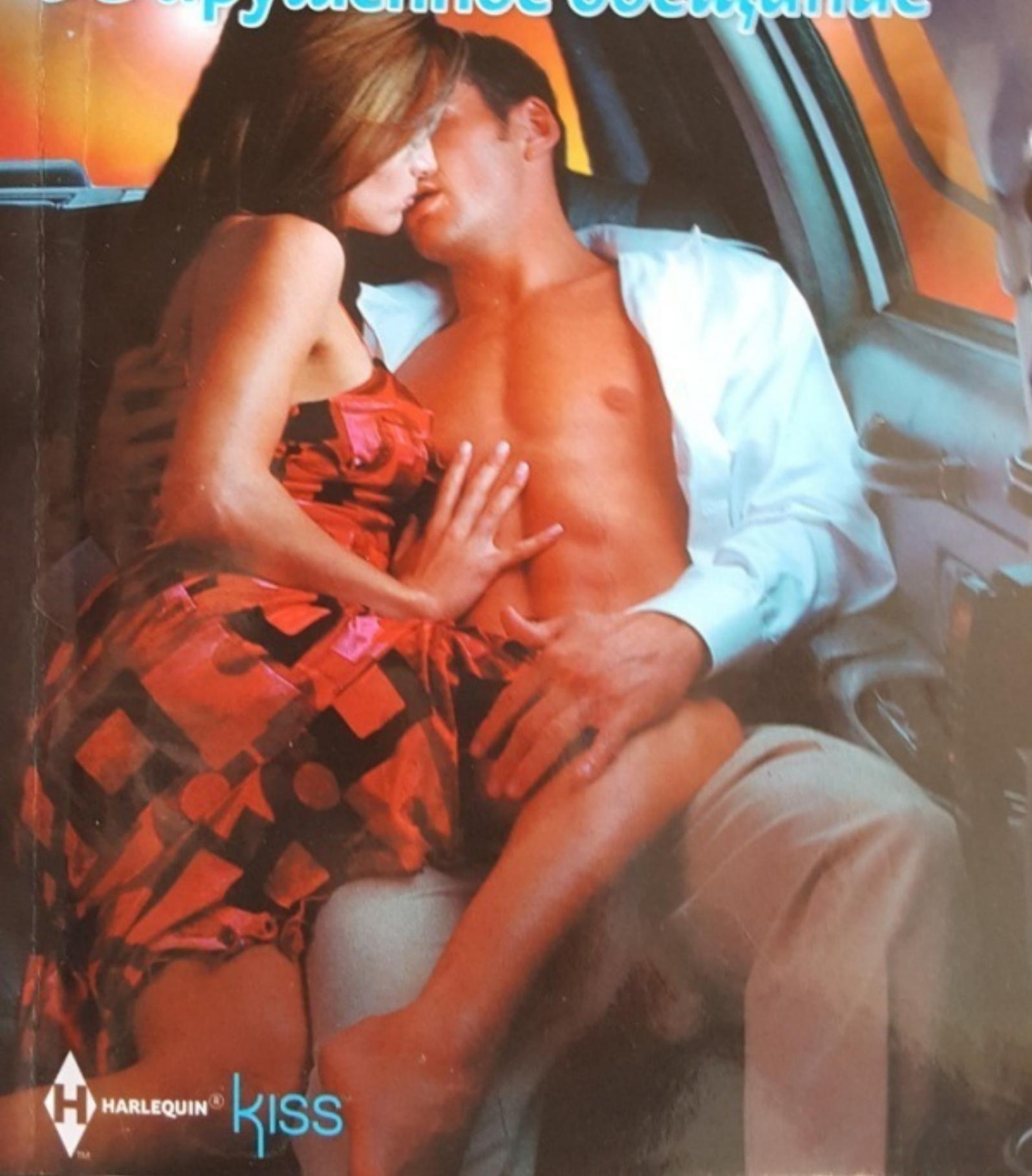

071

ПОЦЕЛУЙ

СТЕФАНИ ЛОНДОН

Нарушенное обещание

 HARLEQUIN® KISS

Annotation

Чего-чего, а проблем у Элис Джонсон хватает: ее балетная студия переживает не лучшие времена, ее мать никак не оправится от семейной трагедии, топя горе на дне бутылки. В довершение всех бед на пороге Элис появляется человек, обиду на которого она таила долгие пять лет, — Кол Хиллам, лучший друг ее брата, ее первая любовь. Элис не верит своим ушам: красавцу-миллиардеру Колу требуется ее помощь! Он готов не только щедро оплатить ее работу, но и пообещать, что их отношения не выйдут за рамки дружеских. Но когда двоих неудержимо тянет друг к другу, страсть с легкостью побеждает любые доводы разума. Впрочем, оба слишком хорошо помнят, чем в свое время обернулось нарушение первого подобного обещания...

- [Стефани Лондон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Эпилог](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Стефани Лондон

Нарушенное обещание

Посвящается маме, папе и Сами — за все те объятия, смех и уют, что наполняли наш дом, пока я росла. Без вас я бы ничего не добилась

Глава 1

В цифрах не было никакого смысла. Ладно, не совсем так — смысл-то был, только вот совсем не тот, на который надеялась Элис Джонсон. Эти цифры не говорили ей о том, что она управляет успешной, процветающей балетной студией. Что на этой неделе она сможет питаться чем-то получше консервированной фасоли и тостов. Хуже того — они не убеждали ее в том, что в обозримом будущем хоть что-то наладится.

Элис подперла рукой щеку и нахмурилась, пытаясь сосредоточиться на строчках написанных от руки цифр, которые так и расплывались перед глазами. Наверное, стоит забыть о фасоли и взять в магазине бутылку вина.

— Ты зарабатываешь косоглазие, — прощепетала Жасмин Белл, лучшая подруга и по совместительству подчиненная Элис, стягивая с ног гетры. — По-моему, эти хитрые операции с цифрами лучше оставить профессионалам.

— Что ты хочешь этим сказать? — Элис подняла глаза от бумаг и, заметив усмешку на лице Жасмин, притворилась оскорбленной.

— О, ничего... Просто вспоминаю одну девчонку, которая как-то симулировала паническую атаку, чтобы свалить с экзамена по математике.

— И ничего я не симулировала. — Элис закрыла папку со свидетельствами своего финансового краха и спрятала ее в ящик стола. — Та паника была настоящей.

— А когда ты пыталась заставить репетитора по математике делать за тебя уроки, светя перед ним своими прелестями?

— Это касалось скорее не домашнего задания, а самого математика — он был ну очень симпатичным! К несчастью, моего крошечного бюста оказалось недостаточно, чтобы убедить его... — Элис нахмурилась, опустив взгляд на свою мальчишескую фигуру. — С тех пор мало что изменилось.

— Такова тяжелая доля балерины. — Жасмин сунула ноги в туфли-балетки и бросила гетры в спортивную сумку. — Именно поэтому Господь и создал бюстгальтеры пуш-ап.

— Аминь.

Плоская грудь компенсировалась упругим животом и точеными ногами, которыми так славились балерины. Годы интенсивных тренировок и недолгая карьера в балетной труппе Австралии вылепили Элис именно такую фигуру. У нее было отличное тело, но не из тех, что с первого взгляда покоряют мужчин.

— А если серьезно, почему бы тебе не найти того, кто занялся бы бухгалтерией вместо тебя?

Элис отчаянно хотела сбавить эту работу кому-нибудь еще. Жасмин верно подметила: цифры не были ее коньком. Пришивать пайетки на костюмы, заниматься хореографией и работать с людьми... вот что удавалось ей лучше всего. Сложение, вычитание, умножение — увы, нет.

— Да, пора об этом подумать, — ответила Элис, мысленно отмахиваясь от разумной идеи. Она всеми силами скрывала бедственное положение Балетной студии Элис Джонсон, не желая, чтобы Жасмин или другие преподаватели нервничали по поводу грядущего увольнения... или нее самой.

— Хочешь, перед уходом помогу тебе навести тут порядок?

Элис покачала головой:

— Иди домой и развлекайся со своим красавчиком.

Помахав на прощание, Жасмин выпорхнула из студии, оставив Элис наедине с ее тревогами. Что ж, нужно было подумать, как удержать балетную школу на плаву, учитывая то, что сбережения неуклонно истощались.

Повисшая в студии тишина поглотила Элис. После напряженного дня, полного занятий и улаживания бесконечных организационных вопросов, на нее навалилась усталость. И Элис решила отложить волнения обо всей этой бухгалтерии на завтра. А сегодня вечером можно было свернуться калачиком на диване с хорошей книгой и бокалом красного вина. С бокалом дешевого красного вина.

Взяв метлу, Элис принялась наводить порядок в студии. Ей не в чем было себя упрекнуть. Как известно, компании малого бизнеса частенько бедствуют в первые пять лет своей работы, а студии через месяц должно было стукнуть три. Так что у Элис еще был шанс

изменить положение к лучшему.

Она просто обязана была выкарабкаться. Иного выхода не было — кто-то должен был оплачивать лечение матери, и Элис оказалась единственной, на чьи плечи легли эти заботы.

В дверь студии резко постучали, и она подскочила от неожиданности.

— Жас, это ты? — Ее голос эхом отозвался от покрытых зеркалами стен.

Ответа не последовало, и Элис направилась к ресепшн. Волнение мурашками пронеслось от затылка к шее, и она вцепилась в ручку метлы. Здесь явно кто-то был.

— Эй? — снова окликнула она.

У стойки она увидела высокую фигуру — явно мужскую. Крепкое мощное тело обтягивали узкие джинсы и белоснежная рубашка. Коротко стриженные волосы цвета темного шоколада были стильно уложены. Элис узнала бы эту фигуру где угодно, но сейчас одного только аромата медовой рожи и корицы хватило, чтобы ее чувства перемешались, а мысли унеслись в прошлое.

— Кол?

Из двух возможных вариантов развития событий ни один не внушал оптимизма. В первом случае Элис вlepила бы ему звонкую пощечину, как уже сделала это однажды — когда он сказал ей, что уезжает. Во втором — выяснилось бы, что она давно выкинула его из головы, и даже этот неожиданный визит не всколыхнул бы в ней никаких чувств.

Неужели за эти пять лет она и думать о нем забыла? Этот вопрос мучил Кола Хиллама, пока он вел взятую напрокат машину по заводской улице в северной части Мельбурна. Кол заставлял себя сосредоточиться на грядущем разговоре с Элис Джонсон, потому что в противном случае его мысли переключались бы на другую, более щекотливую тему.

Въехав на парковку танцевальной студии, Кол остановил автомобиль за несколько мест от единственной стоявшей там машины. Снаружи студия оказалась совсем не такой, какой он себе ее

представлял. Никаких излишеств и всех этих милых, нарядных, но все же таких раздражающих штучек, которые ассоциировались у Кола с его любимой балериной.

Вернее, бывшей балериной...

Он вышел из машины, оставив пиджак на пассажирском сиденье. Лучи клонящегося к закату солнца окрасили небо в красные и золотистые оттенки. Надо же, а он и забыл, как великолепно Австралия летом. Заднюю часть шеи обдало жаром, по коже пробежала капелька пота, и Кол потер рукой затекшие мышцы.

Кол прошел через парковку, хрустя гравием под ногами, и с шумом распахнул дверь студии. Если он и рассчитывал удивить Элис, ему это явно удалось. Впрочем, он никогда не отличался деликатностью.

Стены были увешаны фотографиями и девчоночьими украшениями всевозможных оттенков розового. На одном из снимков Элис стояла рядом со своей матерью и держала огромный букет цветов. В горле Кола встал тяжелый ком.

Он не позвонил заранее, не предупредил Элис о своем визите. Черт, он даже не успел распаковать чемодан! Лишь принял душ в отеле — и сразу же отправился в путь. Кол невольно нервничал по поводу того, как она отреагирует на его появление. Он мог вести дела с самыми влиятельными людьми мира, но мысль о ярости крошечной балерины приводила его в трепет.

— Кол? — произнесла она чуть хриловатым голосом, и в самом низу живота Кола разлился жар возбуждения.

Обернувшись, он поразился тому, как сильно и в то же время как мало она изменилась. На ее миниатюрном, как у эльфа, теле не было ни грамма лишнего жира, а серые глаза горели все тем же необычным блеском. Она подстригла волосы, и теперь они спадали ей на плечи, но в легких золотистых прядях все так же играли блики света. Кол с облегчением отметил, что за эти годы пылающая сила ее взгляда нисколько не угасла.

— Элли...

— Элис, — сдержанно поправила она. — Я уже давно не Элли.

— Ты всегда будешь для меня Элли.

Она поджала губы и, сощурившись, скрестила руки на груди:

— Что привело тебя в Мельбурн?

Ее настороженность глубоко ранила Кола, ведь когда-то они были близки как брат и сестра — хотя он всегда хотел большего. Увы, но пять лет назад эта их связь была безвозвратно разорвана. И теперь он притащился на родину, чтобы похоронить своего отца, пьянчугу и бездельника. Но этой теме следовало старательно избегать.

— Бизнес.

— Приятно слышать, что ничего не изменилось. — Элис смягчилась, но скрещенные на груди руки будто барьером отгораживали ее от него. — Помнится, ты всегда жил по принципу «Делу — время, потехе — час».

— Сейчас у меня нет времени на развлечения.

— Но есть время, чтобы навещать старых знакомых? — Она прислонилась к розовому дивану, занимавшему почти все пространство ресепшн. Кол призывал всю свою силу воли, лишь бы не пожирать глазами эти стройные ноги в розовом балетном трико и черных гетрах по колено. Элис казалась воплощенной мечтой.

— Хочется думать, что мы были больше чем просто знакомыми, Элли.

Он задумался, пытаясь определить их статус. Друзья, возможно, даже лучшие друзья. Любовники?

Она пожала плечами и убрала за ухо упавший на лицо локон, ожидая, что же Кол скажет дальше. Своим молчанием она вынуждала его продолжить беседу — этой уловке он сам научил ее когда-то... в те времена, когда она считала его не просто знакомым.

— На самом деле я здесь с предложением.

Она вскинула брови:

— Только не говори мне, что в Америке закончились светские цыпочки, с которыми ты мог бы переспать.

— Ревнуешь, злишься? — Он не без удовольствия заметил, как вспыхнули ее щеки.

— Если и злюсь, то только из-за того, что ты беспокоишь меня, а

не их. — Элли попыталась изобразить скуку, но застывшее в напряжении тело выдало ее.

— Я случайно узнал, что твоя балетная студия переживает не лучшие времена. — Кол неловко покашлял. — И у меня есть решение, которое, как мне кажется, будет взаимовыгодным.

— Взаимовыгодным?

— Да, — решительно кивнул он. — Мне бы хотелось нанять тебя.

Она побледнела:

— Ты хочешь брать уроки балета?

— Черта с два! — Искренний залиvistый смех вырвался из груди Кола, и на душе у него сразу стало легко.

— Тут нечего стыдиться — танцоры могут оставаться мужественными. — Элис склонила голову набок, изучая его. — Или ты боишься обтянуться трико?

— Ты прекрасно знаешь, что там, ниже пояса, мне нечего стесняться.

Она бросила на него взгляд, будто хотела пробежать глазами по его мужскому достоинству, но все-таки сдержалась.

— Мне не нужны уроки балета, — покачал головой Кол. — Но мне очень нужен совет человека, который всю жизнь выступал на сцене.

— В каком смысле?

— Это долгая история, но я приехал по чрезвычайно важному делу, и мне нужна твоя помощь в качестве эксперта. — Кол просиял обворожительной улыбкой, которая всегда помогала ему склонить Элис на свою сторону. — А я, в свою очередь, решу все твои финансовые проблемы.

Она оттолкнулась от дивана и зашагала к нему, решительно и угрожающе. Несмотря на то, что Кол был выше ее на полторы головы, держалась Элис с достоинством королевы. Она резко остановилась напротив него, сжав кулаки по бокам и скривив готовые к ожесточенному спору губы.

Неужели он действительно явился сюда после пяти лет молчания, ожидая от нее помощи и изображая рыцаря на белом коне? Это просто неслыханно, и хватило же наглости! Наверное, все эти зимы в Нью-Йорке окончательно заморозили его извилины. И все же Элис не могла оторвать от него глаз... она никогда этого не могла. Кол Хиллам был для нее как наркотик, очень опасный наркотик.

Кол возмужал с тех пор, как она видела его последний раз, когда он был долговязым нескладным парнем. Теперь же его широкие плечи выступали под белым хлопком рубашки, а его торс, сужаясь к поясу джинсов, по форме напоминал безупречную букву V. Легкая поросль темных волос предстала перед взором Элис, когда он потербил манжеты рубашки, и мускулы на его предплечьях перекатились. Она с превеликим трудом отвела взгляд от его сильных рук.

Он был бесконечно далек от того тихого молодого человека, каким она его помнила. Несмотря на его легкомысленный тон, твердо сжатые лепные губы и настороженный взгляд голубых глаз не предвещали ничего хорошего. Он явно пришел сюда не просто так, и Элис понятия не имела, как себя с ним вести.

— С какой стати мне помогать тебе?

— Может быть, с такой, что у тебя доброе сердце и сильная склонность к состраданию? — И он снова одарил ее той самой улыбкой. Дерзкой, самоуверенной — должность генерального директора явно помогла ему обрести привычку всегда добиваться своего.

— Почему я? — спросила Элис.

— Потому что ты — единственная, кто знает меня достаточно хорошо. — Кол взъерошил свои темные волосы.

Каждое его движение излучало сексуальную энергию и мужественность. Неудивительно, что фотография, на которой он стискивал в объятиях наследницу какой-то технологической империи, облетела все средства массовой информации... Не то чтобы Элис следила за его похождениями.

— Если это правда, могу только тебе посочувствовать, — не удержалась от колкости она. Каждая частичка Элис жаждала побольнее ранить его. Отплатить ему за все эти годы, которые она провела по уши в проблемах, потерянная и одинокая.

После отъезда Кола ее жизнь развалилась на куски, словно этот его шаг невольно вызвал необратимую череду трагических событий. Обвинять Кола, когда он находился в другой части света, было легко, но сейчас, когда он стоял рядом, Элис с трудом удавалось держать себя в руках.

— Ох, — мрачная тень пробежала по его лицу, но Кола было не так просто сбить с толку, — у леди острый язычок.

— А еще у леди есть детектор распознавания всякой чепухи. — Элис вскинула голову и с подозрением сощурилась. — Ты мне что-то недоговариваешь.

Она втянула воздух ртом. Ну почему с Колом подобный словесный спарринг напоминал любовную прелюдию? Элис распрямила плечи. Она обещала себе, что никогда не забудет, как он бросил ее, — значит, нужно держаться от него подальше.

— Давай пропустим завтра по стаканчику? Уладим деловую сторону вопроса, и я посвящу тебя во все детали.

А вот это уж точно была не самая удачная идея! В лучшие времена Элис слыла болтушкой, не говоря уже о том, что алкоголь развязывал ей язык. Именно так они и оказались в постели в первый раз.

— Нет.

— Вот что так восхищает меня в тебе, Элис. — Кол коснулся ее волос, поправив выбившуюся прядь кончиками пальцев. — Ты такая решительная.

— Я не нуждаюсь в твоём восхищении. — Ее щеки вспыхнули огнем. И как ему это удавалось, что даже комплимент в его устах звучал насмешливо? — Но ты попал в точку, Кол, именно эта черта характера позволяет мне преспокойно сказать: засунь свое предложение куда подальше.

— Ты даже не знаешь, что это за предложение.

— Читай по губам, Кол. — Элис стояла так близко, что буквально таяла от его присутствия, и от нее требовалась вся сила воли, чтобы удержаться от желания прильнуть к нему. — Засунь его подальше.

— Куда именно? — издевательски протянул Кол. Он явно не

собирался отступить, но и Элис пасовать не привыкла. Ей, может быть, и требовались деньги, но чувство собственного достоинства было намного дороже.

— Куда угодно, лишь бы поместилось!

— Я не приму отказа. — Его большие ладони пробежали вверх по ее рукам и легли ей на плечи.

Дрожь возбуждения пронзила Элис, стоило кончикам пальцев Кола коснуться ее обнаженной кожи, но она яростно стряхнула его руки.

— Ты ведь знаешь, я могу быть крайне настойчивым, если захочу.

Стать генеральным директором в возрасте до тридцати без крайней настойчивости было просто невозможно. Когда они были моложе, Кол добивался Элис много лет, и она долго служила этакой соблазнительной приманкой. Она уступила ему лишь однажды... и этого оказалось достаточно, чтобы нарушить весь уклад ее жизни.

— Кол, чтобы уговорить меня, нужно немного больше, чем нудно повторять одно и то же. — Она взяла сумку и перебросила ее через плечо.

— Ты же не желаешь вдохновлять меня на большее, Элис.

Услышав свое полное имя, произнесенное глубоким, рокочущим голосом, она словно оказалась на грани безумия. Ее влекла гортанная мужественность Кола, готовая выплеснуться на поверхность всякий раз, когда он добивался своего. Эта единственная трещинка в его безупречном хладнокровном фасаде, который он являл окружающим, казалась Элис самым сексуальным качеством на свете.

— Я не собираюсь тебя вдохновлять.

Кол открыл рот, но потом передумал отвечать. Он протянул ей руку, застыв в терпеливом ожидании, но Элис, помедлив дольше, чем требовалось, прошла мимо.

— Нам лучше продолжить этот разговор за бокальчиком-другим.

Пока Элис ставила студию на сигнализацию, Кол стоял вплотную позади нее. От его близкого присутствия тело охватило томительным огнем, а в голове, сводя с ума, зазвучала какофония оглушительных звуков. «Не поддавайся, не поддавайся», —

старательно уговаривала себя Элис.

— Нам нечего продолжать, Кол.

— Да брось, давай я закажу тебе пару бокалов, и ты придумаешь, куда еще я могу запихнуть свое предложение. — Он вышел вслед за ней из студии на душистый летний воздух.

Искушение уже извивалось у Элис внутри, подобно змее, готовящейся к нападению. Ее обычно безупречная дисциплина никогда не распространялась на Кола, который каким-то необычайным образом заставлял ее забыть обо всех своих обязанностях и принципах.

— Что ж, увидимся завтра. — И он с нежностью провел большим пальцем по ее щеке.

И не успела Элис подумать о том, что стоит запротестовать, как Кол ушел, оставив ее кипеть от злости. Она снова сжала кулаки, и ей потребовалось какое-то время, чтобы успокоиться. И хватило же у этого Кола наглости заявиться сюда так спокойно, словно его отъезд не оставил огромной зияющей дыры в ее жизни!

Почувствовав доносящуюся из сумки вибрацию, Элис перерыла беспорядочный ворох бумаг и косметики и отыскала телефон:

— Да?

— Элис Джонсон? — спросил незнакомый мужской голос. — Я из банка «Виктория». Вам удобно сейчас говорить?

Глава 2

Вокруг кипела привычная для кафе суэта, словно мир жил своей жизнью, а не рушился с оглушительным треском. Люди смеялись, солнечный свет струился в огромные окна, а веселое звяканье чашек о блюдца действовало Элис на нервы. Уже третий по счету кофе сейчас, когда она и без того была взвинчена до предела, явно был лишним.

Звонивший вчера вечером менеджер банка очень вежливо сообщил ей, что она рискует не выполнить обязательства по кредиту, который взяла ради балетной студии. Сотрудник банка попросил ее прийти и обсудить варианты решения проблемы, но Элис понимала: если не найдет способ раздобыть где-то деньги, студия прекратит свое существование. И как в таком случае она сможет помочь матери?

Прошедшие двадцать четыре часа Элис провела в лихорадочных раздумьях. Сначала она убеждала себя, что все будет хорошо, потом готовилась к худшему и, проведя ужасную, бессонную ночь, теперь чувствовала себя окончательно разбитой. После встречи с Колом и звонка из банка она почти ничего не ела из-за волнения, прочно поселившегося внутри.

— Элли? — Жасмин помахала рукой перед ее лицом, сощуриив темные глаза. — Ты еще с нами?

— Вчера ко мне приходил Кол. — Элис не собиралась рассказывать подругам — да и вообще кому бы то ни было — о визите Кола, но слова сами собой сорвались с губ.

— Ничего себе! — Мисси, другая ее подруга и по совместительству подчиненная, уставилась на Элис округлившимися от изумления глазами. — Ну и сюрприз!

— Еще какой!

Мисси повертела в руках кофейную чашку:

— Прошла ведь целая вечность, не так ли?

— Пять лет, — кивнула Элис. Долгих пять лет от Кола не было ни словечка — ни единого звука с той самой ночи, когда он ушел. —

Он хочет нанять меня... Ну что-то вроде того.

— С какой это стати? — не поверила своим ушам Жасмин.

— Он хочет нанять меня для какой-то работы, связанной с выступлениями, но он не пояснил, в чем именно заключается задача. — Высказанное вслух, это объяснение казалось невероятно нелепым и смешным. — Он сказал, что заплатит мне.

— Что еще за выступления? — Бирюзового оттенка глаза Мисси зажглись любопытством. Жасмин сердито зыркнула на нее и толкнула локтем в бок.

— Понятия не имею.

Жасмин покачала головой:

— Это кажется подозрительным... Ты ведь не думаешь об этом всерьез, правда?

Элис закатила глаза — подруга всегда была заботливой матушкой-гусыней.

— Я действительно не думала об этом.

— Но?..

— Возможно, теперь и думаю, — вздохнула Элис. — Я не знаю.

— Это не самая лучшая идея, — постановила Жасмин, и теперь настал черед Мисси закатывать глаза.

— Понимаю.

— И?..

— И... — Элис помедлила, глубоко вздыхая. — Студия переживает не лучшие времена.

Зеленовато-голубые глаза Мисси удивленно распахнулись.

— Зря ты сразу не рассказала нам!

— Все не так страшно, Мисс.

— Похоже, страшно, раз уж ты подумываешь связаться с Колом, — догадалась Жасмин.

— Мы говорим о моей семье... моей жизни, — отозвалась Элис. Ну как еще она сможет содержать свою пристрастившуюся к выпивке и азартным играм, окончательно запутавшуюся, погрязшую в

несчастьях мать?

— Ты достойна лучшего, — огорченно покачала головой Жасмин. — Мы найдем способ заработать деньги для студии. Можем объявить о сборе средств, запустить благотворительную акцию...

Мисси энергично закивала, соглашаясь:

— Все, что бы ни потребовалось.

— Боюсь, все немного хуже, тут благотворительной акцией не поможешь. — Смысла скрывать истинное положение не было, и ужасающая правда вырвалась наружу. — Обещайте, что не расскажете об этом другим преподавателям.

Подруги закивали и в один голос ответили:

— Обещаем.

Элис взглянула на часы. У нее оставалось ровно три часа, чтобы забыть о гордости и придумать, как сказать Колу, что она готова обдумать его предложение... даже не зная, в чем оно, собственно, заключается. При мысли о том, каким безрассудным оно могло оказаться, щеки Элис вспыхнули — нет, ей явно не следовало соглашаться. И все же бороться с притягательной силой Кола было необычайно трудно — как, впрочем, и всегда.

Закрыв глаза, Элис заставила себя выбросить эту мысль из головы. Если она и согласится, то только ради денег. А тот факт, что она хотела Кола всю свою сознательную жизнь, к делу совершенно не относится.

Беспокойное ощущение вдруг обожгло ее между бедер, и Элис поерзала на стуле. Нет, она ни за что не будет думать о сексе с Колом, ни за что...

— Даже знать не хочу, о чем ты сейчас думаешь, — вздохнула Жасмин.

— Я тоже, — лукаво подмигнула Мисси.

— Я совершенно о нем не думаю.

— И знать не хочу, — повторила Жасмин. — Поверить не могу, что ты сразу не рассказала нам о проблемах студии. Как это вышло?

— Хотелось бы мне объяснить все легко и просто.

— Нечего мудрить, когда дело касается финансов, Элли. Какая же беда приключилась, что ты не можешь рассказать нам?

Ну как она могла признаться лучшим подругам, что ее мать спустила все сбережения на лошадиных скачках и собачьих бегах? Денег на выплату кредита за студию не осталось. Из-за экономического кризиса они потеряли немалую часть учениц, а потом пришлось оплачивать непрерывные счета за лечение матери, которая уже не могла вернуться на работу...

— Если коротко, это было стечение неблагоприятных обстоятельств, — вздохнула Элли.

* * *

К моменту окончания последней на сегодня деловой встречи Кол был выжат как лимон... и сильно опаздывал.

Он знал, что эта поездка будет не из легких. Он даже не понимал, с какой стати отец назначил его своим душеприказчиком — последние десять лет их ничего не связывало. И теперь Колу предстояло потратить драгоценное время, которое он мог посвятить поиску новых возможностей для своей компании, на пустые формальности. Ему предстояло перерыть дом, в который его никогда не тянуло, найти нужные документы, разобраться с наследством, которое не стоило ни гроша...

— Черт побери!

Он выскочил из залитого солнцем офисного здания и бросился к машине, ослабляя галстук и набирая на мобильном номер Элис. Она не давала ему свой телефон, но секретарша Кола, слывшая искусным детективом, быстро разыскала для него номер.

Кол переждал первый гудок, второй, третий.

— Да?

Звука ее хриловатого голоса оказалось достаточно, чтобы зажечь пожар у него внутри и заставить его брюки натянуться спереди.

— Это Кол.

— Как ты узнал мой теле...

— А, ерунда, не забивай себе голову. Я опаздываю. — Он скользнул на кожаное сиденье, основательно нагревшееся на солнце.

— Ого, какая пруть!

— Давай пересечемся у отеля. Так я успею забежать в номер и быстро принять душ.

— Что-то не припоминаю, чтобы соглашалась встретиться с тобой.

— Ага, скажи еще, что не приоделась и не ждешь меня. — Молчание на другом конце линии подтверждало, что он прав.

— Так где мы встретимся?

— В том маленьком баре под мостом в Саут-бэнк. Это один...

— Я знаю, где это.

— Значит, до встречи там через час?

В телефоне щелкнуло — Элис отключилась. Кол счел это согласием.

Спустя полтора часа он появился в условленном месте и огляделся в поисках Элис. Расположенный на открытом воздухе бар примыкал к мосту, раскинувшись над рекой Ярра. Только в Мельбурне можно было найти бар над водой, с деревянными пуфиками и лестницами, позволявшими наблюдать за кипевшей внизу ночной жизнью города.

Кол скучал по этому, будучи в Нью-Йорке, хотя и не так сильно, как по одной очень вздорной блондинке.

Его внимание привлек яркий изумрудный шелк. Элис сидела на высоком стуле с бокалом в руке, и огни города за ее спиной ярко переливались оттенками желтого и оранжевого. Зелень ее платья сияла на фоне обнаженной кремовой кожи. Кол питал особую слабость к Элис в этом цвете и часто говорил ей об этом. В любом оттенке зеленого было нечто, заставлявшее ее кожу пылать.

Платье облегалo ее формы, но было скромно задрапировано на притягивавших взор местах, лишь маленький боковой вырез на юбке до колена поддразнивал вал полоской обнаженной кожи бедра. Ее волосы были небрежно уложены в высокую прическу, а в ушах поблескивали два камня цвета изумруда.

— Опаздываешь, — заметила Элис, и Кол увидел стоявший перед ней полупустой бокал с коктейлем. — Ты явился позже, чем собирался.

— Я стою того, чтобы немного подождать. — Он опустился на табурет рядом с ней и жестом подозвал бармена.

— Это вряд ли, — отозвалась она, но язык, метнувшийся к уголку ее глянцево-розовых губ, выдал ее. Как уже не раз выдавал в прошлом.

Кол боролся с желанием наклониться к ней и втянуть этот язык своим ртом. Увы, предполагалось, что эта встреча будет деловой. И тут волна угрызений совести поднялась у Кола внутри — вот вам и бредни этих журналюг, твердивших, что он холоден, как нью-йоркская зима. Он еще сохранил способность понимать, что поступил с кем-то неправильно.

— Великолепно выглядишь. — Ладно, может быть, эта встреча и не была такой уж деловой.

Уголки ее губ вздернулись в натянутой улыбке.

— Так ты все-таки собираешься рассказать, зачем вытащил меня сюда?

— Почему бы нам для начала немного не поболтать? — Он взял у бармена стакан с содовой. Этим вечером Кол мог не туманить разум алкоголем — с этим блистательно справлялась Элис. — Много воды утекло... Как поживаешь, чем занимаешься?

— Мне приходится упорно трудиться. — Элис изысканно потягивала коктейль, и ее прикрытые веки трепетали, пока она смаковала напиток. Кол пригласил ее сюда потому, что точно знал: в этом баре делают хороший «Манхэттен».

Тот факт, что ее любимый напиток остался неизменным, обнадеживал. Элис подвинулась на барном стуле, и ее платье немного задралось, еще больше обнажив стройное бедро. Золотой ножной браслет блеснул на ее тонкой лодыжке, и Кола охватило почти неконтролируемое желание провести вдоль него языком.

— В самом деле, расскажи мне, что произошло с тех пор, как я уехал. Мне интересно.

— За последние пять лет?

— Неужели прошло столько времени?

— Вне всякого сомнения.

— И мы оба теперь — ответственные взрослые люди и предприниматели.

Она усмехнулась:

— Я бы не назвала себя предпринимателем, особенно по сравнению с тобой.

— Ты управляешь своим собственным бизнесом, стараешься ради самой себя...

— Ну, если под этим ты подразумеваешь «управлять своим бизнесом до изнеможения»... — Она нахмурилась и запрокинула голову, наслаждаясь последним глотком коктейля.

— Мировой финансовый кризис негативно сказывается на всех, Элли. Не будь так строга к себе.

— А, судя по всему, кризис затронул и тебя тоже. Теперь, наверное, летаешь экономклассом? — Сарказм всегда был ее излюбленным способом защиты — еще одна черта, оставшаяся неизменной. — А чем же занимались вы сами, мистер завсегда с тай списка молодых богачей из «Форбса»?

Она жестом попросила бармена принести еще один напиток.

Кол прыснул:

— Боже, ненавижу эти ярлыки!

— Можешь гордиться. Все лучше, чем состоять в списке старых богачей. — Голос Элис дразнил, но в ее мрачном взоре застыла твердость.

Кол поежился:

— Ты ведь знаешь, я поспеваю за тенденциями... по крайней мере, в том, что касается системных плат.

— По-моему, твой статус позволяет тебе от души развлекаться.

— В каком смысле? — нахмурился Кол.

— Недавно мне попала на глаза одна газета, где я увидела твою довольно компрометирующую фотографию с дочерью владельца технологической империи.

Ах, опять это... Несмотря на сплетни, раздуваемые в светской хронике, Кол с предельной осторожностью давал журналистам пищу для размышлений. Никаких супермоделей, кинозвезд или светских львиц с ним рядом. Но однажды он познакомился с богатой наследницей Тессой Бейтс, которая представилась вымышленным именем. Как оказалось, Тесса взбунтовалась против своего отца и «подкатила» к Колу во время одного из крайне редких для него появлений на публике. Он попал прямиком в расставленную ею ловушку — так и появились фотографии его, обнаженного, на ее якобы скрытом от посторонних глаз балконе.

— А тебя, похоже, всерьез заботит моя личная жизнь.

— Это вряд ли.

— Ну, ты второй раз за две встречи упоминаешь об этом. — Кол наклонился вперед, и его колени задела ее колени.

Элис напряглась всем телом:

— Это исключительно твое дело — с кем тебе спать.

— В любом случае это была ошибка, — небрежно подернул плечами он. — А как насчет тебя? Встречаешься с кем-нибудь?

Она на мгновение задумалась.

— Нет. Сейчас у меня совершенно нет времени на всю эту чепуху.

— Кажется, это ты осуждала меня за принцип «Делу — время, потехе — час».

Она наморщила дерзкий вздернутый носик и предпочла сменить тему:

— Так ты скажешь мне, чем, по-твоему, я могу тебе помочь?

— Что, и все? После пяти лет разлуки ты поболтала со мной всего пару минут?

— Ну, едва ли это было пару минут, — отрезала она. — Ты и меньшего не заслуживаешь.

Кол втянул в легкие побольше воздуха. Он знал, что этот момент настанет. Этот непростой момент, когда ему придется признаться в том, что изводило его с самого детства. Тому, кто привык иметь дело с самыми несговорчивыми в мире инвесторами, самыми острыми

умами в электронной промышленности и самыми хваткими, будто стервятники, журналистами, не пристало мучиться какими-либо страхами. Но он мучился. Этот страх, незыблемый, непреодолимый, таился так глубоко, что уходил корнями в самую его сущность. И теперь Кол должен был признаться в этом Элис — единственному на всем белом свете человеку, которым он восхищался.

— Я приехал сюда на очень важное мероприятие — на конференцию. — Он закашлялся и сделал глоток содовой. — Меня пригласили основным докладчиком, и мне нужно дать представление о том, как технологии формируют фитнес-индустрию.

Элис медленно покачала головой:

— Не знаю, с чего ты решил, что я могу тебе с этим помочь.

— Мне нужен кто-то, кто помог бы мне подготовиться к речи не касательно ее содержания, а в том, чтобы суметь подняться на сцену и говорить перед всеми этими людьми. — Даже от упоминания об этом струйка ледяного ужаса проползла по его спине. — Ты выступала всю жизнь. Ты знаешь, как справляться с нервами, со страхом перед аудиторией...

— И ты всерьез говоришь мне, что боишься публичных выступлений? Ты, Кол Хиллам, генеральный директор, нью-йоркский сердцеед, вундеркинд от технологий? — Она уставилась на него с разинутым от изумления ртом.

— Все мы чего-то боимся, Элис. — Стараясь подавить гнев, Кол сжал стакан пальцами.

— Да, но ты... — Она в замешательстве всплеснула руками. — Разве ты все время не договариваешься о каких-то сделках? Разве не проводишь свою жизнь, налаживая и развивая полезные знакомства и продавая продукцию своей компании?

Если бы только это... В своей отрасли Кол слыл кем-то вроде отшельника. Разумеется, он проводил деловые встречи, но при любом удобном случае избегал общения... особенно если речь шла о личных связях. В сущности, сегодня он впервые сидел в баре с женщиной... Кол и забыл, когда последний раз был на свидании. «Не то чтобы это свидание...» — поправил он себя.

— Это совсем другое. — Кол сжал стакан так крепко, что тот чуть не лопнул в его пальцах. С усилием выдохнув, Кол поставил

стакан на стол и положил обе руки на колени — он часто прибегал к этому способу, когда нервничал. Наверное, ему все-таки стоило заказать что-то покрепче содовой.

— Как это — другое? — Элис казалась... настороженной. Неужели считала это уловкой, чтобы втереться к ней в доверие?

— Находиться в переговорной с десятью людьми мне комфортно, я могу с этим справиться. Я знаю, что делаю. Я добиваюсь своего, действую напористо — и побеждаю. Но оказаться там, со всеми этими глазами, устремленными на тебя и ждущими, что ты вот-вот ошибешься... — в груди у него все сжалось, дыхание участилось.

Ничего себе, а Кол Хиллам действительно чего-то боялся! Его грудь поднялась и резко упала, мышцы напряглись под тонким хлопком его легкой голубой рубашки. При каждом вдохе у него перехватывало горло, губы плотно сжались, челюсти стиснулись.

Сначала Элис сомневалась: а не придумал ли все это Кол, чтобы провести с ней время? Может быть, он действовал по какому-то заранее придуманному сценарию, чтобы подобраться к ней, не утруждая себя лишними заботами. Но легкая испарина, выступившая у него на лбу, и железная, до побелевших костяшек пальцев хватка, с которой он вцепился в стол перед ними, говорили об ином.

— Не сомневаюсь, ты можешь позволить себе нанять кого-то, кто специализируется на подобных фобиях...

— Нет.

Он так яростно выплюнул это слово, что парочки вокруг стали бросать в их сторону любопытные взгляды. Элис склонила голову набок, наблюдая, как сощуриваются его глаза. С тех пор как его лицо утратило юношескую мягкость, Кол стал еще великолепнее. Округлости и плавные изгибы заменили твердые углы и острые грани. Из расстегнутого ворота рубашки проглядывала легкая порось темных волос, засученные рукава обнажали сильные руки. Даже его глаза выглядели теперь тверже, их линия синева, напоминавшая поношенную джинсовую ткань, таила в себе нечто загадочное.

— Ты оказываешь себе медвежью услугу, Кол. Обратись за помощью к профессионалам. Я — всего лишь балерина.

— Ты единственная, кто может мне помочь.

Он потянулся и сжал ее руку, потом провел большим пальцем по ее костяшкам. Элис взглянула на Кола, и у нее перехватило дыхание. Нахмуренная бровь, серьезные глаза, мрачный разрез рта — все это было слишком хорошо ей знакомо.

— Ты единственная, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы помочь мне решить эту проблему.

Воспоминания нахлынули на Элис, ей долго удавалось отмахиваться от них, но сейчас, стоило только Колу коснуться ее, как они обрушились с пугающей яркостью. Десятилетний Кол стоял на пороге ее дома, его руки были сине-черными от синяков, лицо стянуло в твердой маске ярости. И никаких слез, Элис никогда не видела у него ни единой слезинки. Кол спросил, может ли остаться на ночь, и Элис без лишних расспросов впустила его. От него воняло спиртным, которое его отец выплеснул на него. Элис сжимала Кола в объятиях, пока оба не заснули, а наутро ее отец обнаружил их двоих лежащими перед камином. Она была единственной, кому Кол позволял утешать себя, единственной, кого он допускал в свое личное пространство. Даже брату Элис, Ричу, который был его лучшим другом с детского сада, Кол не доверял так, как ей.

— Я не могу тебе помочь. — Воспоминания закружили Элис в бурном водовороте, окончательно сбивая ее с толку.

Кол стиснул зубы:

— Пожалуйста, Элли.

Она не умела собирать по кусочкам сломленных людей — она знала это по своему горькому опыту. Несмотря на все ее попытки, они или уходили, или замыкались в себе. В последний раз, когда она пыталась помочь Колу, у нее ничего не вышло, и он уехал. Теперь же она каждый день пыталась оттащить свою мать от края пропасти — и тоже тщетно.

— Прости, тебе стоит найти кого-то другого. Я не тот человек, который тебе нужен. — Она отодвинула от себя пустой коктейльный бокал и схватила со стола свою сумочку.

Элис стала пробираться сквозь толпу, увертываясь от официантов с подносами и посетителей бара, пока не вышла к лестнице, которая вела вверх, к мосту. Ночной воздух обдал горящие

щеки, и Элис с облегчением вздохнула. Если она сможет избегать Кола на протяжении его визита в Австралию, все будет в порядке.

Глава 3

Как же исправить положение? Этот вопрос пугал Элис не так, как другой: как она вообще позволила ситуации дойти до такого? Элис знала ответ на этот вопрос: она была слабой. Слишком слабой, чтобы сказать «нет» матери, чтобы потребовать от брата приехать домой и выполнить, наконец, свои обязанности.

Элис снова провела хитрые подсчеты, стуча по калькулятору и надеясь на другой результат. У нее был единственный способ свести баланс — уволить одну из преподавательниц и взять на себя больше занятий. Подобное решение не назовешь идеальным, но это было лучше, чем позволить бизнесу и дальше катиться по наклонной.

Сидя за маленькой стойкой ресепшн, Элис наблюдала, как болтают ожидавшие матери, пока класс детей младше двенадцати лет заканчивал занятия. Вскоре девочки выскочили из зала, полные энергии, в отличном настроении, несмотря на изнурительное отработывание техники с Жасмин. Элис не могла уволить Жасмин — они были лучшими подругами с шестилетнего возраста и поддерживали друг друга в тяжелые времена.

— Увидимся в следующий четверг, девочки. Не забывайте о растяжке! — прощбетала Жасмин и помахала вслед уходящим ученицам.

Элис завидовала Жасмин и ее новой жизни с необычайно сексуальным женихом, звездой Австралийской футбольной лиги. Они были на редкость счастливы, и подруга заслуживала этого... но Элис не могла не желать себе хотя бы крошечной доли такого счастья.

Закинув ноги в кроссовках на стойку, она направила на себя струю переносного вентилятора. Система кондиционирования воздуха в студии опять вышла из строя, и Элис всю ломала голову над тем, как же заплатить за ремонт. Прогноз погоды обещал изнуряющую жару на следующей неделе, и это означало, что решение придется принимать очень быстро.

— От Кола что-нибудь слышно? — Сняв гетры и пуанты, Жасмин сунула ноги в туфли-балетки.

Элис так и не рассказала Жасмин, что вчера вечером они с

Колом пропустили по бокальчику. Подруга не одобрила бы этого, а Элис сейчас было не до нотаций. Она почти не спала, мечась между воспоминаниями и мыслями о судьбе студии. А еще Элис немного мучило чувство вины за то, что она вот так запросто отмахнулась от открывшего ей душу Кола. Впрочем, это ведь он, Кол, в свое время бросил ее, так что пусть получает по заслугам!

— Эй! — Перед ней возникло лицо Жасмин, а на плечо опустилась ободряющая рука. — Ты меня тревожишь.

— Я в порядке. — Элис выжала из себя веселую улыбку. — Ты ведь знаешь мою квартиру. Летом там так жарко! Прошлой ночью я глаз не сомкнула.

— Ясно. Дай знать, если захочешь поговорить. — Жасмин убрала руку и бросила на Элис резкий взгляд, гласивший: «Я — твоя лучшая подруга, не вздумай меня дурить».

— Как будто мой поток красноречия вообще можно остановить. — Элис села прямо, стряхивая с себя изнеможение.

Жасмин уже собиралась уходить, когда дверь в студию распахнулась. Фигура Кола почти целиком заполнила дверной проем, на фоне блеклого света его мощные плечи казались даже шире. На лице Кола застыло напряженное выражение, а в устремленном на Элис пронзительном взоре не было ни капли обычной заносчивости.

— Привет, Элли.

— Кол?

Взгляд Жасмин заметался между ними, и она придвинулась ближе к стойке, нависнув над Элис так, словно вот-вот ударит незваного гостя.

— Все в порядке, «телохранитель», — кивнула Элис подруге. — Я и сама могу с ним справиться.

Жасмин нахмурилась:

— Если тебе нужна моральная поддержка, я останусь.

— Все в порядке, иди.

Жасмин взяла сумку и прошла мимо Кола, сердито зыркнув на него перед тем, как безмолвно удалиться. Элис не без труда подавила улыбку — Жасмин была до неистовства преданной подругой.

— Понятно, она не моя фанатка. — Кол прошел в глубь студии, в несколько шагов пересекая маленькую комнату.

— Нас таких двое. — Элис попыталась поддержать дразняще-легкомысленный тон. — Наверное, мне стоит создать группу в «Фейсбуке».

Он был одет в облегающие джинсы, начавшие протираться на коленках, безупречную белоснежную футболку и черные кеды. Его темные пряди не были уложены и завивались на концах. Толстый кожаный браслет на правом запястье оттенял загорелую кожу. Кол выглядел невероятно, и Элис ненавидела собственное тело за предательски острую реакцию на его присутствие.

— Не нужно принимать все в штыки.

— Чего ты хочешь, Кол?

— Я хочу, чтобы ты передумала.

Кол прислонился к столу, и его аромат пробудил в Элис самые безрассудные чувства. Это был слабый запах лосьона для бритья, смешанный с благоуханием залитой солнцем кожи, сдобренный ноткой корицы и чем-то еще... чем-то исключительно мужественным.

— Ты что, забыл, о чем мы говорили вчера вечером? — Элис заставила себя отвести взгляд от его мощного торса. — Я уже дала тебе свой ответ.

И сейчас повторю то же самое.

— Значит, назло мне позволишь своей студии обанкротиться? — Он подался вперед, сдвинув брови. — Мы можем помочь друг другу.

— Я не хочу от тебя помощи.

— Я мог бы в это поверить, если бы тебе действительно не требовалась моя помощь.

Без застегнутой на все пуговицы рубашки, брюк от делового костюма и дорогих ботинок он выглядел... обычно. Совсем как тот парень, которого Элис помнила по ночи, когда потеряла свое сердце, когда была буквально уничтожена и не смогла снова собрать себя по кусочкам. По ночи сдавленных стонов, пропитанной потом кожи и страсти, столь яркой и мощной, что Элис так и не удалось ни разу повторить нечто подобное.

— Ты можешь избавиться от одной из своих преподавательниц. — От взгляда Кола кожа Элис вспыхнула огнем. — От кого же? Я знаю, что ты не уволишь Жасмин, она — слишком близкая подруга. Может, тогда ту рыжую, Мисси? Ее ты тоже знаешь целую вечность. Неужели ты и правда смогла бы выставить ее за дверь? Или...

— Прекрати! — закричала она с такой яростью, что Кол осекся.

Сердце отрывисто колотилось, голова пульсировала, и Элис, казалось, что она вот-вот взорвется от стресса, бессонницы, отчаяния.

— Ты не можешь вот так запросто являться сюда и манипулировать мной, заставляя помогать тебе, — сквозь зубы процедила она. — Ты не поступишь так со мной. Это ведь ты тогда уехал!

Глаза Кола затуманились, помрачнев, а губы сжались в тонкую ниточку. Его руки с глухим стуком опустились на поверхность стойки, а лицо зависло в нескольких дюймах от лица Элис. Она ясно видела надвигающуюся грозную тучу эмоций: необузданный гнев, угрызения совести, яростное стремление отстаивать свою правоту.

— Я оказал тебе услугу, Элис, когда уехал. Я оказал большую услугу нам обоим.

— Чушь. — Невероятным усилием воли она отвела от него взгляд.

— Обещаю, если ты поможешь мне, я позабочусь о том, чтобы твоя балетная студия никогда больше не страдала. Я позабочусь о том, чтобы ты сама никогда больше не страдала, и буду держаться в отдалении, не вмешиваясь в твою жизнь.

Интересно, долго ли Элис будет стоять на своем? Кол знал, что она должна просто ненавидеть его за тот отъезд — он и сам себя ненавидел, — но тот шаг был лучшим выходом для них обоих. В свое время ее семья приютила его, и Кол обещал брату Элис, что никогда и пальцем к ней не притронется... но нарушил обещание. Это была лучшая ночь в его жизни... но за все, увы, приходится платить. Кол потерял лучшего друга и злоупотребил добротой, с которой отнеслась к нему семья Джонсон.

С тех пор его отношения с женщинами сводились к случайным

легкомысленным интрижкам. Кол предпочитал связи на одну ночь, иногда позволяя им растягиваться еще на разок-другой. Но не дольше. Никто и никогда не сравнился бы с Элис, так имело ли смысл пытаться?

— Исключительно деловые отношения, — предупредила она. — Даже не рассчитывай на то, чтобы поразвлечься со мной.

— Даю слово. — Его мышцы тут же расслабились.

Элис вздохнула:

— Мне по-прежнему кажется, что я не тот человек, который может тебе помочь.

— Ты — именно тот человек, — решительно кивнул он. — Я нисколько в этом не сомневаюсь.

— Прекрасно, тогда давай встретимся завтра, чтобы обсудить детали, а потом ты расскажешь мне, что, по-твоему, я могу сделать. — Она махнула рукой, будто прогоняя его. — Мне пора домой.

— Идет. Может быть, позавтракаем вместе? — Он помнил, что Элис питала слабость к яичнице с беконом.

— Давай встретимся на старом месте, куда мы обычно ходили по субботам. — Слабое подобие улыбки тронуло ее губы.

— Там, где подают великолепную яичницу.

Она кивнула.

Кол прибежал в кафе с утра пораньше, хотя и уверял себя, что не горит желанием уединиться с Элис в маленькой кабинке. Он был ранней пташкой, так что вполне имело смысл прийти рано.

Он успел позвонить в свой офис, переговорить с секретаршей и первым заместителем. Без него все, похоже, шло своим чередом. Детали вступительной речи были намечены, его пресс-секретарь уже взялся за исследования, которым предстояло лечь в основу его доклада.

Теперь Колу оставалось только побороть боязнь публичных выступлений. И начать следовало с крошечных шажков — разобраться, как Элис готовится к выступлениям на сцене. Так Кол

смог бы понять, какая тактика сработает в его случае, и определить, в каких навыках стоит попрактиковаться. Именно так он и решал все свои проблемы: находил кого-то, кто был хорош в требуемой ему области, учился у этого человека всему, чему только мог, практиковался в этом снова и снова, а потом наконец реализовывал полученные навыки.

— Доброе утро, — вернул его к реальности голос Элис.

Она скользнула в кабинку и уселась напротив него, выглядя настолько восхитительно, как это только возможно в такую рань.

Ее золотистые волосы растрепались, легкие пряди, примятые ото сна, небрежно рассыпались по плечам. Сегодня Элис надела джинсовые шорты и топ со смелым принтом на бретельках, таких тонких, что казалось, они вот-вот порвутся. Длинная золотая цепочка с маленькой подвеской в виде веера свисала почти до пояса, и Колу даже не нужно было смотреть, чтобы знать, что тонкий ножной браслет снова обвивает тонкую лодыжку. Сердце невольно подскочило у него в груди.

— Живенько выглядишь, — сказал он, делая глоток макиато и пытаясь не таращиться на гладкую безупречную кожу, которую выставлял напоказ этот летний наряд.

— Ну если под «живенько» ты подразумеваешь то, что я скатилась с кровати и напялила первое, что попало под руку... тогда да, — с усмешкой протянула Элис, улыбаясь официанту, подошедшему, чтобы принять у них заказ.

В этом маленьком кафе с его отдельными кабинками царила атмосфера особого уединения. Когда Кол получил водительские права, они стали частенько заглядывать сюда в субботу утром. Тогда Кол жил с Элис и ее семьей и пытался отблагодарить Джонсонов за доброту, помогая всем, чем только мог. Например, возил Элис на уроки балета по выходным. Они всегда приезжали рано, так что она успевала подкрепиться углеводами перед долгим днем изнурительных тренировок.

Те завтраки были для Кола самыми важными и приятными событиями недели. В то время Элис явно не замечала, что он чувствовал к ней, — она была буквально одержима желанием пробиться к самым вершинам балетного мира. Как же все изменилось...

— Итак, приступим к делу. — Элис вытащила из сумки блокнот и ручку. — Что ты от меня хочешь?

— Я уже говорил тебе, мне нужна помощь, чтобы подготовиться к речи.

— Как насчет каких-нибудь подробностей, Кол? Потому что пока мне кажется, что ты обратился не по адресу.

Он вздохнул:

— Мне нужно понять, как ты готовишься к выходу на сцену, как справляешься с шалящими нервами, как ты расслабляешься — и все в таком духе.

Она странно посмотрела на него:

— Перед выходом на сцену я обычно делаю растяжку у стены, а не дыхательную гимнастику.

Кол точно знал, как она выглядит во время растяжки, в юности он промучился множество ночей, пытаясь выкинуть из головы воспоминания о ее невероятной гибкости. Снова почувствовав себя возбужденным тинейджером, Кол отмахнулся от этой мысли и проигнорировал чувственный спазм в самом низу живота.

— Я говорю об умственной, психологической подготовке. Дыхательные упражнения, медитация... все что угодно.

— Не знаю. Я просто беру и выхожу на сцену, — покачала головой Элис.

— Ну же, давай, Элис! Ты ведь понимаешь, что все не так просто. Пока мы росли, ты все время этому училась. Только ты можешь мне помочь.

Голос уже срывался от отчаяния, и это безмерно злило Кола. Боже, как он ненавидел ситуации, в которых не был хозяином положения! Но загонять Элис в угол было опасно — она тут же замыкалась в себе.

— Ладно, понятно, — махнула она рукой. — Что еще?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне подготовиться к выступлению, а еще я хочу, чтобы ты была там, когда я буду произносить эту речь.

— Ты хочешь, чтобы я была в зале? — Она выгнула брови и склонила голову набок. — Почему?

— Просто знаю, что мне это понадобится.

Он поерзал на стуле, чувствуя, что все дальше отходит от своей зоны комфорта. Разговор о его слабостях вообще был запретной темой, и теперь его ладони зудели, а ноги отбивали неровный ритм. Кол был готов сорваться с места и сбежать, позвонить организаторам конференции и сказать, что он не сможет произнести речь. Это было бы проще всего. Но он ведь не какой-то там неудачник, не слабак!

— Это не обсуждается, — деловым тоном отрезал Кол, расправляя плечи. — Ты должна быть там, в противном случае в этой сделке нет смысла.

Элис задумалась над его требованиями, накручивая прядь золотистых волос на палец.

— Какие-то еще необходимые условия сделки, о которых мне стоит знать?

— Нет.

Им принесли завтрак, и Кол сосредоточился на поглощении аппетитной яичницы-болтуни, чтобы перестать думать о прошлом.

— А как насчет твоих условий? — Он наколот на вилку кусок бекона. — Разве ты не хочешь узнать, сколько я собираюсь тебе заплатить?

— Твоя щедрость никогда не подвергалась сомнению, Кол. — Голос Элис смягчился, она явно расслабилась и перестала обороняться. — Я знаю, что ты честный человек.

Когда она становилась такой слабой и мягкой, Кол просто не мог устоять. Это делало Элис слишком соблазнительной.

— Видишь ли, это скверная деловая практика. Возможно, тебе стоит быть чуть менее доверчивой в том, что касается денег. Так будет лучше для студии.

Элис тут же взвилась:

— Когда я имею дело с тобой, все иначе. Я не доверяю каждому встречному, я не настолько глупа.

Она доверяла ему? Даже после того, как он бросил ее, она все еще доверяла ему?

— Я знаю, что ты совсем не глупа, Элис, но меня беспокоит, что

кто-нибудь тебя обманет.

— Так как насчет кое-каких моих условий? — сменила она тему.

— Выкладывай.

— Я не хочу, чтобы ты меня благодарил. — Ее лицо посерьезнело.

Кол вскинул бровь:

— В каком смысле?

— Ты мне платишь. После того как все закончится, я тебе ничего не должна, а ты не должен мне. Мы в расчете, квиты — и точка.

Тот факт, что Элис уже думала об окончании их сотрудничества, уязвил Кола до глубины души.

— Идет. Что еще?

— Не показывай характер, если я буду заставлять тебя делать то, что тебе некомфортно. Я не принимаю жалоб от своих балетных учениц, не приму и от тебя.

Кол кивнул. Это было справедливо, он и сам не хотел к себе снисхождений.

— И последнее: мы сосредотачиваемся на деле. — Элис помедлила, подбирая верные слова. — Я не хочу говорить о прошлом, не хочу задавать какие-либо вопросы и не хочу, чтобы ты давал мне какие-либо ответы.

У Кола заныло в груди. Элис хотела забыть, что практически спасла ему жизнь, что была неотъемлемой частью того, кем он был... кем он стал. «Терпи и не жалуйся, это ведь ты уехал от нее, — сказал он себе. — Смирись с этим».

— Ладно? — Она пронзила его взглядом серых глаз.

— Ладно.

Удовлетворенная ответом, Элис кивнула:

— Тогда я помогу тебе.

Волна облегчения захлестнула его.

— Я попрошу своего адвоката составить контракт на условиях, которые мы обговорили, и указать, сколько я хочу заплатить за твои

услуги.

— Прекрасно. — Она махнула рукой, явно не желая обсуждать финансовые вопросы. — Знаешь, все это по-прежнему кажется мне странным. Я в том смысле, что... разве раньше ты не давал интервью, не участвовал в пресс-конференциях?

Конечно, подобный опыт у Кола был. Он продал свое первое программное приложение в двадцать два, а спустя всего три года уже всюду создавал и продавал стартап-компаниям технологическим гигантам. В свое время он стал самым молодым бизнесменом, заработавшим миллион долларов с компанией, существовавшей менее года.

СМИ стали проявлять к нему повышенный интерес, но Кол упорно отказывался от всех интервью, и с развитием карьеры это стало чем-то вроде его отличительной черты. Одна газета даже приклеила на него ярлык «главного отшельника среди генеральных директоров». Кол понимал, что такая боязнь журналистов вредит его карьере... и нынешняя конференция была возможностью доказать самому себе, что он способен победить свои страхи. Что он ушел намного вперед от того ничтожества, которым слыл в школе.

— Обычно я сосредотачиваюсь на том, что по-настоящему важно, то есть на создании инновационных технологий. — Он отправил в рот новую порцию яичницы. — Я не играю на публику для прессы. Но эта конференция — прекрасный шанс для моей компании... так что я собираюсь на ней выступить.

Холодная капля пота покатила по спине Кола. Одной мысли о сотнях глаз, которые будут сосредоточены на нем, оказалось достаточно, чтобы у него сдавило в груди. Внезапно завтрак перестал казаться ему таким уж аппетитным.

— По-моему, в юности ты всегда был немного интровертом, — согласилась Элис. — Вечно возился со своими компьютерами, играл в видеоигры. Мне кажется, все твои страстные увлечения предполагали сидение в четырех стенах.

Кол не собирался раскрывать истинную причину своего хобби. Он начал возиться с компьютерами потому, что часто сидел дома, пережидая, пока пройдут синяки. Наморщив нос, он отодвинул от себя тарелку. Требовалось сменить тему. Быстро.

— Помнится, ты даже потакала некоторым моим занятиям в

стенах дома, — поддразнил он.

На ее лице мелькнула и тут же исчезла какая-то эмоция. Элис потыкала в еду вилкой, едва притронувшись к завтраку.

— Должно быть, теперь у тебя совсем другая жизнь, раз приходится иметь дело с таким множеством людей, а не тихо отсиживаться в укромном уголке.

— Так и есть. Я больше не могу думать только о самом себе. У меня есть команда, которой я руковожу. Мои сотрудники рассчитывают на успех компании, и я играю в этом чрезвычайно важную роль.

— Держу пари, они тебя боготворят. — Мягкая улыбка тронула ее губы.

— Точно.

Да, маска, которую он носил для своей команды, была замечательной — убедительной, искусной, удобной. Он стал натягивать ее с юности, храбрясь перед учителями, врачами, Джонсонами. Он научился быть лидером, натренировал этот навык, и стороннему наблюдателю могло показаться, что для него это так же естественно, как одеваться по утрам. На счастье Кола, никто не знал, что происходит у него внутри... никто, кроме Элис.

Глава 4

— Ты согласился делать все, что я скажу. — Элис уперла руки в бока и попыталась подавить коварную улыбку, в которой уже растянулись уголки ее губ.

Два голубых глаза взглянули на нее так пронзительно, будто вот-вот начнут метать молнии. Кол учащенно дышал, его обтянутая серой футболкой грудь вздымалась и падала. Он крепко сжал руки на груди, и накачанные мышцы напряглись. Черт возьми, как же отвлекали от дела эти его бицепсы!

— Это смешно, бессмысленно и... жестоко. — Кол смотрел на группу маленьких девочек, которые подпрыгивали на месте и, лепеча что-то друг другу, пытались вставать на пуанты.

— Если ты не можешь стоять перед четырехлетними малышками, которым и в голову не придет тебя оценивать, как ты окажешься в зале, полном деловых партнеров и конкурентов?

— Чушь собачья... — Кол бросил на Элис сердитый взгляд. — И ты сама это знаешь.

Хорошо, может быть, она и выставила Кола перед балетным классом собственной забавы ради. Но она ведь предупреждала: если он хочет от нее помощи, она — главная. И точка.

— Если тебе больше не требуются мои услуги, можешь спокойной душой уйти. — Элис показала на дверь, явно пытаясь взять его на слабо.

— А как насчет мамаш? — Кол махнул в сторону смотрового окна на двери, за которой слонялись несколько матерей учениц. — Неужели их устраивает то, что здесь с их детьми околачивается какой-то мужик?

Элис сладко улыбнулась, наслаждаясь статусом хозяйки положения:

— О, я спросила у них разрешения. Они не возражают.

Колу ничего не оставалось, как стиснуть зубы и повернуться лицом к классу.

— Итак, девочки, — начала Элис учительским тоном, — сегодня к нам присоединится почетный гость. Это мой друг, Кол, и мне бы хотелось, чтобы вы приняли его со всем своим радушием. Сегодня он поможет мне провести занятие.

Одна из учениц вытянула пухлый пальчик в направлении Кола, и ее ангельское личико с подозрением нахмурилось.

— Вы не похожи на учителя балета. Где ваши пуанты?

Элис опустила взгляд на пол. Из обтрепанных штанин потертых джинсов Кола торчали босые ноги. Он покачнулся на пальцах, оторвав пятки от пола. Элис скользнула взглядом выше, по джинсам, которые плотно обтягивали его мускулистые бедра, и футболке, облежавшей крепкий торс.

Кол пожал плечами:

— Ввожу новую моду.

Девочка взглянула на него и, похоже, приняла ответ, потому что повернула голову к Элис, как бы говоря: «Ладно, можете приступать».

— Начнем с нашего батман тандю. — Элис хлопнула в ладоши, привлекая внимание учениц. — Приготовились! Раз, два...

Она включила музыку и стала демонстрировать упражнение, с трудом сдерживая смех при виде Кола, неуклюже затоптавшегося рядом. Он пытался попеть за музыкой, но для человека, которому медведь на ухо наступил, эта задача была непосильной.

Ладно, возможно, это был жестоко и странно... но разве она не заслужила немного веселья? В последнее время Элис не хватало хороших развлечений — в том числе и в постели, и в этом смысле неожиданный приезд Кола вызывал у нее серьезные опасения.

— Мисс Джонсон, вы сбились с шага!

Она с досадой покачала головой, остановив музыку. Тяжелая рука опустилась ей на плечо, кремень в глазах Кола вдруг превратился в нечто иное... нечто, заставившее все внутри томительно сжаться.

— Простите, девочки... и мальчик. — Щеки Элис вспыхнули, и она повела плечом, освобождаясь от прикосновения Кола. — Даже преподаватели иногда сбиваются.

— Почему бы нам не попробовать снова? — Все та же девочка повторила фразу, которую часто произносила сама Элис, когда ее маленькие ангелы начинали отвлекаться.

— Прекрасная идея, Джинни.

Элис неловко завозила с пультом от стереосистемы и вдруг потеряла равновесие, ощутив легкое головокружение. Может быть, она что-то не то съела на ланч. А она вообще ела ланч? Как, впрочем, и завтрак?

— Стой на месте! — Кол метнулся к Элис и подхватил ее, когда пол стал уплывать у нее из-под ног. — Элис?

Кол резко притянул ее к себе — так быстро, что она не успела подумать, среагировать. Аромат корицы и меда окутал ее, заставив покачнуться в объятиях Кола. О нет, только не это!

— Мисс Джонсон! Мисс Джонсон! — закричали ученицы, когда ее веки, затрепетав, закрылись.

— Со мной все в порядке. — Элис прижала ладонь к голове и попыталась твердо встать на ноги, слегка отталкивая Кола, все еще державшего ее мертвой хваткой.

— Ты бледная как полотно!

— Со мной и правда все хорошо. — Она сделала шаг, и комната вдруг накренилась, словно кто-то опрокинул балетную студию, как домик из детского конструктора.

— Ага, я поверю в это, когда ты сможешь самостоятельно стоять на ногах. — Кол приобнял Элис, закинув ее руку себе на шею. — Пойдем найдем, где тебе присесть.

Они направились к выходу из зала, туда, где стояла стереосистема. Элис опустилась на маленький пластиковый стул и уронила голову на руки. Если бы только комната перестала кружиться...

— Ну как ты?

Кол медленно оторвал руки Элис от ее лица, и реакция на его прикосновение волной прокатилась сквозь нее. Всякий раз, когда он прикасался к ней, тело вспыхивало пламенем воспоминаний, в котором мелькали картины, звуки, прерывистое дыхание, вкус его кожи под ее губами... Нет, только не это!

— У меня просто немного закружилась голова.

— Когда ты в последний раз ела?

— Я пила чай на полдник... — Оказывается, Кол помнил ее привычку пропускать прием пищи в моменты стресса. Она подняла на него взгляд. — Вчера.

— Черт возьми, Элис, — прорычал Кол и покачал головой. — Нельзя так наплевательски к себе относиться.

В зал вбежала Жасмин, путаясь в длинной летящей юбке:

— Девочки, я хочу, чтобы вы все потренировали со мной танцю. Кто исполнит лучший танцю, после занятий получит приз.

Группа крошечных балерин попыталась сделать несколько шагов, но все старания свелись к хихиканью.

— Что происходит? — сдвинула брови Жасмин. — Хочешь, я заменю тебя на занятии?

Элис молча кивнула.

— Кто-то решил, что потреблять калории в течение дня совсем не обязательно, — скрестил руки на груди Кол.

— Элли! — упрекнула Жасмин.

— Ой, только не надо нотаций! — Элис предупреждающе вскинула руку. — Вспомни, что было с тобой, когда несколько месяцев назад ты поссорилась со своим красавчиком!

— Оставь класс на меня. — Жасмин оглянулась и жестом приказала ученицам вернуться на свои места. Она скользнула по Колу осторожным взглядом, словно решая, стоит ли ему доверять. — Можешь отвести ее куда-нибудь поесть? И проследить за тем, чтобы она именно поела, проглотила каждый кусочек?

— Сделаю, обещаю.

Жасмин приступила к занятию прямо в своей длинной юбке и с босыми ногами. Собравшись с духом, Элис поднялась со стула, но ноги тут же задрожали, и Кол помог ей устоять на месте. Она снова прикрыла глаза, пытаясь восстановить равновесие.

— Когда ты умудрилась так отощать? — Кол обвил мощной рукой ее плечи. — У меня такое чувство, будто я держу куриную

косточку.

— Не начинай.

Когда нервничала, Элис переставала есть. Если некоторых в моменты переживаний так и тянуло на чипсы и шоколад, ей становилось дурно при одном только взгляде на еду. Не то чтобы она привыкла морить себя голодом, просто не могла ничего проглотить во время стресса. Разве она виновата в том, что теперь такие моменты случались довольно часто?

— Эй, — Кол положил ладонь ей на щеку, убирая прядь волос за ухо, — я волнуюсь о тебе, моя маленькая Элли.

— Ты немного с этим опоздал. — Голод обострил ее эмоции, Элис тонко чувствовала боль, спазмом сжимавшую живот и заставлявшую сердце колотиться. На ее счастье, она просто не умела плакать.

Элис подернула плечами, стряхивая руку Кола, и пошла к выходу, избегая пристального взгляда Жасмин и скрываясь за спинами учениц. Потом быстро на ходу помахала на прощание матерям — не хватало еще, чтобы кто-то сейчас стал задавать вопросы.

— Знаешь, а ведь тебя настигла карма, — заметил Кол, выйдя вслед за ней на улицу.

Последние солнечные лучи заливали светом стоянку, а гигантский пылающий шар катился за горизонт. И с чего это она вдруг стала замечать красоты пейзажа, тогда как обычно мчалась к машине, не глядя по сторонам?

— Карма?

— Ага, за этот твой сегодняшний глупый урок.

Уголки губ Элис вздернулись в улыбке. Пусть уж лучше Кол шутит над ней, чем жалеет ее.

— Кол, ты платишь мне за мои профессиональные знания. Так почему бы тебе не позволить мне планировать программу занятий?

— Еще раз попробуешь выкинуть подобный фокус — и я заставлю тебя хорошенько заплатить за это.

Элис подошла к своей машине, и Кол остановился рядом.

Осознание его близости пронеслось по ее венам. Элис слышала звук его учатившегося дыхания, царапанье его ладони по заросшему щетиной подбородку, даже биение его сердца — или, возможно, своего собственного. Как и множество раз прежде, она просто перестала отделять себя от него.

Элис повернулась к нему — медленно, осторожно, чтобы не нарушить свое шаткое равновесие. Ее щеки тронул бледно-розовый румянец, серые глаза скрылись под темными ресницами. Желание поцеловать ее обрушилось на Кола с сокрушительной силой. Он никогда не встречал девушку, подобную ей, ту, что могла бы сравниться с этим нагромождением сложности и уникальности, которое как магнитом притягивало его. Она была отчаянно независима, и все же Кол знал, что под сарказмом, чувством юмора и легкомыслием таится уязвимость, такая изысканная и прекрасная, что сейчас он отдал бы все, лишь бы почувствовать ее.

Когда-то он уже отдал все ради этого желания, нарушил обещание, данное лучшему другу, и расплатился за это всем, что у него только было. Но он, похоже, готов был сделать это опять. Ради нее он бросал бы все, что у него есть, снова и снова. «Перестань, поезд давно ушел, — одернул он себя. — Ты уже потерял все в прошлый раз — и поступил правильно, когда решил уехать от нее».

— И как же ты заставишь меня заплатить? — Элис задрала нос, глядя на него дерзко и оболъстительно.

Кол наклонился так, что его губы почти коснулись ее уха:

— Тебе не нужно это знать.

Он ощутил дрожь, пронзившую ее тело, заметил вспышку, мелькнувшую в ее зрачках, стремительный вдох, ее язык, метнувшийся к уголку рта. Все это сулило ему верную гибель...

— По-моему, все это пустой разговор, Колби Хиллам, ничего ты не сделаешь!

— Элис... — предупреждающе зарычал он.

— Все. Пустой. Разговор, — она язвительно выплюнула слова, и ее губы скривились в усмешке, заставляя кровь Кола закипеть. — Ты. Ничего. Не сделаешь.

Повинуясь порыву, Кол схватил Элис за плечи и прижал к машине. Его лицо зависло в считанных дюймах от ее лица, так близко, что Кол мог ясно различить блеклые веснушки, усыпавшие ее нос, и странные золотистые колечки на радужке, делавшие ее глаза не просто серыми.

Ее губы приоткрылись в ответ — то ли потрясенно, то ли приглашающе... Он почувствовал, как нарастает эрекция, горел желанием прижаться к Элис, ослабить это напряжение. Ее ресницы опустились, и она застыла на месте, как изваяние. Он мог поцеловать ее, мог наклонить голову и с такой невероятной легкостью завладеть этим сладким, восхитительным ртом...

«Держи себя в руках, даже не вздумай!» — вдруг мелькнуло у него в голове.

— Я отвезу тебя поужинать. — Он отстранился, распрямив плечи и игнорируя ноющую неудовлетворенность, от которой одеревенели конечности.

Элис закатила глаза:

— Когда ты приглашаешь так вежливо, разве можно отказаться?

— Такой дерзкий рот на таком ангельском личике. — Кол с укоризной покачал головой. — И я точно знаю, что «вежливо» в твоем случае не работает.

Элис открыла рот, чтобы запротестовать, но тут в животе у нее громко заурчало.

— Ладно, но я поведу.

Вскоре они уже сидели в уютном итальянском ресторанчике. Это маленькое семейное заведение будто создано было для обсуждения безопасных тем — вроде того, как Элис обычно готовится к выступлениям. Теплое сияние свечи смягчало окружающий их свет, оставляя золотистые блики на волосах Элис, а их колени то и дело сталкивались в тесном пространстве. И Кол совсем не чувствовал себя в безопасности.

Пока за время пребывания в Австралии он успел сделать совсем немного. У Кола так и не дошли руки до уборки в доме отца — это место он на дух не выносил. Он едва просмотрел присланные пресс-секретарем тезисы предстоящего выступления, слишком погруженный в мысли, которые не стоило допускать до сознания.

— Даже не пытайся выкинуть еще один фортель вроде того, что ты вытворила сегодня, — сказал Кол, старательно изображая раздражение.

— Это был не фортель. Я просто воспроизвела сценическую атмосферу. — Элис разломала пополам чесночный хлеб и отправила кусок в рот. — И то, что этот урок немного развеселил меня, не делает его менее полезным.

— Хватит морочить мне голову! Я знаю, Элис, ты прекрасно отдаешь себе отчет в том, что делаешь, в каждой мелочи. — Он сделал глоток красного вина и многозначительно посмотрел на нее. — Так что можешь не прикидываться дурочкой. Я на эту удочку не попадусь.

Она кивнула и подавила улыбку:

— Разве можно обвинять девушку в том, что она пытается хоть немного отплатить парню, который, как говорится, поматросил и бросил?

— Так это была месть за мой отъезд? А я-то думал, ты отплатила мне за все те времена, что я обзывал тебя Упертой Балериной.

— В свое время я с гордостью носила прозвище Упертая Балерина. — Грустная улыбка коснулась ее губ.

— Ты буквально жила балетом.

— Только этим я всегда и хотела заниматься. — Она обвела кончиком пальца край бокала. — Помнишь, как я опаздывала на репетицию, и ты подвозил меня после работы? Мне пришлось переодеться на заднем сиденье машины, потому что без формы меня не пустили бы на занятие.

Помнил ли он? А кто забыл бы ту красивую девчонку на заднем сиденье, срывающую с себя рабочую одежду и натягивающую узкое балетное трико и этот балетный костюм — леотард? Кол с усилием сглотнул, вновь ощутив неловкое натяжение брюк.

— Ладно, давай по-честному, Кол. Поговорим о твоём выступлении, и на сей раз без фокусов, серьезно. — Элис накрутила спагетти на вилку и отправила порцию в рот. — Начать хорошо бы с того, по какой причине ты боишься публичных выступлений. Это позволит понять, какая методика подготовки тебе подойдет.

— Я рассчитывал на подход из серии «глубоко дышать и считать до десяти». — Он нервно взъерошил волосы и стал отбивать ногой быстрый ритм. — Все эти мудреные психологические штучки не для меня.

— Тебе придется в них разбираться, если хочешь предстать перед всеми этими людьми. Мы говорим о сотне человек? О тысяче?

Паника противными мурашками поползла вверх по спине Кола, а горло будто ледяными пальцами сжало.

— Не знаю.

Он старательно избегал заглядывать в эту часть короткой справки, составленной для него секретаршей, потому что знал, как остро отреагирует. Кол с шумом выдохнул — эти проклятые публичные выступления были его ахиллесовой пятой!

— Ладно, это не так важно. — Элис повертела в руках вилку. — Думаешь, все дело в количестве присутствующих? Ты упоминал, что у тебя не возникает проблем в переговорной, так что, может, нам нужно найти нескольких подопытных кроликов, перед которыми ты мог бы попрактиковаться...

— Нет, — резко выпалил Кол, хотя совсем не собирался грубить.

Элис, посерьезнев, задержала на нем взгляд:

— Если ты не можешь даже немного потренироваться, как тогда собираешься выйти к публике?

«Я не знаю!» — отчаянно стучало у него в голове. Это было просто смешно. Он, человек, добившийся такого успеха, с инновационной технологической компанией, названной в его честь, и... ладно, на самом деле его жизнь этим и ограничивалась. Что тоже, впрочем, было немало. В столь юные годы он достиг таких высот, которых иные индивидуумы не в состоянии добиться и за всю свою никчемную жизнь.

Зачем, черт возьми, он страдал этой фигней? Достаточно сказать организаторам конференции, что у него дел по горло, и уехать, не выставя себя на посмешище. Но тогда его общение с Элис прервется. Всем своим существом, всеми фибрами души Кол не хотел ее покидать.

И все же он должен был это сделать. Она могла обойтись и без

такого проблемного субъекта, как он, который только и делал, что все портил.

— Кол? — Голос Элис прервал его мысли.

— Не буду я этого делать. Все, точка, не о чем и говорить.

— А ты все так же упрям, как я погляжу.

Стоявшая между ними свеча замерцала, будто улавливая повисшую напряженность. Кол почувствовал, как под столом стройная нога Элис прижалась к его ноге, и его тело окутало теплом.

— Чья бы корова мычала.

— Я не упрямая.

— Да, не упрямая, а просто невероятно упрямая. Как бы это назвать? Может быть, упертая?

Ее рот в негодовании округлился, и кровь застучала в ушах Кола. Вот такую Элис — злющую, колючую, с выпущенными коготками — он любил больше всего. Ему казалось, что такая Элис могла справиться с чем угодно.

— Слушай, все это, конечно, очень интересно, но ты так и не ответил на мой вопрос. — Она снова попыталась стать хозяйкой положения.

— На какой вопрос?

— Я спросила, почему ты так боишься выступать на публике? — Она пристально посмотрела на него.

— А я тебе ответил, что не хочу всяких там психологических штук. — Он пронзил вилкой порцию пасты, и столовый прибор лязгнул о фарфоровую тарелку.

— Как я смогу тебе помочь, если ты не будешь со мной откровенным? Ты платишь мне — и, наверное, хочешь оправдать свои затраты.

Ее глаза с вызовом вспыхнули, и у Кола перехватило дыхание. Это ведь именно она настаивала на деловом общении — никаких разговоров о прошлом, никаких вопросов и ответов. Элис никогда не поддавалась эмоциям, не испытывала чего-то столь же неловкого и мрачного, как то, что переживал он сам. Ее научили стоически переносить невзгоды, и теперь она хотела знать, какое же именно

неприятное событие — из множества подобных в его биографии — стало причиной его страха.

Кол вздохнул, решив быть честным:

— Помнишь, как-то в детстве на День семьи нам нужно было устроить небольшое представление о своей семье?

Элис сдвинула золотистые брови и часто заморгала, словно просматривая воспоминания перед мысленным взором.

— Вспомни, Элис. Ты пришла с папой, и вы изображали, как ловите злодеев.

— Что-то смутно припоминаю...

— Мое представление было не таким удачным, как твое. — Комок встал в горле у Кола, а унижение обожгло ему грудь, словно и не было всех этих лет. — Я с ума сходил от волнения из-за того, что отец явится в школу и предстанет таким, какой он есть. Я ведь не мог сказать, что он был врачом, адвокатом или полицейским. Он не помогал людям... черт побери, он даже на полставки не работал! В итоге он заявился пьяным.

Кровь отлила от лица Элис. О да, теперь она все вспомнила!

— Он ввалился в класс, и его тут же вырвало прямо на пол, — еле слышно прошептала Элис. — Учителя хотели звонить в органы опеки, но мы забрали тебя к себе домой.

— И ты оставила меня у себя на неделю.

— А потом, через некоторое время, ты переехал к нам навсегда. — Она подняла на него мерцающие глаза.

— Вот почему я ненавижу публичные выступления. Тогда я поначалу надеялся, что отец забыл о Дне семьи и не предстанет там никчемным пьяницей, но он завалился в класс как раз в тот самый момент, когда я говорил. — Своим признанием Кол явно растеребил старую рану.

— Все смотрели на тебя. Смотрели на него. — У Элис перехватило дыхание.

— С тех пор всякий раз, поднимаясь на сцену, я могу думать лишь о нем, о том, как он испортил мое представление, как выдал всем и каждому то, что я так отчаянно скрывал.

— Никто больше не сделает с тобой ничего подобного. Он больше не причинит тебе боль. — Элис потянулась через стол и сжала его руки.

Она говорила, что не хочет говорить о прошлом, но сейчас смотрела на него так, будто пыталась найти ответы, не задавая вопросов.

— Я знаю. Он умер.

Глава 5

Подбросив Кола обратно на стоянку, к его машине, Элис поехала домой. Голова шла кругом от противоречивых чувств. Она должна была злиться на Кола. В конце концов, она помогала ему только потому, что ей отчаянно требовались деньги. Так почему ее душа ныла от сочувствия к нему?

Потому ли, что она помнила, через что пришлось пройти Колу в детстве? Или потому, что знала: одна-единственная ночь в его объятиях связала их навеки?

Элис сидела в машине у своего дома, уставившись перед собой невидящим взором. Она знала, что в моменты безысходности другие плачут, кричат, как-то сбрасывают напряжение. Но ее учили душить в себе эмоции, прятать свои чувства от окружающего мира.

Вздыхнув, Элис вышла из машины. Вечерний воздух ласково окутал ее голые ноги, легкий бриз растрепал волосы. Закинув сумку на плечо, она пошла по каменной дорожке к своему маленькому дому. Воздух благоухал, наполненный восхитительным ароматом гардении, и Элис глубоко вдохнула. Определенно ей стоило раз и навсегда выкинуть Кола из головы.

Элис открыла входную дверь, и ее испугал доносившийся из глубины дома шум.

— Эй, кто там?

— Элли? — окликнул хриплый голос.

— Мама? Это ты? — Сердце сжалось в груди. Если мать была здесь, это могло означать только одно.

Она обнаружила Дарлин Джонсон лежащей на тахте, с бледным лицом, омраченном болью прошлого. Темно-фиолетовые тени залегли вокруг ее глаз, а костлявые руки обнимали тщедушное тело.

С каждым днем она, казалось, все больше таяла.

— Что ты здесь делаешь? — Элис положила сумку на журнальный столик и наклонилась, чтобы взглянуть на мать.

— Я не могла уснуть.

У Дарлин были точно такие же серые глаза, как у Элис, и точно такой же нос пуговкой. Отец всегда называл Элис крошечной копией матери, внутри и снаружи. Неистовая, упрямая, властная. Обожающая верховодить, ненавидящая демонстрировать слабости. В своем лучшем проявлении — кипучая энергия во плоти, жизнерадостная сила. В худшем — замкнутое, упрямое создание, не способное открыть другому душу.

Сейчас же от матери осталась лишь безжизненная оболочка.

— Хочешь остаться здесь на ночь?

Дарлин кивнула:

— Я могу поспать на тахте.

— Не говори глупостей. — Элис помогла матери подняться. — Постелить постель — секундное дело. Хочешь травяной чай?

Дарлин снова кивнула. Элис пошла на кухню, включила чайник и, опершись о столешницу, помассировала виски кончиками пальцев. Иногда она чувствовала, что больше не выдержит. В тяжелые времена мать теряла способность выполнять даже элементарные задачи, а брат Элис, Рич, слинял подальше спустя два года после смерти их отца. Вот так все заботы о матери и находившейся на грани банкротства балетной студии легли на плечи Элис. Здорово, да?

Элис налила кипятка в старый заварочный чайник и приготовила матери спальное место: разложила диван-кровать под скрип старых пружин, расстелила матрас. Потом вытащила запасные подушки из бельевого шкафа и налила две чашки чая.

— Спасибо, Элли. — Дарлин взяла чашку и уселась удобнее, пододвигаясь, чтобы не сидеть на пробивавшихся из-под матраса пружинах. — Ты хорошая дочь.

Элис поерзала на месте, смущенная столь откровенной похвалой из уст матери.

— На днях мне звонили из банка насчет кредита. — Голос матери задрожал от страха.

— Да, они мне тоже звонили.

— Что мы будем делать? У меня ничего не осталось...

— Все в порядке, мама. Я об этом позабочусь, — успокоила

Элис.

Мать затрясло, сжимавшие чашку руки задрожали. Горячий чай немного выплеснулся через край.

— Но они сказали...

— Не волнуйся, — твердо произнесла Элис, крепко сжав запястье Дарлин, чтобы она не ошпарилась. — Я обо всем позабочусь.

— Ты хорошая дочь, — снова прошептала Дарлин. — Я и подумать не могла, что из-за меня мы попадем в такую ситуацию. Я во всем виновата, я во всем ви...

— Перестань. — Элис не хотела слышать оправдания и говорить о прошлом, даже со своей собственной матерью.

— Я пустила все под откос. Я все разрушила.

— Прекрати! — Голос Элис сорвался, выдавая отчаяние, которое она пыталась скрыть под маской спокойствия.

— Хотелось бы мне, чтобы твой отец по-прежнему был рядом. Хотелось бы мне, чтобы мы никогда не отправлялись в тот рейд...

— Тебе нужно поспать, мама. Ты начинаешь сходить с ума.

Дарлин отдала Элис чай, к которому едва притронулась, и заползла в постель. Белая простыня подчеркнула контуры ее по-детски хрупкой фигуры. Элис накрыла Дарлин одеялом.

— Успокойся, — прошептала она, потрепав мать по руке. Элис захотелось обнять ее, но она сдержалась: объятия в доме Джонсонов были не приняты. — Я все решу.

Ровное дыхание наполнило комнату. Наконец-то воцарился покой.

Ряды кресел бесконечной вереницей простирались перед ним. Места были пусты, за исключением одного в середине первого ряда. Элис смотрела на него и ободряюще кивала. Кол мерил шагами сцену, и звук его шагов эхом отдавался в тишине.

— Тебе нужно освоиться в этой среде. — Элис поднялась с места и зашагала по ступеням, ведущим на сцену. — Адаптироваться в

пространстве, оценить возможные риски. Постоять за кафедрой.

— Сейчас?

— Да, сейчас, — деловитым тоном отрезала она.

— Ну и командирша, — пробурчал Кол себе под нос.

Сегодня рано утром его разбудил звонок Элис. Прошлой ночью на нее снизошло озарение, и она решила, что им стоит встретиться там, где он будет произносить речь. Элис ни словом не упомянула о воспоминаниях, которыми он поделился с ней за ужином, зато Кол всю ночь проворочался с боку на бок, не в силах отделаться от них.

— Я все слышу.

— Вот и хорошо. — Кол встал за кафедру, и руки тут же невольно вцепились в нее, словно это был спасательный плот, а он терпел бедствие в открытом море.

— Ладно, остряк-самоучка. Микрофон работает?

Кол передвинул кнопку переключателя, и у основания микрофона вспыхнул зеленый огонек. Потом постучал по микрофону, и звук эхом отозвался в акустических колонках зала.

— Проверка, проверка. Раз-два.

— Очень креативно.

Элис стояла на краю сцены, уперев кулак в бедро. На ней красовались потертые спереди джинсы, в прорехи которых проглядывали соблазнительные участки кремовой кожи. Обычная черная футболка облегала тело, подчеркивая тонкую талию и миниатюрную фигуру. Заплетенные в косу набок волосы делали Элис моложе, но отнюдь не невиннее, и она обошлась почти без косметики. Как всегда.

— Ну а теперь представь, что я — твоя аудитория. И ты просто разговариваешь со мной — никаких критических оценок, никакого давления. — Элис взмахнула руками, и груды браслетов забренчала в такт ее движению.

Кол развернул страницу с тезисами выступления, которую распечатал в своем импровизированном офисе в отеле. Потом разгладил складки на бумаге ладонями, пытаясь подавить объявшую руки дрожь. Это просто она, Элис. И она впервые видит его таким

уязвимым. Он может это сделать.

— Несмотря на то что когда-то здоровье и фитнес отдавались на усмотрение профессионалов, — начал Кол, — появление смартфонов, планшетов и льющейся круглосуточным потоком информации ознаменовало решающие изменения в том, как люди управляют своей жизнью, включая здоровье. Технологические компании ухватились за эту возможность, а умные технологические компании прибегли к таким методам, как игрофикация, для...

Он то и дело запинаясь, а потом, когда волнение тисками сжало грудь и горло, стал задыхаться. Но все это время Элис вдохновляла его двигаться дальше, улыбаясь и кивая в правильных местах, она то и дело взмахивала руками, заставляя его продолжать, когда он сбивался.

Добравшись до окончания речи, Кол чувствовал себя так, словно проехался на американских горках: в животе пульсировало, сердце колотилось. Он и вообразить себе не мог, как будет чувствовать себя в тот самый день, когда на него устремятся сотни глаз. Но это был шаг в верном направлении.

Стоило ему выйти из-за кафедры, как Элис бросилась к нему и обвила руками его шею:

— Я так тобой горжусь!

Время, казалось, остановилось в тот самый миг, когда она прижалась к нему и его руки крепко сомкнулись вокруг ее тонюсенькой талии. Весь мир Кола вдруг сжался до пространства между ними, он учащенно задышал, ощущая исходящий от ее кожи легкий цветочный аромат. Именно Элис была той причиной, по которой его сердце продолжало биться в эти секунды, причиной, по которой он дышал.

Его ладонь скользнула вверх по ее руке и, миновав шею, приобняла Элис за затылок. Его пальцы запутались в ее волосах, и он погладил большим пальцем раковину ее уха.

У Элис перехватило дыхание, ее веки затрепетали. Она убрала руки с его шеи, и теперь ладони упирались ему в грудь.

— Мы ведь вроде собирались общаться исключительно по-деловому?

— Ты первая начала.

Элис прикусила нижнюю губу и застыла на месте, будто решая, как поступить. Потом немного растопырила пальцы, вдавливая их ему в грудь. Кол сгорал от желания поцеловать ее. Она переступила с ноги на ногу, мягко коснувшись его бедрами. Возбуждение охватило Кола томительным пламенем, заставив его плоть мгновенно затвердеть.

— Я должна прекратить это, — произнесла Элис срывающимся голосом, и яркая краска, залив ее шею, расцвела на щеках.

— Мы оба должны.

Но, игнорируя свои собственные слова, Кол медленно наклонился к ней. Элис вскинула голову, ее губы приоткрылись. Кровь шумела в его ушах, оглушительно, горячо пульсируя. Элис будет такой сладкой на вкус, такой...

Стук, раздавшийся у входа в зал, вспугнул их, заставив отскочить друг от друга.

— Я не хотела вам мешать, — бесстрастно произнесла незнакомая женщина, нарушившая их уединение. — Но нам нужно подготовить зал для следующей группы, так что я вынуждена попросить вас заканчивать.

Неужели она чуть не поцеловала Кола? Щеки Элис горели, кожу жгло от его прикосновений. И что хуже всего, самые сокровенные частички ее тела беспокойно пульсировали. Элис стиснула бедра, тщетно пытаясь подавить ноющее неудовлетворенное желание.

Она рассеянно потеревала кончик своей косы. Боже, она ведь чуть не упала в обморок, ощутив под пальцами его твердые мускулы... И теперь могла лишь представлять, как преобразилось тело Кола с тех пор, как она видела его последний раз.

Сегодня Кол выглядел невероятно притягательно — как, впрочем, и всегда, когда был в обычной, будничной одежде. Сидящие по фигуре джинсы обтягивали поджарые бедра и облегали безупречные ягодицы, а футболка в сине-белую полоску подчеркивала широкие плечи и синеву глаз. Образ довершали его любимые потрепанные белые кеды.

— Нам пора идти. — Положив ладонь ей на плечо, Кол повел Элис к дверям.

Они вышли из делового центра, и солнечный свет ослепил ее. Летний зной обрушился на город, застилая дымкой окна зданий. Элис посмотрела на Кола, заслонив глаза от солнца:

— Куда сейчас?

Ей не хотелось ехать домой, а кондиционер в студии еще не починили. В ближайшее время Элис должна была получить от Кола первую половину гонорара, а пока тревогу по поводу своих непомерных расходов стоило держать при себе.

— Мне нужно разобрать кое-какой хлам у отца дома. — Кол вздохнул и, сдернув очки с ворота футболки, нацепил их на нос. — Владелец жилья уже достал меня. Ничего стоящего там, конечно, нет...

— Нужна помощь?

— Это уж точно не похоже на исключительно деловое общение, — заметил он, чуть наклонив голову.

Элис не нравилось, когда она не могла увидеть его глаза — они всегда точно говорили ей, что чувствовал Кол. Гнев, печаль или любая другая эмоция ясно отражались на его лице, и он наверняка мог бы стать ходячим толковым словарем чувств... по крайней мере, в том, что касалось ее, Элис.

Ей всегда нравилась эта черта Кола, она даже завидовала этому. Элис учили подавлять любые чрезмерные эмоции. Дома у Джонсонов не могло быть никаких слез, криков, ссор. Даже объятия слыли здесь непозволительной роскошью. Родители Элис любили друг друга, но их обоих ожесточила служба в полиции, и этой жесткостью пропиталась сама атмосфера их дома.

Потеряв голову от страсти в объятиях Кола той памятной ночью, Элис впервые в жизни испытала истинную, неподдельную эмоцию. И куда это ее привело!

— Не говоря уже о том, что ты не хотела обсуждать прошлое, — добавил Кол.

— Нам и не нужно это обсуждать. — Элис никак не могла собраться с мыслями и сформулировать, почему еще не готова его отпустить. — Я просто подумала, что тебе понадобится помощь, чтобы упаковать вещи и убрать мусор.

— От помощи я не откажусь. — Кол расплылся в обезоруживающей улыбке.

Элис кивнула, приятное тепло разлилось в груди... и виной тому были не солнечные лучи. «Ты ступаешь на опасную территорию, Джонсон, — подумала она. — Очень опасную».

Дом отца Кола оказался именно таким, каким Элис и помнила его с детства. Она бывала здесь несколько раз, и Колу очень не нравились эти ее визиты — видимо, ему было неловко за спертый алкогольный запах и вечный беспорядок.

Сада как такового не существовало: на этой выжженной траве не могло произрастать ничего живого. Лишь несколько цветов в предсмертной агонии покачивались у забора, да сорняки пробивались сквозь трещины в цементной дорожке, ведущей к входной двери. Почтовый ящик давно покорежился, и ободранная краска свисала с него огромными кусками. Одна из цифр болталась на единственном шурупе.

— Дом, милый дом, — сухо произнес Кол, когда они подошли к входной двери.

Что он должен был сейчас чувствовать? Вернуться домой и наводить порядок там, откуда сбежал при первой же возможности, — это, несомненно, было очень тяжело. Поднимаясь следом за Колом по лестнице, Элис прикусила губу. Что ж, по крайней мере, ему удалось покинуть этот дом и избавиться от ужасов своего детства. Оценив его поступок с этой точки зрения, она почувствовала, что уже не так злится на Кола. Ну неужели он не заслуживал права избавиться от этого кошмара?

Они вошли в дом, и Элис сморщила нос от неприятного запаха. В воздухе висело зловоние выдохшегося виски, смешанное с сигаретным дымом, который, казалось, пропитал мебель и стены дома. На полу стояла картонная коробка, доверху забитая пустыми бутылками от виски, бурбона и пива. Обстановка комнаты ограничивалась кушеткой — явно выдавшей и лучшие времена — и журнальным столиком, усеянным газетами и окурками, высыпавшимися из переполненной пепельницы.

— Здесь все... именно так, как я и помню. — Элис прошлась по комнате, стараясь не споткнуться о груды мусора на полу, и в груди

заныло от острой тоски. Ни один ребенок не должен был расти среди такого ужаса.

— Судя по всему, отец не утруждал себя уборкой. — Голос Кола сорвался от злости. — Как и элементарными правилами гигиены. Наверное, привычка — вторая натура.

— Наверное, — эхом отозвалась Элис и, повернувшись к Колу, заметила, как маска самообладания на миг слетела с его лица.

И тут в поле зрения Кола попала фотография в рамке, стоявшая на каминной полке. Невероятной силы гнев исказил его черты, Кол прошагал через комнату и схватил снимок. Фото пожелтело от времени, но на нем, вне всяких сомнений, присутствовали Кол и его отец. Мальчик на снимке расплывался в щербатой улыбке, а на его руке виднелись слабые очертания синяка.

— Он заставил меня улыбнуться для этого фото. — Голос Кола задрожал, плечи напряженно застыли, челюсть сжалась. — Он тряс меня до тех пор, пока я не согласился. А потом еще хранил этот снимок, как какое-то счастливое воспоминание!

Сердце сжалось у Элис в груди. Она хотела прикоснуться к Колу, облегчить его боль... Но не знала, как это сделать. Она была неискушенной в эмоциональном плане. Вот и сейчас Элис понимала, что даже тень мучивших ее угрызений совести не отразилась на ее лице.

— Кол...

— Я думал, что покончил с этим. Я думал, что покончил с ним!

Буквально прорывав последнее слово, он швырнул фотографию о стену.

Разбившееся стекло взорвалось душем осколков. Элис растерянно наблюдала, как они, будто в замедленной съемке, падают на пол, и стук ее собственного сердца оглушительно колотился в ушах.

— Прости, Элис. Тебе не следовало это видеть, — сдержанно произнес Кол, будто вбирая в себя выплеснувшуюся наружу боль, осязаемо повисшую в воздухе. Его грудь вздымалась и падала, пока он отчаянно цеплялся за остатки самообладания.

— Все в порядке. — Элис застыла, будто пригвожденная к

месту.

— Мне не стоило приводить тебя сюда. Я знаю, ты не хочешь говорить о прошлом...

Она не могла успокоить его словами, поэтому сделала единственное, что казалось ей естественным, правильным...

Ее руки обвилились вокруг шеи Кола, и Элис привлекла его к себе, приоткрыв губы, готовые к его прикосновению. Их языки встретились с неистовой силой, их губы яростно завладели друг другом. О, этот поцелуй не был утешительным или отвлекающим... Это был самый настоящий, сметающий все на своем пути, заставляющий забыть обо всем на свете поцелуй.

Сильная рука обвилась вокруг ее талии и приподняла Элис так, что она могла обхватить Кола ногами за талию. Он сделал шаг, и Элис уперлась спиной в стену, задохнувшись от неожиданного удара. Кол осторожно прикусил ее нижнюю губу, втискиваясь бедрами между ее разведенных ног.

— Боже мой, Элис... — простонал он ей в волосы, когда она нежно сжала зубами мочку его уха.

Кол держал ее, приподняв у стены, и ничего сексуальнее этого для Элис не существовало. Прикосновение его затвердевшей плоти распяляло ее, а ягодицы горели под его руками.

Она извивалась в его объятиях, заставляя Кола исторгать низкие гортанные стоны. Его аромат окутывал ее, и голова кружилась от вожделения и нахлынувших воспоминаний. Ощувив под ладонями его шелковистые короткие волосы, Элис сжала их и потянула вниз, запрокидывая его голову. Его язык хлестнул по ее языку, и слабый мятный привкус Кола увлек Элис за собой, в бесконечный сладострастный поцелуй...

— Я так скучал по тебе, — выдохнул Кол.

И тут будто кто-то выпустил из Элис воздух, а действительность с размаху обрушилась на нее — уродливая, неприглядная и суровая.

— Нет.

— Нет? — Кол резко оторвался от ее губ и сдвинул темные брови.

Элис толкнула его в грудь, заставляя выпустить из своих

объятий, и ее ноги опустились на пол.

— Ты не можешь говорить мне это.

— Говорить что?

— Что ты по мне скучал. — Она дышала тяжело, словно пробежала марафонскую дистанцию. — Ты не можешь говорить со мной так, словно хотел, чтобы все было по-другому.

— Черт возьми, Элис. — Он покачал головой, растерянно потирая шею. — Это ведь ты поцеловала меня.

— Я не знала, что еще предпринять. — Она впиалась в него взглядом, ощущая, как былые ярость и обида возвращаются к ней с новой силой. Чувства так и кипели внутри, но Элис старательно подавляла их.

— И целовать — твой излюбленный способ что-то предпринять? — вскричал он. — Как, по-твоему, я должен был на это реагировать?

— О, так ты поцеловал меня только потому, что я поцеловала тебя первой? — Ее грудь обдало жаром, щеки и лицо вспыхнули.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что ты пытаешься сказать, Кол? Что ты там опять бормочешь? — Элис огляделась в поисках своей сумочки. — Или это потому, что кровь отлила от твоего мозга?

— Ты бьешь по больному месту. — Он явно начинал выходить из себя.

— Забудь, что это вообще произошло. Сиюминутная слабость, ошибка. — Она обнаружила сумочку на полу у кушетки. — Этого больше не повторится.

— Элли, подожди. — Кол потянулся к ней.

— Забудь об этом. Мы должны общаться по-деловому, как и договорились, — Элис зашагала к двери, но Кол последовал за ней.

— Тогда почему ты поцеловала меня? — Он развернул Элис к себе, и она оказалась зажатой между дверью и его мощным торсом.

Почему она сделала это? Может быть, потому, что после всего, что натворил Кол, она все еще хотела его — с той же силой, что и

прежде. А еще потому, что он был единственным парнем, которому удалось сблизиться с ней, не спугнув ее. С тех пор как он уехал, у Элис было два романа, и оба закончились одинаково: поспешно и без малейшего шанса на примирение. Один парень бросил Элис, огорошив на прощание тем, что потом терзало ее много недель. Он назвал ее роботом, начисто лишенным эмоций. А другой, помнится, говорил, что не хочет быть с девушкой, которая все время держит дистанцию, которая не может говорить о том, что чувствует, и выражать то, что хочет.

— Почему, Элли? — стоял на своем Кол. — Ответь мне.

Но она не могла ничего ответить: горло перехватило, поглощая рвущиеся наружу слова. Элис будто парализовало — это происходило всякий раз, когда она чувствовала себя пойманной в ловушку. Она не знала ни одного способа выразить то, что было у нее на душе. Она не могла плакать, не могла быть честной. Ей оставалось лишь замыкаться в себе — а потом ругать себя на чем свет стоит.

— Все ясно, — кивнул Кол и отступил, давая ей возможность уйти.

Элис так сильно прикусила губу, что ощутила на языке металлический привкус крови. Как поступил бы в этой ситуации нормальный человек? Наверняка кричал бы, сказал бы хоть что-то... но ее язык мертвым грузом лежал во рту.

Кол молча застыл на месте. Элис толкнула дверь и выскочила на улицу, пылая от стыда. Впервые за пять лет она осознала, почему Кол ее бросил.

Глава 6

Когда звук ее шагов растворился в пространстве, Кол разразился самыми отборными ругательствами, которые только знал. Ее поцелуй был слишком хорош, чтобы оказаться правдой. И как его угораздило так ошибиться?

Он покачал головой и облокотился спиной о дверь, чтобы оценить фронт работ в доме и вернуть себе ясность ума. Ну почему он так отчаянно добивался от нее признания? Собственно говоря, именно поэтому, уже отказавшись от участия в конференции, он позвонил главному пиарщику из Гугла и сказал, что передумал и все-таки приедет в Австралию. Нет, пора выкинуть все это из головы!

Скоро он вернется в Штаты, к комфорту своего дома, своего офиса. Но что потом? От ноющей тоски у него засосало под ложечкой. Еще до возвращения в Австралию Кол осознавал, что его жизнь застоялась. Он часто впадал в уныние, разочарованный... одинокий. Единственной семьей, которую он когда-либо знал, для него были Элис, Рич и их родители. Теперь рядом не оказалось никого, исключая разве что его менеджера по связям с общественностью Пита, который дружил с ним не из корысти. Но даже Пит числился у него в штате и получал зарплату. С Элис все было по-другому.

Но Кол понимал, что не нужен Элис. Это было ясно по тому, как спокойно, будто щелкая выключателем, она могла управлять своей страстью.

Наполнив доверху шесть мусорных мешков и оттащив их к контейнеру у дома, Кол остановился на крыльце, окидывая взором почти не изменившуюся за годы тихую улочку. Здесь по-прежнему царили простота и аккуратность, лишь дом его отца уродливым бельмом торчал у всех на виду.

Телефон завибрировал, возвращая Кола к реальности.

— Да?

— Привет, дружище, — раздался в трубке голос его друга и главы департамента по связям с общественностью «Хиллам технолоджиз».

— Пит, — улыбнулся Кол. Сильный нью-йоркский акцент всегда вызывал у него улыбку. — Ты приземлился?

— Я прилетел этим утром, но было слишком рано. — Пит зевнул. — По-моему, сейчас самое время пропустить по кружке пивка. Нам нужно пробежаться по плану конференции.

— Давай встретимся в отеле.

Спустя полчаса Кол с Питом сидели в уличном баре недалеко от отеля с двумя огромными кружками пива и развернутым планом конференции перед ними. С длинными светлыми волосами и ленивой улыбкой Пит, может быть, и выглядел неторопливым, расслабленным парнем, но он руководил департаментом по связям с общественностью с воинственным вниманием к деталям, достойным лучшего агента разведки.

План конференции был подробно проработан, отдельные его тезисы подчеркнуты разными цветами. Листок изобилует пометками и инструкциями, сделанными аккуратным почерком Пита.

Кол сделал большой глоток пива:

— Похоже, ты планируешь нападение на Форт-Нокс^[1].

— Ты ведь платишь мне не за то, чтобы я импровизировал. — Пит стрельнул глазами в проходящую мимо официантку в крошечных шортах. — И это очень важная конференция. Что-то вроде шанса громко заявить о себе. Это поможет нам прорваться на азиатский рынок.

Глаза Пита с энтузиазмом засверкали, и Кол уже в сотый раз за прошедшие пять лет подумал о том, как ему повезло приобрести столь ценного работника — и, конечно, друга.

После отъезда Кола из Австралии его дружба с Ричем переживала не лучшие времена. Они общались все реже и реже, и, как только Кол спрашивал об Элис, ее брат тут же с ехидством напоминал ему о нарушенном обещании. Лучшим другом Кола в Америке был Пит, этот эксцентричный парень, который жил по соседству и вечно фонтанировал великими идеями по достижению мирового господства в деловой сфере.

— Я прямо вижу это. — Пит хлопнул ладонью по столу, разлив немного пива. — Твоя вступительная речь задаст тон на следующий год. Потом получишь приглашение на конференцию американского

фонда TED, а LinkedIn попытается заполучить тебя в качестве авторитетного ведущего своего проекта...

— Давай не будем забегать вперед.

Несмотря на дружбу, Пит был не в курсе проблем Кола с публичными выступлениями. Подобно другим специалистам сферы высоких технологий, он просто считал Кола немного замкнутым. Эти двое часто спорили по поводу того, стоит ли Колу активнее взаимодействовать со средствами массовой информации, и Пит упорствовал в попытках превратить «Хиллам технолоджиз» в IT-компанию поколения социальных сетей. К несчастью для Кола, это означало частые появления на публике.

— Разобрался с хламом отца?

Смена темы разговора застала Кола врасплох, и он присосался к кружке, размышляя, как же ответить на вопрос.

— Ну... — вздохнул он, — более или менее.

Пит захохотал:

— Это самый уклончивый ответ, который мне доводилось слышать! Только не говори мне, что твое нежелание говорить об этом связано с одной женщиной.

— С одной женщиной? — Кол пристально взглянул на друга. Он никогда не упоминал об Элис, по крайней мере в разговорах с коллегами.

— С бывшей балериной, например?

— Откуда ты об этом знаешь? — Кол отхлебнул еще пива, гадая, почему его жизнь представляет такой интерес для окружающих.

— Твоя дражайшая секретарша упомянула о том, что ты просил собрать личную информацию и найти номер телефона. Выполняя задание, она наткнулась на кучу фотографий этой очень красивой балерины, — усмехнулся Пит. — Так кто она такая?

— Черт побери эту Челси! — ругнулся Кол себе под нос. Его секретарша должна понимать, что нельзя болтать о нем на каждом шагу.

— Не вини ее. Я случайно проходил мимо ее стола, заметил фотографии, ну и... — Пит захихикал. — Ты ведь знаешь, Челси не

может устоять перед моим обаянием.

— Ты — одно сплошное обаяние.

— Я не позволю тебе сменить тему. — Пит жестом попросил официантку принести еще два пива, но Кол предпочел содовую.

Кол вздохнул:

— Она — давняя подруга. Я хотел увидеться с ней, раз уж оказался здесь. Вот и все.

— Поэтому ты так подорвался? — сощурился Пит. — Ты спал с ней, ведь так?

— Не в этот раз, — пробурчал Кол.

— Ой, да ладно! Не томи, выкладывай! И не забудь, я ведь пока живу интересами других.

Пит заключил пари со своим братом, поспорив, что сможет обойтись без секса целый год, и уже продержался половину срока. Ставкой в споре был винтажный Jaguar E-туре, и Пит, как всегда, был решительно настроен на победу.

— Ну же, я еще полгода буду не у дел! Скажи, что хотя бы один из нас развлекается вовсю!

Кол снова вздохнул:

— Боюсь, нет, друг мой. Этот поезд ушел.

— Почему? Ни на секунду не поверю, что ты потерял интерес. Балерины чертовски сексуальные. — Пит подергал бровями. — И гибкие.

— Интерес я не потерял, это уж точно. Зато у нас за плечами — огромный груз проблем. Мы с ее братом были лучшими друзьями, и мысль о том, что мы с ней вместе, не приводила его в восторг.

— О, — понимающе кивнул Пит. — А брат старший?

— Ну да. Он так рьяно ее оберегал... Во многом именно это подтолкнуло меня уехать из Австралии.

— А сейчас?

— Сейчас... — вздохнул Кол. — Все по-прежнему чертовски

сложно и запутанно.

— Но она того стоит, верно?

Увы, его разум и сердце никак не могли договориться на сей счет. Кол нутром чуял, что ни одна другая девушка не сможет вызвать в нем таких чувств. Но разум все время указывал на очевидный факт: даже если бы он признался в этих чувствах, смогла бы Элис ответить на них?

Следующим вечером Кол поймал себя на том, что просто не в состоянии расслабиться. Он провел весь день, подписывая документы, связанные с наследством, улаживая формальности похорон отца и прорабатывая с Питом детали презентации «Хиллам технолоджиз» на предстоящей конференции. Теперь он не знал, куда деться от огромного количества информации, стремительного круговорота эмоций и — благодаря воспоминаниям о поцелуе с Элис — сексуальной неудовлетворенности.

Сейчас, пятничным вечером, город буквально пылал от людей, наслаждавшихся окончанием знойного дня. Кол вышел на улицу, чтобы немного пройтись, но вокруг отеля было многолюдно и шумно. Подготовка к речи превратила Кола в комок беспокойной энергии, и он никак не мог позабыть о своих тревогах.

Кол рассеянно повертел в руке телефон и уже собрался было стукнуть по значку, чтобы разблокировать мобильный, как на экране вспыхнуло лицо Элис.

— Элли?

— Привет, Кол. — Голос нервно сорвался, стоило ей произнести его имя. — Я хотела бы извиниться за вчерашнее. Я... — На том конце линии повисла пауза. Слышалось лишь сбивчивое дыхание. — Знаю, это я все спровоцировала, а потом вышла из себя. Это я начала тот поцелуй и я... — Она вздохнула. — Я просто не знала, что делать.

Кол сглотнул вставший в горле ком. Подумать только, Элис впервые в жизни извинилась перед ним! Возможно, он был не прав в своих выводах... возможно, она изменилась. А вдруг и их отношения могли бы стать другими?

— Все в порядке.

— Слушай, у меня есть для тебя еще одно занятие, связанное с выступлениями... если ты, конечно, готов к этому.

— Думаю, это зависит от рода занятия, — нахмурился он. — Лучше, если оно обойдется без всяких там малышек.

— Никаких малышек, — засмеялась Элис. — Сегодня вечером у балетной труппы, в которой танцует Жасмин, репетиция. Они часто устраивают просмотры для родных и друзей.

Поход на балет? Только этого ему не хватало!

— И как мне это поможет?

— Тренируясь, танцоры допускают ошибки. Я хочу, чтобы ты видел, что мир не обрушится, если ты ошибешься на глазах у всех. Это пойдет тебе на пользу, Кол. А еще я приглашаю тебя пропустить по бокальчику после репетиции... чтобы реабилитироваться за вчерашнее.

— Где мы встретимся?

Она назвала адрес, и Кол с благодарностью ухватился за возможность сбежать от утомляющей городской толпы. Ехать оказалось недалеко, но пробка на дороге была такой же душной и выматывающей, как летний зной.

Добравшись до места, Кол какое-то время сидел в машине, размышляя, как вести себя с Элис и ее переменчивым настроением. Наконец, взъерошив волосы, он вышел из машины. Нет, он не мог долго дуться, когда дело касалось Элис Джонсон!

Здание театра представляло собой старинный памятник архитектуры, украшенный изысканной лепниной и устланный золотисто-красным ковром. Контрастируя с окружающей обстановкой, до потолка разливалась ультрасовременная странная музыка. Танцоры, среди которых была и Жасмин, делали растяжку на сцене.

Элис сидела в первом ряду, Кол сразу узнал ее белокурый затылок с легкими локонами, сияющими вокруг головы золотистым ореолом. Элис обернулась, помахала ему и жестом позвала к себе. Кол сильно сомневался, что эта репетиция хоть чем-то ему поможет. Но что, если Элис просто воспользовалась случаем, чтобы увидеться

с ним?

— Привет. — Она похлопала по соседнему креслу.

— Привет.

Кол уселся рядом с ней, остро ощущая, как близко оказались их бедра и плечи. Его мгновенно обдало жаром, он никак не мог забыть о вчерашнем поцелуе, а теперь прежнее желание нахлынуло с новой силой.

Танцоры заняли свои позиции на сцене, хореограф встал спиной к немалочисленным, рассыпавшимся по залу зрителям. Он рявкнул с сильным немецким акцентом, что-то скомандовав, и пары приготовились к выступлению. Медленная навязчивая музыка с перемежающимися стонами скрипки и тяжелым ритмом ударных наполнила пространство.

Краешком глаза Кол наблюдал за Элис. Она замерла на месте, вне себя от восторга, и с такой силой стиснула колени, что костяшки пальцев побелели. Ее прекрасные, подернутые поволокой глаза широко распахнулись и заблестели.

Но вскоре магия танца была нарушена: один из танцоров споткнулся во время поддержки, неловко качнувшись назад и с громким уханьем врезавшись в другую пару. Кол тут же окинул взглядом публику. Никто и не думал смеяться, зрители просто ждали, когда танцоры начнут номер сначала.

— У Жасмин, похоже, дела идут замечательно, — заметил Кол, поворачиваясь к Элис.

Он знал эту серьезную брюнетку почти столько же, сколько саму Элис. Подруги были неразлучны с детства... за исключением тех моментов, которые Кол с Элис проводили вместе — тайком, пока ее брат не видел.

Грустная улыбка тронула ее губы.

— За последние месяцы ее жизнь сильно изменилась. Недавно она встретила того, кто сделал ее счастливой.

Жасмин, тонкая и гибкая, как тростинка, делала растяжку на сцене, и ее длинные руки и ноги выписывали в воздухе необыкновенные фигуры. Но взгляд Кола невольно возвращался к Элис и тому, как она подергивала коленкой, глядя на сцену.

— Тебе не хватает этого?

— Чего? — повернулась к нему Элис. — Танцев?

— Да.

— Иногда, — пожала она плечами. — А иногда — нет.

Это был типичный для Элис ответ — уклончивый, туманный...

— Все равно это никуда бы меня не привело, — добавила она так тихо, что Колу показалось, будто он ослышался.

— В каком смысле?

Элис открыла было рот, чтобы ответить, но хореограф обернулся и шикнул на них. Ее лицо тут же скрыла непроницаемая маска, и редкий момент откровения был безнадежно испорчен.

* * *

Сидя рядом с Колом и глядя на то, как лучшая подруга танцует с раскрепощенностью, которая ей самой и не снилась, Элис чувствовала, как неудержимо трепещет сердце. Она сцепила руки на коленях, чтобы удержаться от желания прикоснуться к Колу, и старалась не сводить глаз со сцены.

Страсть и эмоции, с которыми двигалась Жасмин, зародили в глубине души Элис что-то вроде зависти. Подумать только, а ведь ее жизнь могла сложиться иначе, сумей она снести все свои эмоциональные барьеры...

За оставшееся время репетиции они с Колом не обменялись ни словом. Он сидел рядом, в таком же напряжении, как и она сама, стиснув руки на коленях и сдвинув брови. Вчера им выпал редкий шанс разобраться с прошлым и все уладить. Кол пытался поведать ей, что чувствует, сказать именно то, что она и хотела услышать... но она не пожелала слушать. Она оттолкнула его, потому что только так могла справиться с нахлынувшими эмоциями.

Между тем танцоры покинули сцену, и театр стал постепенно пустеть.

— Я договорилась с балетной труппой, так что мы можем побыть тут еще немного, оглядеться, — сказала Элис, поднимаясь с

места.

Кол скрестил руки на груди, и его грозная тень нависла над Элис.

— Ты попытаешься заставить меня снова практиковаться?

— Попытаюсь? Ни о каких попытках и речи не идет. По нашему соглашению я — главная, не забыл?

— Тебе хотелось бы так думать, — язвительно хихикнул Кол.

— Ну же, давай, меньше слов и больше дела. — Она бросилась вверх по ступеням сбоку и, выскочив на середину сцены, посмотрела в зрительный зал.

Почти все танцоры ушли. Лишь Жасмин маячила в первом ряду, притворяясь, будто собирает сумку, но Элис-то знала, что подруга глаз с нее не спускает. Под подошвами кроссовок Элис ощущала ровную сцену, деревянная поверхность которой была основательно стерта за много лет ногами выступавших. Элис понимала: еще несколько шагов, и она уже не сможет удержаться. Ладно, наверное, можно позволить себе один-два пируэта.

Кол поднялся на сцену следом за ней и остановился у самого края, скрестив руки на широкой груди. Не отрывая от него глаз, Элис запорхала в танце. Арабеск превратился в фондю, сопровождаемый несколькими шагами, потом Элис повернулась и плавно повела руками над головой. Она почувствовала, как ее шелковистый топ задрался, и холодный воздух коснулся обнажившейся полоски живота.

И тут ее обдало жаром. Элис никогда еще не испытывала ничего подобного во время танца. Возможно, именно этого ощущения и добивались от нее преподаватели, когда настойчиво твердили: «Покажи страсть, покажи, что ты чувствуешь, просто покажи... хоть что-нибудь». Элис остановилась, вдруг заметив, как Кол смотрит на нее — алчно, будто сгорая от желания и едва сдерживаясь.

— А твое тело еще помнит движения. — Он направился к ней своим привычным решительным шагом. — Хотя я и не сомневался, что ты их не забудешь...

— Спасибо за доверие. — Она немного покачала бедрами и засмеялась, опьяненная его оценивающим взглядом. Сердце ликующе подпрыгнуло у нее в груди, и мягкое тепло разлилось в самом низу

живота.

— Слушай, а почему ты бросила танцевать? Помнится, у тебя довольно хорошо получалось.

Сказать «довольно хорошо» означало ничего не сказать. Элис тренировалась с тех пор, как научилась ходить, и ей быстро удалось добиться места в кордебалете национальной труппы. Но, к несчастью, техника, которую она с такой одержимостью оттачивала, обернулась ее слабостью.

— Я забуксовала, — отвела взгляд Элис.

— Забуксовала?

— В танце я слишком... осторожничала. — «Как и в остальной части своей жизни», — добавила она уже про себя.

Чье-то покашливание нарушило магию ее откровения, и их головы резко дернулись в сторону авансцены. Жасмин собрала сумку и многозначительно посмотрела на Элис:

— Ты идешь?

Элис замялась:

— Думаю, Кол сможет меня подбросить.

— Я позабочусь о том, чтобы она добралась домой в целости и сохранности, — заверил он, и от низкого тембра его голоса дрожь пробежала вдоль ее спины.

— Уверена? — Жасмин прищурилась, глядя на Элис, словно пыталась передать ей телепатически: «Ты выбрала опасный путь, сворачивай, пока не поздно».

— Уверена.

Элис явственно чувствовала, как между ней и Колом повисло напряжение, как буквально каждый миллиметр пространства потрескивал искрами.

— Давай заглянем за кулисы.

Они прошли за сцену и оказались в маленьком закулисном пространстве, загроможденном реквизитом и костюмами. На крючке висела бархатная накидка с когда-то белой, а теперь посеревшей меховой отделкой на капюшоне. Мебель покрывал тонкий слой пыли.

— Для чего мы на самом деле пришли сюда, Элис?

Кол стоял совсем близко за ее спиной, и в этом тесном пространстве его фигура казалась еще мощнее.

Аромат его лосьона для бритья с нотой корицы смешивался с типичным для старого театра запахом пудры и несбывшихся мечтаний. Горячее дыхание Кола обдавало шею Элис. Он не дотрагивался до нее, и все-таки Элис ощущала его намерения так ясно, словно он бесстыдно к ней прижимался. Он хотел ее точно так же, как много лет назад — Элис чувствовала его желание так остро, потому что сама сгорала от такой же страсти.

Она глотнула, стараясь подавить дрожь в голосе:

— Я помогаю тебе готовиться к речи.

— Чушь. — И снова это горячее дыхание, так близко... очень близко.

Яркий свет проникал за кулисы лишь со сцены. Танцующие пылинки кружились в золотистых лучах, и в этом тусклом свете темное пространство казалось даже мрачнее, таинственнее.

— Если тебе не нужна моя помощь, нам лучше уйти. — Элис повернулась и ткнулась носом в твердую стену его груди. — Сейчас же.

— Я хочу, чтобы ты сказала, для чего позвала меня сюда.

— Я тебе уже сказала. — Она что, была как на ладони? Неужели Кол видел ее насквозь?

— Ты назвала мне причину, которой прикрываешься, чтобы лгать самой себе.

— Я не лгу. — Она отступила назад.

— И ты абсолютно честна?

Элис хотела сказать «да», но в таком случае она точно солгала бы, не так ли? Ну почему она не могла объяснить Колу, что чувствует, почему не могла признаться, как глубоко ранил ее его отъезд, как сильно, всем сердцем, она хотела простить его, обнять и никогда больше не отпускать? Но слова застряли в горле, угрожая задушить ее. Она была совершенно несостоятельна в отношениях — несостоятельна в любви, эмоциях и честности.

— А я могу отказаться давать показания, которые могут быть использованы против меня?

— Только не в Австралии, — задумчиво потер подбородок Кол.

Из-за тени его щетина выглядела гуще, очертания челюсти казались острее, а разрез скул — резче. Лишь ослепительная белизна его зубов и блеклая синева глаз были различимы в темноте.

— Чего ты от меня хочешь, Кол? — всплеснула руками Элис, злясь не столько из-за его настойчивых вопросов, сколько из-за собственной нехватки самообладания.

— Как насчет того, чтобы быть хоть немножко честной? — Кол склонил голову набок и снова подошел ближе. — Я хочу знать, что творится в твоей прелестной головке.

Элис снова отступила назад.

— Я не могу дать тебе это.

— Ты не можешь сказать мне, о чем думаешь? — Он опять двинулся на нее, оттесняя назад до тех пор, пока она не уперлась спиной в грудку ящичков с реквизитом.

Кол положил ладонь на один из ящичков, и Элис вдруг захотелось поцеловать гладкую, безупречную кожу внутренней стороны его запястья. Провести языком по вене, немного вздымавшейся на его руке, ущипнуть нежную плоть на сгибе его локтя. Тьфу ты, она напоминала бурлящую гормонами, сексуально озабоченную девчонку!

— Нет. — Ее голос предательски дрогнул.

Его зрачки вспыхнули и расширились, будто разверзшиеся глубины преисподней.

— Ты уверена?

— Я не могу сказать тебе о том, о чем мне не следует думать.

Кол застыл перед ней, не мигая, не двигаясь. Воспоминания нахлынули на Элис с такой силой, что она едва устояла на ногах. Именно эти слова она сказала ему пять лет назад, накануне его отъезда, той ночью, когда все рассыпалось в прах. Помнится, Кол пришел к ней, он спрашивал, что значит для нее ночь, которую они провели вместе.

Она была молодой, неопытной, эмоционально незрелой. Элис решила, что Кол лишь ищет повод поскорее отделаться от нее, поэтому просто пожала плечами и отшутилась, дав понять, что не видит в их ночи ничего серьезного. Боль, отразившаяся тогда в глазах Кола, пронзила ей сердце. И вот теперь она снова произносит эти слова, снова отталкивает его.

— Почему тебе не следует об этом думать?

— Потому что... — Она глубоко вздохнула. — Потому что мы как семья. И пусть все останется именно так.

Ее брат пришел бы в ярость, узнай он о них. В юности он взял с Элис обещание, что она никогда не будет целоваться с Колом... И это явно распространялось не только на невинные поцелуи. Рич заставил ее поклясться жизнями родителей, и в тот самый день, когда она нарушила обещание, их отца не стало. Она никогда не рассказывала об этом Колу.

Не в силах унять головокружение, Элис закрыла глаза. Здравомыслие взрослого человека говорило ей о том, что ночь с Колом не могла стать причиной смерти ее отца. Но по-прежнему живший в душе ребенок твердил, что, сдержи она данное Ричу слово, все наверняка было бы иначе.

— Ты права. — Кол сделал шаг назад. — Нам не стоит переступать эту черту. И я не хотел бросать тебя, Элли, никогда. Я был молод, растерян...

— Замолчи, — судорожно выдохнула она. — Я не хочу больше говорить об этом.

— Ну и прекрасно. — Его лицо скрылось под маской хладнокровия, а глаза безучастно застыли, будто две ледышки. — Я отвезу тебя домой.

— Кол...

— Ты сказала, что не хочешь больше об этом говорить, так что не нужно мучиться ради меня.

Сердце Элис ныло, снова и снова разбиваясь на мелкие кусочки, но, проходя мимо старого зеркала, она увидела отразившееся там бесстрастное, без тени эмоции лицо. Что ж, она поступила правильно, она никогда не смогла бы дать Колу то, в чем он так нуждался. Даже если бы она собралась с силами и попробовала, это все равно

закончилось бы слезами... причем не ее собственными.

Глава 7

Сидя за стойкой ресепшн балетной студии, Элис откинулась на спинку стула и подставила лицо под струю прохладного воздуха, дувшего из кондиционера. Впервые за последние недели студия не напоминала парилку. Как только Кол перевел на ее счет половину гонорара, Элис тут же вызвала специалиста техобслуживания.

— Эй, смотри-ка, починили! — воскликнула Жасмин, выходя из зала вместе с Мисси. Подруги готовили танцевальный номер, который должны были исполнить на концерте, призванном собрать средства для студии. Основательно вспотев во время тренировки, эти двое уже отталкивали друг друга, пытаясь занять самое выгодное место под кондиционером.

— Спасибо за то, что починила эту штуковину, Элли! — Мисси откинула с лица несколько прядей сияющих медно-красных волос и с наслаждением вздохнула.

— Да, но... как тебе удалось это починить? — подозрительно сощурилась Жасмин.

Не желая сносить нотации и откровенничать о Коле, Элис притворилась, будто не слышала вопрос, и погрузилась в изучение журнала «Пуанты».

Но тут поверх журнала появилась рука, которая медленно опустила его, и Элис пришлось встретиться взглядом с Жасмин.

— Ты приняла его предложение, не так ли?

— Что происходит? — Отказавшись от комфорта, который дарил кондиционер, Мисси присоединилась к подругам за стойкой.

— Я сделала то, что должна была сделать, — ответила Элис и, выдернув из пальцев Жасмин журнал, бросила его в ящик для корреспонденции. — Я спасаю свой бизнес.

— Связавшись с парнем, который бросил тебя при первых же трудностях, и это после того, как твоя семья забрала его к себе и заботилась о нем? — в ярости фыркнула подруга, скрестив тонкие руки на груди.

Сказать по чести, недоверие Жасмин к Колу основывалось не на

фактах, а на домыслах, которые Элис не трудилась исправлять. Подруга считала, что Кол покинул страну после смерти отца Элис, зная всю правду. В глазах Жасмин Кол был дезертиром.

— Здесь все не так однозначно. — Элис покачала головой, почему-то вдруг ощутив порыв исправить заблуждение Жасмин. — С ним все не так однозначно.

— Ага, ну конечно! — закатила глаза Жасмин. — Я беспокоюсь о тебе, Элли. Ты всегда питала к нему слабость, и он... прохвост.

— Вы говорите о Коле? — уточнила Мисси.

Элис кивнула. Жасмин и Мисси частенько сживали за семейным столом Джонсонов, эта троица сводила с ума родных Элис, репетируя свои номера в гостиной под бесконечную песню «Колесо фортуны».

— Подумай, это тот самый парень, чей отец пил, а потом бил его. — Сделав большие глаза, Жасмин схватила Элис за руку. — Помнишь, как этот алкаш заявлялся к вам домой и кричал на твоих родителей? Он барабанил в дверь, пока твой отец не пригрозил отвести его в полицейский участок. Боже, ты можешь себе представить, что произошло бы, если бы оба твоих родителя не были копами?

— Это был отец Кола, а не сам Кол. Он совсем не такой.

— Я и не говорю, что он такой же, но я не хочу, чтобы ты связывалась с его семейкой. Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Элис вздохнула:

— Он умер, Жас. Отец Кола умер. Именно поэтому Кол вернулся на родину.

Кол не просил держать обстоятельства его жизни в тайне, но Элис вдруг спохватилась, что он не хотел бы это афишировать. Разве не поэтому сменил имя, превратившись из Колби Хилла в Колби Хиллама?

— Разве я не поддерживала тебя с Грантом, не советовала попытать с ним счастья? — Элис сняла ноги со стойки ресепшн и поднялась со стула, с наслаждением подставляя разгоряченные щеки и шею под струю кондиционированного воздуха.

— Если память мне не изменяет, ты прибегла к старой доброй

реверсивной психологии. — Жасмин запустила пальцы в свои длинные темные волосы, и ее губы тронула скупая улыбка.

— Это ведь привело к нужному результату, не так ли?

— Я и говорю, всегда нужно рисковать, ловить момент, — не к месту встряла Мисси и, перехватив резкий взгляд Жасмин, скрестила руки на груди. — Что?

— Я и пытаюсь добиться нужного результата. Я волнуюсь о тебе, Элли. — Жасмин коснулась ее плеча. — Я не хочу, чтобы ты дважды совершала одну и ту же ошибку.

— А что, если на сей раз это не ошибка? — выпалила сбитая с толку Элис. — Когда Кол уезжал, он ничего не знал о моем папе. Он не такой, как ты о нем думаешь.

Жасмин изумленно вскинула бровь:

— Так он не знал?

Элис покачала головой:

— Он взял билет на обратный рейс, как только узнал. Но Рич запретил ему возвращаться. Он сказал Колу, что все в порядке... что он нам здесь не нужен.

— О... — Осознание озарило глаза Жасмин. — Почему ты ничего об этом не рассказывала?

— Я злилась. — Элис схватила сумку и направилась к двери. — И я не хочу больше об этом говорить.

— Ты должна откровенно говорить обо всем, Элли. Разве мы не договорились, что ты не будешь больше ничего от нас скрывать? — умоляюще взглянули на нее бирюзовые глаза Мисси.

— Я ничего от вас не скрываю, девочки. — Элис вскинула руки, будто сдаваясь. — Я просто не могу разложить все по полочкам, когда мои мысли то и дело прерывают ангел и демон.

— Я — ангел, верно? — спросила Мисси, толкая Жасмин локтем в бок.

— Нет, ты — демон, — поджала губы Жасмин.

— Со мной все будет в порядке. — Элис увернулась от группы учениц, бежавших на занятие. — И я не буду ничего от вас скрывать.

Обещаю.

Выйдя на улицу, Элис увидела, что солнце уже садится. Она села в машину и опустила стекло, позволяя зною проникнуть в салон.

Красивое лицо Кола так и мелькало перед мысленным взором. Вчера вечером Элис едва удержалась от того, чтобы не поцеловать его, и теперь сомневалась, что сможет долго сопротивляться этому желанию. Она не знала, о чем будет сожалеть больше: о том, что позволила ему уехать, не ощутив еще раз вкус его губ, или о том, что уступила ему и потеряла его во второй раз. Конференция была намечена на завтра, вскоре после этого пройдут похороны его отца. А потом Кол уедет... снова.

Конференция. От угрызений совести все сжалось у Элис внутри. Кол нанял ее, рассчитывая на помощь в подготовке к речи, и что она сделала? Только унизила его перед группой малышей и притащила на репетицию — просто потому, что ей захотелось его видеть... и при этом все-таки взяла его деньги.

Ком встал в горле у Элис. Взять у него деньги и ничего не сделать взамен — ну уж нет, это противоречило всем ее принципам! Нужно было вернуть Колу деньги... Ладно, за вычетом того, что она заплатила за ремонт кондиционера, но, может быть, Кол согласится дать ей эту сумму займа. Тогда она вернет ему эти деньги чуть позже, как только встанет на ноги. Сгорая от нетерпения, Элис решила, что должна увидеть Кола — немедленно, прямо сейчас.

С уборкой дома наконец-то было покончено. В высшей степени неловкой получилась случайная встреча с подругой отца, которая хотела забрать кое-что из мебели и их совместную фотографию в рамке. Кол никогда прежде не встречал эту женщину, но ее грустные глаза и дрожащие губы дали ему понять, что по крайней мере один человек на этом свете оплакивал смерть Артура Хилла. Интересно, знала ли она о его дурных наклонностях?

Все, что осталось от наследства, пошло на благотворительность. Подруга отца пыталась убедить Кола оставить себе на память фотографию, которую он на днях швырнул в стену, но Кол лишь смял старый снимок в ладони. Он не собирался хранить это воспоминание о детстве — рубцов на его душе было вполне достаточно.

Теперь Кол хотел принять душ, надеясь, что горячая вода сумеет

очистить его разум. Ему требовалось выбросить Элис из головы и сосредоточиться на подготовке к завтрашней конференции.

Кол стоял под душем до тех пор, пока кончики пальцев не сморщились, а потом направился в гостиную с обвязанным вокруг пояса полотенцем. Последние красно-золотистые лучи заходящего солнца еще маячили вдали, а город уже всюду зажигал огни.

Стук в дверь вывел Кола из задумчивого состояния. Он нахмурился. Сотрудники обслуживания номеров обычно тут же представлялись, но на сей раз за стуком последовало молчание.

— Кто там? — насторожившись, подошел к двери Кол. Если это очередной репортер, пытающийся застать его врасплох...

— Это я, Элис.

Он открыл дверь и подавил ироничную улыбку, когда соблазнительные губы Элис потрясенно вытянулись в форме буквы «О». Она оценивающе пробежала глазами по его обнаженному торсу, и Кол с трудом сдержал желание еще шире раздуть грудь.

— Ты пришла сюда по какой-то причине или просто решила восхититься этим зрелищем? — спросил Кол.

Элис быстро пришла в себя и, сдвинув брови, вскинула вздернутый носик:

— Я пришла поговорить. Если бы мне хотелось лицезреть накачанный пресс, я не стала бы тащиться через весь город, вполне могла бы насладиться этим и по Интернету.

— Что ж, если ты здесь не для того, чтобы предаться своим порно-фантазиям из Интернета... — он посторонился и шире распахнул дверь, — тогда входи.

Краска залила кожу Элис у скромного выреза ее серого топа. Этот цвет идеально сочетался с ее глазами, а на длинной цепи, спускавшейся к талии, висела подковка. Остановившись посреди комнаты, Элис повертела в пальцах подвеску и, глядя на Кола, закатила глаза:

— Я когда-нибудь говорила, как ты достал меня чепухой, которую вечно несешь?

— Много раз.

— Мы все на той же стадии.

— Как ты меня нашла? По-моему, я не говорил тебе, где остановился, и никогда не звонил через ресепшн.

— Точно так же, как ты достал мой номер. — Она скрестила руки, и маленькие холмики ее груди подпрыгнули вверх.

— Ты звонила моей секретарше?

— Я провела небольшое расследование.

— Мы вдруг оказались героями детективного романа? — засмеялся Кол, чувствуя, как ослабевает сковывавшая его напряженность. — Про Элис Джонсон и исчезнувшего генерального директора?

— Если не поостережешься, это будет дело об убийстве, — дернулись в усмешке ее губы. — Я знаю, что это твой любимый отель, ты говорил мне об этом как-то, когда я выступала здесь. Я решила, что ты наверняка живешь в пентхаус-сьют, и оказалась тут.

— Как же ты пробралась сюда без магнитной карточки?

— Сказала уборщице, что я твоя сестра.

— И она на это купилась?

— Я была очень убедительна, — улыбнулась Элис. Она с легкостью очаровывала всех вокруг, а уж на Кола ее обаяние всегда действовало безотказно.

— Я польщен тем, что ты так расстаралась ради встречи со мной, хотя могла просто позвонить. — Кол вдруг задался вопросом, а достаточно ли туго завязал полотенце вокруг талии. — Почему ты здесь?

— Не для того, чтобы увидеть тебя голым, если ты на это намекаешь.

— И в мыслях не имел. — Ладно, возможно, он об этом подумывал.

Элис вздохнула и разжала сцепленные на груди руки, словно сознательно решая не отгораживаться от него.

— Я пришла сказать, что возвращаю тебе деньги.

— Что?

Колу стало дурно. Неужели так Элис давала ему понять, что хочет разорвать все, что их связывало?

— Мне не по себе от того, что я взяла их. Я сделала это исключительно потому, что совсем отчаялась спасти студию. — Она с шумом выдохнула и переступила с ноги на ногу, теребя в пальцах золотую подковку. — Но я поступила неправильно. Я сама вляпалась в эту историю — и сама буду из нее выкарабкиваться. Я не должна принимать от тебя подачки...

— Это не подачка.

— Конечно, подачка. На самом деле я несколько тебе не помогла. Хотя сразу предупреждала, что я не тот человек... — Элис подняла на него взгляд и прикусила губу. — Мне не следовало брать у тебя деньги, прекрасно понимая, что ничем не смогу помочь.

— Боже мой, Элис... — Кол взъерошил влажные волосы, и капельки воды заблестели на его шее и плечах. — Я бы в любом случае дал тебе деньги.

— Значит, это и правда подачка!

— Ты для меня как родная. Черт, ты — единственная семья, которую я когда-либо знал, и, как бы я ни старался, мне никогда не отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала. Это не подачка, когда один человек заботится о том, кто в свое время позаботился о нем.

Элис снова сложила руки на груди и отвернулась к окну. Она опять замкнулась в себе — в тот же миг, когда правда стала всплывать наружу. Но Кол не хотел останавливаться — он уже не мог остановиться. Что-то в глубине души заставило его произнести слова, которые он не решился сказать пять лет назад:

— В детстве ты сделала для меня все — твоя семья сделала для меня все. А что я мог дать взамен? Дырку от бублика.

Сколько лет минуло с тех пор, а чувство жгучего стыда несколько не ослабло. Психотерапия притупила клокочущую ярость, сведя ее до контролируемого гнева, но тени прошлого все еще незримо преследовали Кола на каждом шагу. У него не хватило сил остановить собственного отца, защититься... по крайней мере, тогда. Теперь он так уверенно и неуклонно реализовывал свои амбиции на столь успешном, невероятно высоком уровне, чтобы никто не смог

снова назвать его неудачником.

Ну и что с того, что он хотел воспользоваться этим успехом, чтобы выручить Элис? Что в этом плохого? В глубине души Кол всегда знал, что она не излечит его от боязни публичных выступлений. Черт, даже психотерапевт не мог с этим справиться! Но присутствие Элис успокаивало его, как всегда... Именно это и требовалось ему в данный момент.

— Я не хочу от тебя подачек. — Она старательно избегала смотреть на него. Эмоции тут же заклокотали внутри, и Кол осознал: нужно что-то предпринять прежде, чем он выпалит слова, которые уже не сможет взять обратно. В мгновение ока преодолев разделявшее их пространство, он схватил Элис за плечи.

— Посмотри на меня, — прорычал он. — Ты небезразлична мне, Элис. Ты небезразлична мне больше, чем кто-либо другой за всю мою жизнь! Я так и не смог тебя забыть, хотя, поверь, пытался.

— Не нужно, Кол. — Она повернулась к нему, и Кола укололи льдинки в ее серых глазах. — Я хочу все исправить.

— И ты считаешь, что лучший способ все исправить — это вернуть мне деньги и притвориться, будто между нами никогда ничего не было?

— А разве не так? — Ни один ее мускул не дрогнул под его ладонями. — Мы застряли на дороге, которая ведет в никуда. Мы — семья, но мы не семья. Мы — любовники, но мы не любовники.

— Мы могли бы ими быть, — невольно вырвалось у Кола.

— Я не такая, как другие девушки, Кол. — Ее руки прижались к его голой груди, и от нежного прикосновения кончиков ее пальцев Кола обдало жаром. — Я не могу взять у тебя что-то, ничего не отдав взамен. Я не хочу, чтобы наши отношения строились вот так. Я хочу дать тебе что-то подлинное.

Ее длинные загнутые ресницы затрепетали, и лед под ними стал таять. Щеки Элис окрасились румянцем, ее дыхание участилось, и, когда она подняла на него глаза, Кол чуть не утонул в их искренности.

— Я хочу рассказать тебе кое-что. — Она сглотнула вставший в горле ком. — Кое-что подлинное.

Это был лучший подарок, который она только могла ему преподнести, — проблеск правды, так долго таившейся в глубинах ее души. Тело Кола ныло от невероятного возбуждения, но серьезность того, что собиралась сделать Элис, отрезвляла его.

— Я хочу рассказать тебе, почему ушла из балета.

Что ж, Кол, может быть, и ожидал чего-то иного, но все-таки Элис сделала шаг в верном направлении. Кол знал, что она ушла из австралийской балетной труппы после смерти отца, и считал, что эта трагедия и стала причиной ее ухода.

— Ты знаешь, с каким усердием я тренировалась в детстве. Я поставила перед собой цель — добиться лучшей балетной техники, которую только видели в национальной труппе. Я хотела выполнять каждый арабеск на высшем уровне. Я хотела до совершенства отточить каждое вращение, каждую поддержку. Я хотела быть идеальной. И оказалась чертовски близко к своей цели.

— Я бы назвал это идеалом.

— Но однажды я осознала, что в своем стремлении стать идеальной балериной упустила очень важный элемент. Эмоции.

Ее маленькие груди вздымались, легонько касаясь его торса. Кол прикусил губу и приказал эрекции отступить — он не хотел испортить этот редкий момент откровения.

— Я наблюдала за другими балеринами, за Мисси и Жасмин, и видела, что из них буквально хлещут эти любовь, душевные муки и возвышенные чувства. Все эмоции ясно отражались у них на лицах. Я пыталась разобраться, как заставить свое лицо делать то же самое, но потом, занимаясь у зеркала, вдруг осознала, что пытаюсь вытащить из себя то, чего нет. Если я не чувствовала чего-то по-настоящему, я не могла притвориться, сыграть. И этот существенный недостаток означал, что я никогда не стану хороша, как другие балерины. Преподаватели видели это — вот почему мне так и не удалось выбраться из кордебалета. Они знали, что это не компенсируешь даже самой безупречной техникой.

В груди у Кола заняло — даже сейчас в голосе Элис не сквозило и тени эмоций. Но Кол знал, что они существовали, скрытые в недоступных глубинах ее души, под внешним строгим контролем. Его неудержимо тянуло коснуться губ Элис, прогнать ее боль поцелуем...

— За неделю до папиной смерти руководитель труппы вызвал меня к себе и предупредил: если не научусь добавлять в свой танец эмоции, никогда не выберусь из кордебалета. Но у меня ничего не получалось, мне никак не удавалось найти эти эмоции в ущерб технике, совершенству. Поэтому после смерти папы я решила, что не стоит и продолжать, раз никогда не смогу достичь желаемого уровня. Иногда я задаюсь вопросом, правильно ли поступила, но в конечном счете я рада, что открыла балетную студию. Мне доставляет огромную радость видеть, как эти маленькие балерины находят в танце удовольствие, которого так не хватало мне самой.

Он должен был держать себя в руках, но настойчивое желание защитить, утешить охватило Кола, угрожая взять верх над всеми доводами разума. Он жаждал сжать Элис в объятиях и никогда больше не отпускать. Кому-то эта история, возможно, и показалась бы незначительной, но для Кола слова Элис были на вес золота.

— Ты была прекрасной балериной. — Он обхватил ее лицо ладонями. — Но ты росла с двумя рациональными, трезвомыслящими людьми, у которых была серьезная, трудная, суровая работа. Ты научилась подавлять эмоции, но это вовсе не означает, что их у тебя нет. Прятать эмоции и совсем их не иметь — совершенно разные вещи.

Глава 8

Элис знала, что не показывает виду, но внутри ее все дрожало. Она никогда, ни одной живой душе не раскрывала истинную причину, по которой покинула балетную труппу Австралии. Все вокруг считали, что это произошло из-за смерти ее отца, и соглашаться с таким объяснением было легче, чем признавать собственный изъясн.

Теперь же она выпалила Колу всю правду, и он не сбежал. Не считал ее никчемной, глупой или легкомысленной. В сущности, Кол смотрел на нее с такой пылающей глубиной, что Элис терялась, не зная, что делать дальше. Ее признание лишь усилило взрывоопасную напряженность, искрами трещавшую между ними.

Кожа его мускулистого торса вдруг обожгла ей ладони. Оказывается, размышления о прошлом отвлекли ее от созерцания физического совершенства Кола. Лето уже коснулось его светлой кожи легким золотом загара. Тонкие темные волосы покрывали его предплечья, окружали соски и сбегали от пупка вниз, к столь удачно скрывающему остальное узлу из полотенца. У Элис перехватило дыхание, и она отдернула руки:

— Ну вот, теперь ты все знаешь.

— Теперь знаю, — эхом отозвался Кол. Его руки скользнули с лица Элис к ее плечам, будто не в силах ее отпустить. — Нечто подлинное.

Никогда еще Элис не чувствовала себя более незащищенной и выставленной напоказ, включая тот момент, когда бретелька на ее леотарде треснула в самый разгар генеральной репетиции и даже когда мадам Бершов строго отчитала ее перед всеми за опоздание на занятие. Открывшись Колу, Элис ощущала себя даже более уязвимой, чем тогда, когда стояла на похоронах отца и не могла пролить ни слезинки.

— Тебе нечего стыдиться, Элис. Ты — замечательный человек, отзывчивая, невероятно красивая...

Его дыхание участилось, мышцы рук напряженно сжались. Капелька воды сбегала по его крепкой шее к основанию горла.

Повинуясь инстинкту, Элис подалась вперед, собирая языком эту каплю с его кожи. На вкус Кол был чистым и свежим, от него исходил аромат сандалового мыла. Элис прижалась губами к телу Кола, посасывая его кожу, а потом резко отпрянула и, затаив дыхание, подняла на него глаза.

— Элис... — Ее имя сорвалось с его губ долгим низким рычанием.

— Заткнись, Кол. — Она обвила руками его шею и потянула его голову вниз, пока их лбы не соприкоснулись. — По-моему, мы уже достаточно наговорились.

Он грубо притянул ее к себе, и узел из полотенца со скрываемой под ним эрекцией зарылся ей в живот. Его рот отыскал ее губы, горячие, безрассудные, приоткрывшиеся в предвкушении. Кол запустил пальцы в ее волосы и откинул ее голову, целуя Элис так глубоко, как только мог. Мир вокруг них опрокинулся, и перед глазами все поплыло...

— Я хочу тебя, Элли. И не могу остановиться.

— Пожалуйста... — выдохнула она. — Не останавливайся.

Элис и не осознавала, что они двигались в этой любовной горячке, пока ее спина не уперлась в обеденный стол. Приподняв Элис, Кол усадил ее на стол и встал между ее разведенными ногами. Теперь узел из полотенца терся о ее изнывавшее от желания лоно. В этот миг Элис пожалела о том, что не надела платье — ее джинсовые шорты были слишком плотными и будто барьером отделяли ее от Кола.

Его рот скользил по ее шее. Осыпав поцелуями подбородок Элис, Кол снова припал к ее губам. От него исходил привкус мяты, свежести и чего-то грубовато-телесного, порочного. Щетина на его подбородке царапала ее щеку, и Элис смутно подумалось, что завтра на коже останутся следы его ласк.

Кол нащупал нижний край ее топа и скользнул под него ладонью. Элис не носила бюстгальтер, и теперь Кол медленно поглаживал ее грудь, отчего она, казалось, вот-вот взорвется от нетерпения. Элис скользнула рукой к узлу из полотенца и стала изо всех сил дергать, пытаясь его развязать.

— Ты что, суперклеем эту штуку склеил? — бросила Элис,

задыхаясь, когда его ловкие пальцы отыскали ее сосок.

— Я — мастер по узлам из полотенец, — пошутил Кол. — Помочь?

Она кивнула, и он отошел назад, медленно развязав узел. Полотенце упало на пол, и Элис уставилась на Кола, не в силах отвести взгляд. Он был великолепен в полотенце, но без него это тело ничем не уступало лучшим музейным скульптурам. Узкий таз и твердые мускулистые бедра были бесконечно далеки от тощих мальчишеских ног, которые помнила Элис. А затвердевший член был большим и тяжелым на вид.

— А ты подрос, — прерывисто выдохнула она, чувствуя нестерпимое желание обхватить ладонью его плоть.

— С течением лет это случается, — хищно усмехнулся он. — Твоя очередь.

Элис легла спиной на стол, и ее руки скользнули вниз, нащупав застежку джинсовых шорт. Расстегнув молнию, она принялась стаскивать их с бедер.

— Давай немного помогу?

Кол просунул руки под пояс и потянул шорты на себя, джинсовая ткань соскользнула и мягко упала на пол. Извиваясь на столе, Элис освободилась от розово-желтых трусиков и с наслаждением ощутила разгоряченной кожей прикосновение холодного воздуха.

— Поласкай себя, — приказал Кол.

Элис закусила губу — ей еще никогда не доводилось мастурбировать перед кем-то. По правде говоря, достичь оргазма от чего-либо, кроме мужского рта, она смогла лишь однажды — в объятиях Кола, в ту их первую ночь. Она любила оральные ласки — зарывшись головой между ее ног, мужчина не мог видеть ее лица, не мог наблюдать за ней, ожидая какого-то «правильного» выражения.

— Все в порядке, Элли. Это всего лишь я. Покажи мне, что тебе нравится.

Она рассказала ему, почему ушла из балета, и он не умчался прочь. Может быть, в таком случае и бояться-то нечего? Помедлив, Элис погладила ладонями свой упругий живот, пробежала пальцами

по косточкам таза и резко скользнула руками вдоль внешней поверхности бедер. Потом очень медленно провела ладонями вверх, нырнула внутрь и ощутила, как напряглись мышцы, когда кончики пальцев легонько коснулись ее женского естества. Вспышка наслаждения пронзила тело, и Элис, сдерживая эмоции, прикусила нижнюю губу.

— Вот так. — Кол подошел к ней, и голубизну его глаз почти поглотила темнота расширившихся зрачков. — Покажи мне.

Ее рука погрузилась глубже, заскользила вдоль складок, касаясь плотного комочка на вершине лона. Спина Элис выгнулась, с губ сорвался громкий протяжный стон. Закрыв глаза, она продолжила исследовать свое тело — так, как обычно делала в кромешной тьме, в полном одиночестве. Губы Кола прижались к внутренней части ее колена, а его руки скользнули ей под бедра.

Осыпая поцелуями ее кожу, Кол поднялся выше, заменив пальцы Элис своим языком. Он начал ласки медленно, с приводящих в исступление легких отрывистых ударов, которые все больше распяляли Элис, постепенно подталкивая ее к грани безумия. Она запустила пальцы в волосы Кола, удерживая его на месте. Каждое движение усиливало сладкое напряжение внутри, пока Элис не почувствовала, что вот-вот взорвется.

— Пожалуйста, Кол! Я совсем близко...

— Помедленнее, Элли. Я ждал этого долгие пять лет, — пробормотал он у ее лона, и вибрации его голоса волнами наслаждения нахлынули на нее.

Элис извивалась под ласками его языка, чувствуя, как внутри стремительно нарастает потребность в чувственной разрядке, которой у нее так долго не было. Губы Кола заскользили настойчивее, его язык задвигался в превосходном, идеальном для нее ритме. Толчки, возникшие в самом низу живота, сотрясли тело Элис, и она вдруг почувствовала, как срывается в пропасть наслаждения. Оргазм ослепил, ошеломил ее...

Элис попыталась сесть и посмотреть на Кола, но была обессилена от чувственного взрыва, а стоны блаженства все еще рвались из самой глубины ее горла. Кол скользнул ладонями ей под спину и приподнял, увлекая в свои объятия. Элис обвила руками его шею и прижалась лицом к его груди.

— Это было... — Ее голос сбился на невнятный шепот.

— Потрясающе — вот слово, которое ты ищешь.

— Не слишком ли много ты о себе возомнил? — усмехнулась она, чувствуя себя восхитительно защищенной и невесомой.

— Трудно не возомнить, когда такая красотка кричит твое имя.

Она упрямо замотала головой:

— Я не кричала!

— Нет, кричала.

В горле немного саднило, и это означало, что Кол был прав. Сглотнув, Элис молча взглянула ему в глаза. Они были светло-голубыми, как потертая джинсовая ткань, но обведенными тонкой полоской темно-синего.

— Ты, должно быть, разбудила соседей.

Она попыталась стукнуть кулаком по его груди, но Кол, смеясь, опустил ее на постель. Элис стянула через голову серый шелковый топ, от которого не успела избавиться раньше, и бросила его на пол.

— Вот, совсем другое дело. — Кол навис над Элис, с легкостью накрывая ее своим широким торсом.

Она пробежала ладонями по его груди, коснувшись маленьких плоских сосков, и дотянулась до его плеч. Скользнув рукой ей под поясницу, Кол перекатился так, что Элис оказалась сверху, оседлав его бедра.

Ее плечи резко дернулись — она ненавидела быть сверху. Элис считала, что ее прежний роман закончился как раз потому, что она отказывалась быть сверху... или, возможно, потому, что хотела заниматься сексом только при выключенном свете. Она попыталась спуститься, но огромные руки Кола удержали ее на месте.

— Куда это ты собралась?

Элис извивалась в попытке освободиться от железной хватки Кола, но все, что у нее выходило, это тереться о его возбужденный член, заставляя стонать и откидывать голову на подушку.

— Хочу выключить свет.

Кол отпустил ее, и Элис погасила свет. Она тут же помрачнела,

осознав, что из-за сияющих огней города настоящая темнота так и не наступит.

— Что-то не так, Элли?

Кол протянул ей руку, и Элис скользнула обратно в постель, прижавшись к нему так уютно, словно спала здесь каждую ночь. Кол обвил ее своими большими руками, и она вздохнула. Ее сердце немного успокоилось, забившись в ровном ритме.

— Ты нервничаешь?

— А я-то думала, что на сегодня мы покончили с разговорами.

Кол наклонился и поцеловал ее. Элис тут же с пугающей непринужденностью открылась ему, став инстинктивно искать языком его язык.

— Я должен знать, что утром ты не будешь сходить с ума.

— А кто тебе сказал, что я собираюсь заниматься этим до утра? — поддразнила она, очерчивая линию его подбородка кончиком пальца.

— Ты жестоко ошибаешься, если считаешь, что я позволю тебе выскользнуть из моей постели прежде, чем взойдет солнце. — Его поцелуй стал глубже, а рука снова принялась ласкать ее груди.

Растаяв от его прикосновений, Элис выбросила из головы все свои комплексы и позволила ему играть на ней как на музыкальном инструменте. Кол сжал пальцы вокруг ее запястья и притянул ее руку к своей груди.

— Знаешь, ты тоже можешь прикасаться ко мне. Я не кусаюсь.

— Что-то я в этом сомневаюсь.

Элис погладила очертания его мускулов, провела ладонями по животу и опустилась еще ниже, к шелковистой напряженной плоти. У Кола перехватило дыхание, когда она обхватила пальцами и стала медленно поглаживать его член. А когда легонько хлопнула большим пальцем по головке, Кол зарычал.

Он похлопал рукой по прикроватной тумбочке, пытаясь вслепую найти свой бумажник. Извлек оттуда пакетик из фольги, и вскоре его член был уже в полной боевой готовности.

Не дав ему шанса снова вскинуть ее наверх, Элис взяла дело в

свои руки. Она дернула Кола за руку, и он понял намек. Разведя ноги Элис толчком бедра, он вошел в нее одним осторожным движением.

— Элли... — Кол спрятал лицо в изгибе ее шеи, и его горячее восхитительное дыхание обдало кожу. — Моя прекрасная Элли.

Двигая бедрами в одном ритме с ним, она уступила нахлынувшей пелене возбуждения. Хотелось кричать, но ни звука не срывалось с ее губ. Элис зарылась ногтями в ягодицы Кола, и из самой глубины его горла исторгся восхитительный низкий стон.

Кол увеличил темп, и хваленый самоконтроль соскользнул с него, будто атлас — с кожи. Элис перестала волноваться о том, что отражается на ее лице, и забылась в наслаждении, которое явно ощущал сейчас и Кол. Его глаза неотрывно смотрели на нее, его губы снова и снова произносили ее имя.

Чувственный восторг нарастал внутри, грозя вот-вот взорваться и поглотить ее целиком. Когда Кол снова нашел ее губы своими губами, их тела окончательно, неразрывно слились в единое целое. Сгорая от жажды чувственной разрядки, Элис извивалась под Колом, пока он настойчиво вел их двоих к экстазу.

Только когда Кол обмяк на ней, Элис ощутила, что в ушах звенит ее собственный голос. Значит, она действительно выкрикнула его имя.

В этот самый момент, переживая послевкусие оргазма, Кол думал о том, каким прекрасным может быть мир. Видимо, в награду за всю ту боль, что он пережил в юные годы, ему довелось испытать подлинное счастье.

Элис выскользнула из-под него и теперь лежала на боку, лицом к окну. Кол прижался к ней сзади, и они уютно свернулись на постели. Он зарылся лицом в ее золотистые волосы, любясь отражавшимися в светлых прядях сверкающими огнями города. Кол погладил ее по голове, потом скользнул ладонью вниз по ее руке и, наконец, остановился на изгибе бедра.

— Мне нужно все время открывать дверь в полотенце.

Элис засмеялась:

— Тогда ты наверняка станешь попадать в какие-нибудь

занятные ситуации. К тебе домой приходит много незваных гостей?

Элис перевернулась к нему. В темноте ее лицо скрывали тени, и сейчас, с выключенным светом, она превратилась в совершенно другого человека. Она чувствовала себя гораздо удобнее... по крайней мере, настолько, чтобы спрашивать его о личной жизни.

— Увы, не так уж и много... если честно, почти нет тех, кому нужен я сам.

— В каком смысле? — Она обвела изгиб его соска кончиком пальца.

— Ко мне заявляется уйма напористых компьютерщиков, жаждущих впарить свои программы или игры, иногда приходят репортеры, которые хотят взять интервью... — с губ Кола слетел невеселый смешок, эхом отразившийся в тишине комнаты. — Ко мне редко заглядывают просто так, не по работе и не из корысти.

— Ты всегда был немного отшельником. — Элис свернулась калачиком, прижавшись к нему еще ближе. — А теперь ты сексуальный отшельник.

— Ты серьезно? — Кол наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб, но Элис удивила его, вскинув голову и поймав его поцелуем жаждущим ртом.

— По поводу отшельника или по поводу сексуального?

— Сексуального.

— Да, — промурлыкала она. — Секс на самом высоком уровне... по моему скромному мнению.

— Ты и сама неплоха, Упертая Балерина. — Он потянулся и сжал ладонями ее голые ягодицы.

— Я, к сожалению, больше не королева упертых балерин, — вздохнула Элис. — Я даже не могу спасти свой собственный бизнес без посторонней помощи.

Кол затаил дыхание. Элис никогда еще настолько не открывала ему душу, и он боялся ее спугнуть.

— По-моему, ты недостаточно воздаешь себе должное. — Кол взял щеки Элис в свои ладони, притягивая ее лицо к своему лицу. — Несмотря на то, что тебе пришлось испытать, ты все еще борешься,

пытаясь чего-то добиться.

Она наморщила нос и попыталась отпрянуть, но Кол закинул ногу ей на бедро и еще крепче прижал к себе. От этого внезапного физического контакта он снова стал распалаться, и Элис воспользовалась моментом, чтобы отвлечь его от непростого разговора. Ее рука скользнула между ними, обхватив возбужденный член, и все мысли Кола испарились, исторгнувшись громким стоном.

— Неплохая попытка, — проскрежетал зубами Кол. Он цеплялся за остатки самообладания, хотя нежные поглаживания Элис лишали его способности мыслить здраво. — Но это не остановит меня от новых вопросов.

— О, а я думаю, остановит. — Она прижалась губами к его подбородку, и ее язык легонько коснулся его щетины. — В конечном счете вся твоя кровь прильнет к месту ниже пояса, и ты будешь бессилен.

Бессилен? Это она размечталась! Кол схватил Элис за плечи и, заставив перекатиться вместе с собой, придавил ее сверху. Заведя ей руки за голову, он прижал их к кровати. Но Элис лишь повела бедрами, бесстыдно потеревшись о него.

— И даже в такой позе я все еще могу тебя отвлекать.

— Не сомневаюсь, что ты можешь делать это в любой позе. — Волна возбуждения захлестнула Кола, стоило ему взглянуть на лежавшую под ним красотку. Ее щеки горели румянцем, глаза распахнулись, а беспорядочно разметавшиеся волнистые пряди золотистым ореолом сияли вокруг головы. — Но я хочу знать, почему ты увливаешь от разговора со мной.

— По-моему, мы уже покончили со всеми разговорами, — она снова потерлась лоном о его промежность, и кровь в жилах Кола закипела.

— Мы — друзья, Элли. Мы никогда не сможем наговориться. Этот номер у тебя не пройдет.

— Это выглядит совсем не по-дружески. — Глаза Элис заблестели, странная смесь надежды и страха тенью пробежала по ее лицу. — Это похоже на кое-что другое.

Элис не знала, что и думать. Она пришла сюда, чтобы вернуть Колу деньги, но вместо этого призналась в своих недостатках и затащила его в постель. Вот вам и очистка совести — она снова напортила, еще больше все усложнив.

Она не хотела вести этот разговор. Ее вполне бы устроило предаваться с Колом страсти до восхода солнца, а потом никогда больше к этому не возвращаться. Тем более что в конце недели он уезжал из страны. Время, проведенное с Колом, стало для Элис необходимым перерывом от вороха забот.

Впрочем, разве она не заслужила право немного поразвлечься? Элис было всего двадцать семь, а она уже вымоталась до предела. Забывшись под умелыми ласками Кола, она будто избавилась от многолетнего стресса — и теперь чувствовала себя молодой, красивой и свободной.

— Поговори со мной, Элли. Что творится в твоей хорошенькой головке?

— Я как раз задавалась вопросом, будет ли слишком нагло добиваться второго раунда, — улыбнулась она, с наслаждением наблюдая, как такая же улыбка расцветает на лице Кола. Его зубы мерцали в лунном свете — а над ними, оказывается, основательно потрудились стоматологи.

— И?..

— И я решила, что мне плевать, нагло это или нет. Кол, я хочу тебя снова.

Элис видела, что Кол пытается сдерживаться, но не могла допустить, чтобы он и дальше копался у нее в душе. Значит, нужно было отвлечь его на что-то другое, и это «другое» доставляло ей невероятное удовольствие.

— Ты просто невозможна. — Он неистово прильнул к ее рту. — Ты — сводящая с ума, выводящая из себя и...

— И?..

— Невероятно сексуальная.

Элис засмеялась, закрыв глаза и упиваясь желанием, нараставшим у нее внутри. А она и забыла, каким потрясающим может быть секс. С предыдущими партнерами это был лишь еще

один повод явить свою эмоциональную несостоятельность. Но с Колом все оказалось иначе. Она смущалась, безусловно, но его большие нежные руки странным образом успокаивали ее. Кол заботился о ней так, как никто и никогда в ее жизни.

— «Невероятно сексуальная»? Мне нравится.

Удерживая ее руки над головой, Кол скользнул губами по ее шее. Он всем телом прижал Элис к постели, словно заманивая в ловушку, делая ее своей пленницей. Было в этом нечто грубое, первобытное... Никогда еще Элис не оказывалась так близко к тому, чтобы показать себя настоящую, такую, какой и была на самом деле.

Она зажмурилась, словно воздвигая между ними невидимый барьер. Но Кол отпустил ее руки и нащупал средоточие ее женского естества. Скользя пальцами в лоно, он стал потирать клитор большим пальцем — так нежно и медленно, что Элис сорвалась бы на крик и потребовала бы большего, если бы наслаждение не лишило ее сил. Сейчас она могла лишь извиваться и встречать его неспешные ласки резкими толчками бедер.

Кол ненадолго прервался, чтобы надеть новый презерватив, и, не успело тело Элис истомиться по его ласкам, как он уже оказался внутри ее. На сей раз он двигался медленнее, глубже, и оргазм стал нарастать с такой силой, что она задрожала.

Кол неумолимо вел их обоих за чувственную грань, и они почти не двигались. Он едва покачивал бедрами, так слабо и неспешно, что Элис чувствовала себя опьяненной им.

— Кончи для меня, Элли. — Его горячее дыхание обдало ей ухо. — Не сдерживайся. Я хочу посмотреть, на что ты способна.

Чувственная разрядка была уже близка, и самообладание слетело с Элис с первыми волнами нахлынувшего оргазма. Когда ее захлестнул мощный чувственный шторм, Элис будто на кусочки разлетелась, и ее крик эхом отразился в стенах номера.

Стук ее сердца заглушил их тяжелое дыхание. Элис вдруг охватила тревога. Что она наделала? Кол должен уехать в конце недели, а если он и останется, то обязательно сбежит потом, как только поймет, насколько несостоятельной она была. Даже самый умопомрачительный оргазм не гарантирует жизнеспособных с эмоциональной точки зрения отношений.

Элис подумывала встать и уйти, но теплые руки Кола обвивались вокруг нее, все ближе притягивая к нему. Ее сердце забилось ровнее, панические мысли исчезли, а сознание успокоилось. Она расслабилась рядом с Колом, желая, чтобы этот покой длился вечно.

Глава 9

Неожиданный громкий звук вырвал Элис из блаженного сна. В окно струился слепящий солнечный свет, заставивший ее зажмуриться и заслонить глаза рукой.

— Это что еще такое?

— Будильник. — Низкий хриплый голос Кола пробрал Элис до мозга костей, и ее охватила дрожь. — Устройство, гарантирующее, что ты проснешься вовремя.

— По мне, так это больше напоминает орудие жестокой пытки. — Она уселась на кровати и повела плечами. Тело ее ныло после бурной ночи.

— И это я слышу от девчонки, которая обычно вскакивала ни свет ни заря, чтобы нестись в балетную студию!

— Я была молодой и глупой. И совершенно не ценила хороший сон.

— Мне кажется, мы многое не ценили, когда были молодыми и глупыми. — Его тон был серьезным, синева глаз казалась пронзительной на утреннем солнце.

Кол успел принять душ и сейчас выглядел точно так же, как вчера вечером: белое полотенце низко сидело на его поджарых бедрах, потемневшие от влаги волосы казались черными как смоль, а капельки воды поблескивали на мускулистых плечах. При воспоминании о том, как ее ногти погружались в его плечи, у Элис перехватило дыхание. Томительный жар разлился в нижней части живота, отозвавшись дрожью в конечностях. Ну как она могла хотеть Кола так скоро после того, как он в полной мере удовлетворил все ее чувственные потребности?

— Я знаю, есть то, что мне следовало ценить гораздо больше.

Кол пересек комнату и остановился перед Элис. Опустившись на колени, он откинул ее на спину, так, что смог склониться над ней и покружиться языком по животу. Теплое дыхание защекотало ее кожу.

— Мне следовало ценить тебя, Элли, а не бежать прочь. Я...

— Перестань. — Она уперла руки ему в плечи и оттолкнула его. — Пожалуйста, перестань.

— Что?

Усевшись прямо, Элис ощутила досаду и смущение, осознав: ну вот, уже началось! Ее неспособность говорить о чувствах или просто слушать Кола воздвигала между ними барьер, и сейчас былые комплексы и сомнения пробудились снова.

— Я не хочу ввязываться в это.

— Ты не хочешь ввязываться в это после всего, что было?

Паника нарастала, сжимая горло Элис, угрожая задушить ее.

— Я не хочу ввязываться в это, и точка.

— Рано или поздно тебе придется в этом разобраться. — Кол встал, и его огромная тень нависла над ней.

— И кто же это говорит?

— Это говорит парень, которому не помешает немного терпения, чтобы этого дожидаться. — Он повернулся и направился в ванную.

Элис хотелось окликнуть его, но слова застряли в горле. Он уже бросил ее однажды — и непременно сделает это снова. Так, может, позволить ему уйти прямо сейчас, не оттягивать неизбежное? Не лучше ли разорвать все одним махом?

— Я... — Ее голос ослаб, сойдя на нет.

Кол остановился в проеме двери ванной и обернулся, словно что-то услышал, но, когда Элис так ничего и не сказала, молча закрыл за собой дверь.

Лицо, смотревшее на него из зеркала, явно не стоило никому демонстрировать. Две темные брови резко, будто рассекая кожу, сдвинулись на переносице. Челюсти сжались, грудь вздымалась и падала в такт тяжелому дыханию.

Ну и ну, вылитый отец!

Какое-то время Колу удавалось держать свой взрывной темперамент в узде. Он свел потребление спиртного к минимуму, а в неудачные дни и вовсе избегал алкоголя. В подпитии отец всегда

давал волю гневу, и Кол не хотел рисковать. Он сохранил спокойствие даже тогда, когда в его офис заявился репортер, который выпытывал, является ли Хиллам его настоящей фамилией. Видимо, он недостаточно глубоко захоронил свое прошлое — ему стоило выбрать фамилию, далекую от его реальной.

Но Элис заставила его ощутить каждую эмоцию, которую он переживал. Она не умела демонстрировать собственные чувства, но с необычайной легкостью околдовывала его.

Кол с трудом удерживался от желания двинуть кулаком в стену. Ну почему он так хотел ее, когда она столь явно его не желала... во всяком случае, не физически? Ну неужели он был таким жалким, никчемным, что мог любить лишь ту, что не отвечала ему взаимностью? Так это было наследство, которое буквально вколотил в него родной папаша?

Кол стал делать дыхательные упражнения, к которым прибегал всякий раз, когда чувствовал, что отчаяние берет верх. Медленно вдохнуть, досчитать до пяти, медленно выдохнуть.

— Кол?

— Нам нужно собираться, Элли. — Кол прижал рукой дверь, сгорая от желания распахнуть ее и притянуть Элис в свои объятия. Но это ничего бы не решило. — Прости. У меня не слишком хорошо получаются все эти разговоры.

Обвив пальцы вокруг дверной ручки, Кол размышлял, стоит ли впускать Элис.

— Не открывай дверь, — попросила она, будто прочитав его мысли. — Возможно, мне будет легче говорить, если я не буду волноваться о выражении моего лица.

— О чем ты?

— Я знаю, мое лицо выглядит ужасно, когда я пытаюсь говорить о чем-то сложном...

— Элли, твое лицо прекрасно. — Вздохнув, Кол прислонился лбом к двери. — Твое лицо заставило бы художника плакать от счастья.

— Вот только не надо ехидничать!

— Я и не ехидничаю. — Он действительно говорил серьезно.

Помнится, в школе Элис невольно отравляла жизнь своему брату. Все без исключения парни хотели встречаться с ней, и Рич угрозами гнал их куда подальше... даже его, Кола. Порой он искренне жалел Рича, уступавшего сестре по всем статьям. Элис была лучшей ученицей и всеобщей любимицей, звездой балета и вдобавок просто ослепительной красоткой.

— Я хотела сказать, что не могу даже выразить эмоции на своем лице.

И Кола осенило, что именно она имеет в виду — словно на место встал кусочек головоломки.

— Кто, черт возьми, сказал тебе это?

— Мне твердили об этом в балете. А еще я встречалась с парнем, который говорил, что мое лицо напоминает кирпичную стену.

Повисло молчание. Кол подавил гнев, вспыхнувший внутри, будто кто-то чиркнул там спичкой.

— Что ж, тот парень явно делал что-то не так, потому что прошлой ночью я видел на твоём лице всю гамму чувств, вплоть до самых оттенков эмоций.

— Он был прав. Я совершенно не справляюсь со всей этой эмоциональной чепухой.

— Я открываю дверь. — Кол повернул ручку двери и вышел из ванной.

На долю секунды на лице Элис мелькнуло потрясение, но потом в глазах застыло бесстрастное выражение, а губы сжались в тонкую ниточку. Это была ее обычная хладнокровная маска, которую Элис надевала, когда чувствовала себя в опасности, неуверенно или уязвимо.

— Я вижу тебя, Элли. Вижу, что творится в твоей голове... — Кол сжал лицо Элис в ладонях и удержал ее на месте, когда она попыталась вывернуться. — С тобой все в полном порядке.

Она прикусила губу и посмотрела на него, но маска упорно скрывала ее чувства. Открыв дверь, Кол разрушил миг откровения.

— А, ладно, забей, — с дерзкой веселостью бросила Элис, изобразив на лице улыбку. — Сегодня твой день. Ты прав, пора собираться.

— А что ты собираешься надеть? — Кол посмотрел на футболку, которую она выдернула из его чемодана, и его взгляд невольно задержался там, где мягкая серая ткань скользила над вершиной ее крепких бедер.

Трусики Элис свисали с кресла в углу комнаты, а топ валялся скомканным на полу. У Элис уже не было времени поехать домой и переодеться, так что оставалось придумать что-то на ходу.

— Это? — Она взглянула вниз, на футболку, а потом снова посмотрела на Кола. — Или нет?

— Только не думай, что я забыл о нашем разговоре. — Наклонившись, Кол прижался к Элис лбом, и боль прожгла все внутри, когда он заметил мелькнувшую в серых глазах вспышку страха. — Мы продолжим его вечером.

— И кто же это говорит? — Элис скрестила руки на груди, от чего футболка задралась и почти выставила напоказ то место, которое Кол так основательно исследовал ночью.

Он отмахнулся от возбуждающего ноющего чувства, заставлявшего его плоть раздуваться.

— Я говорю. — Он прошагал к шкафу и вывалил оттуда одежду. Раскидав вещи, он бросил Элис белую хлопковую рубашку. — Если закатаешь рукава, вполне сгодится. А вот с нижним бельем я помочь не могу. Придется тебе пойти без трусиков.

Она взяла свои джинсовые шорты и натянула их, не отрывая от него взгляда. Кто-то там, на небесах, решил наказать его? Как же он сможет концентрироваться на работе весь день, осознавая, что на Элис надета лишь его рубашка и ничего под этими крошечными шортами? Суцая пытка!

Элис стянула футболку через голову, накинула рубашку, завязала ее на талии и закатала рукава. В белом хлопке на фоне линялой джинсы ее кожа засияла, и с этими растрепанными белокурыми волосами Элис выглядела воплощенной фантазией.

— Готов? — Она взяла сумочку и направилась к двери.

— По-моему, я никогда не буду готов, — проворчал Кол себе под нос.

К тому моменту, как они добрались до делового центра, удобно расположенного через дорогу, все вокруг уже было заставлено машинами. Нынешняя конференция была не такой насыщенной, как некоторые другие, на которых Колу доводилось присутствовать в Штатах. Здесь не было такого количества участников в деловых костюмах, да и остальной публики оказалось меньше. Но гул голосов наполнил воздух, и внутри у Кола все перевернулось при мысли о том, каким огромным покажется заполненный зал.

Капельки пота заблестели на брови, во рту пересохло. Сердце заколотилось, а дыхание стало тяжелым, судорожным. Кол собирался было отвлечься какой-то пустой болтовней, но тут Элис взяла его за руку и сжала. Она не повернулась к нему, она вообще не произнесла ни слова. Элис просто держала его за руку, и простая искренность этого жеста говорила гораздо больше любых слов или взглядов.

Они прошли через ВИП-вход в зону проведения конференции. Холл буквально гудел от разговоров представлявших стенды сотрудников. До открытия оставалось десять минут, и участники сновали тут и там, заканчивая приготовления. Стенд «Хиллам технолоджиз» находился в дальнем углу, где посетителей уже поджидали сверкающие дисплеи с новейшими приложениями и программным обеспечением — главным образом программами по личному фитнесу и контролю за здоровьем, снабженными игровыми элементами.

— Это ты все разработал? — Элис вглядывалась в дисплей, постукивая и скользя пальцами по экрану, чтобы опробовать приложения. — «Спасайся кто может» — что за программа?

— А, это самое забавное и креативное приложение для занятий бегом. — Кол провел пальцем по экрану айпада, возвращая приложение к стартовому окну. — Здесь представлены разные темы выживания: есть зомби-апокалипсис, нападение медведя, бегство из джунглей...

— На кой леший кому-то представлять, что за ним гонится медведь?

— Если это мотивирует людей бегать быстрее, упорнее, дольше... — он помедлил, наслаждаясь тем, как легкий румянец заливал щеки Элис, — то это хорошо для фитнеса. Это одна из составляющих нашей философии: мы создаем приложения, чтобы

прогнать скуку из каждодневных занятий.

— Мистер Хиллам? — Один из парней, стоявших за стендом, подошел к ним, протягивая руку. — Я — Броуди. Очень рад наконец-то познакомиться с вами лично.

Руки Броуди были покрыты темными волосами и татуировками, доходившими до плеч. Парень, возможно, и выглядел как участник дорожной команды при рок-группе, но был одним из самых одаренных дизайнеров приложений, с которыми Кола доводилось работать. До этого момента они общались исключительно посредством различных технологий, ведь Броуди жил в Новой Зеландии.

— Ах да. — Кол сердечно потряс его руку. — Это намного лучше, чем наши обычные совещания по скайпу. Рад, что вам удалось прилететь. — Это Элис Джонсон, — представил Кол, лихорадочно соображая, как же определить их отношения. — Очень старая и близкая подруга.

— И, разумеется, под словом «старая» он подразумевает то, что мы дружим с давних пор. — Элис пожала руку Броуди и, закатив глаза, взглянула на Кола: — А ты за словом в карман не полезешь.

— Да что такое? — пожал плечами он. — Тебе ни за что не дашь больше шестнадцати.

Элис покачала головой и констатировала:

— Жуть.

— Девятнадцати?

Она состроила гримаску:

— Двадцати одного.

— Идет. — Довольная улыбка заиграла на ее губах, и Элис обратилась к Броуди: — Как же вы стали работать на Кола, если живете в Новой Зеландии?

— В прошлом году я подал заявку на участие в программе «Хиллам технолоджиз» по поиску талантов под названием «Золотая молодежь». Они проводят этот конкурс каждый год, автор лучшего приложения получает возможность продать свою идею, а иногда его приглашают на работу. Я стал одним из счастливчиков, — улыбнулся Броуди. — У нас в Новой Зеландии не так много крупных

технологических компаний, так что это просто сбывшаяся мечта!

Приятное тепло разлилось по груди Кола. Много раз за эти годы — когда его приютили Джонсоны, когда один банковский менеджер дал ему шанс, предоставив кредит для развития малого бизнеса, — Кол обещал себе, что продолжит эту эстафету и тоже будет помогать другим. Программа «Золотая молодежь» предоставляла умным молодым людям возможность начать карьеру в сфере высоких технологий. К победителям прикрепляли наставника, и компания нередко покупала приложения, разработанные одаренными учениками. В сущности, некоторые из самых продаваемых приложений были созданы как раз в рамках этой программы.

Самый первый победитель конкурса уже покинул «Хиллам технолджиз», чтобы начать свое собственное дело, и Кол искренне радовался за него. Всякий раз, когда Кол помогал кому-то из этих парней, он будто еще на шаг отдалялся от своего прошлого.

— Ух ты! — Улыбнувшись, Элис подняла взгляд на Кола, и неподдельная гордость просияла в ее серых глазах. — Это так здорово!

Элис сжала его руку, и Кол не без труда отмахнулся от мысли, какой голой она была под его рубашкой и своими потертыми шортами. Ни бюстгалтера, ни трусиков. К счастью, его рубашка была плотной, рассчитанной на ледяной кондиционированный воздух офиса, так что ее маленькие золотистые груди не просвечивали через ткань. Но Кол все знал, и этого было достаточно.

Внезапно его охватило сексуальное возбуждение, он снял льняной пиджак и перекинул его через руку:

— Нам, наверное, лучше пойти в конференц-зал. Я выступаю первым, поэтому хочу оказаться там до того, как нахлынет толпа.

Кол снова взял Элис за руку, и тут до них донесся гул голосов: мероприятие началось. Теперь публики вокруг стало больше, шум усилился. Даже успокаивающего прикосновения ладони Элис было недостаточно, чтобы подавить настойчиво подступающую к горлу тошноту. Через полчаса Кол должен был сидеть в комнате для выступающих — это означало, что до выхода на сцену оставался всего час. От одной только мысли об этом желчь подступила к горлу.

— Так, выходит, я — старая и близкая подруга, да?

Кол закатил глаза:

— Ты ведь знаешь, я имел в виду не в физическом смысле. Вы, женщины, так болезненно на все реагируете!

— А тем, что мы делали прошлой ночью, ты занимаешься со всеми своими старыми близкими друзьями?

Сладостные картины прошлой ночи тут же замелькали перед его мысленным взором. Руки, губы, языки, приятные округлости. Все это, казалось, навсегда врезалось ему в память... что было весьма кстати. Кол знал: скоро он потеряет Элис, и у него останутся лишь воспоминания.

— Учитывая то, что другие мои старые близкие друзья — это твой брат и руководитель моего департамента по связям с общественностью, мой ответ «нет».

— Значит, нас всего трое? — Она подняла на него взор, нахмутив светлые брови над огромными серыми глазами.

— Боюсь, это все. Беру не количеством, а качеством.

Элис кивнула, вполне удовлетворенная ответом:

— Ладно, я рада быть твоей старой близкой подругой, которая иногда занимается с тобой сексом.

— Иногда?

— Два раза, — поправилась она.

— Именно. Требуется больше чем два раза, чтобы с полным правом называть это «иногда». — Кол остановился перед комнатой для докладчиков и открыл перед Элис дверь. — «Иногда» — это хотя бы раз семь.

— Семь? — рассмеялась она, проскальзывая мимо него.

— А то и еще больше, раз десять... или тринадцать.

— Смотри не спугни свою удачу.

Помещение для выступающих оказалось маленьким — скорее зона ожидания, чем комната. Здесь были кремового оттенка стены, два дивана, стоявшие друг напротив друга, и ваза со свежесрезанными цветами на стеклянном журнальном столике.

Кол вытер скользкие от пота ладони о штанины джинсов и

достал из внутреннего кармана пиджака немного помявшиеся карточки с заметками.

— Оставь это мне. — Элис забрала у него пиджак. — На сцене со всем этим освещением будет жарко — пиджак тебе не понадобится.

Отбивая безумный ритм ногой, Кол расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Нервная энергия захлестнула его. Стоило захватить с собой мячик для снятия стресса, кубик Рубика... хоть что-нибудь, чтобы занять руки.

Тук, тук, тук. Что, если он выйдет перед всей этой публикой и никто даже не посмотрит на него? Или, того хуже, к нему будет приковано всеобщее внимание? Что, если он споткнется, поднимаясь на сцену? Что, если?..

— Хватит, угомонись уже, — громкий голос Элис прорезал тишину комнаты.

Кол резко вскинул голову. Элис сидела на подлокотнике стоявшего перед ним дивана, скрестив в лодыжках длинные ноги.

— Я даже отсюда слышу, что творится у тебя в голове. Накручивая себя до предела, ты ничем себе не поможешь.

— Я не знаю, чем еще заняться, — огрызнулся Кол. Страх сделал его раздражительным.

— Просто дыши. — Элис встала и подошла к нему, положив руки на его запястья и слегка надавив на них, чтобы его ладони легли на колени. — Сделай вдох, один, два, три. Выдох, один, два, три.

Кол послушно выполнял ее команды, ритмично втягивая в легкие большие порции воздуха и успокаивая сердце. Он чувствовал себя дураком, который разнервничался из-за того, что остальным было проще пареной репы. А ведь он так много сделал в своей жизни. Спасся от отца-тирана, объездил весь мир, создал успешную компанию. Но мысль о выходе на сцену доводила его до нервного срыва. Как же глупо...

— Я сказала: перестань! — Элис взяла лицо Кола в свои ладони, так, чтобы он мог смотреть только ей в глаза. — Ты знаешь, что делаешь, у тебя все получится, Кол. Все будет прекрасно, я обещаю.

Кол ничего не ответил. Его так и тянуло оттолкнуть ее,

попросить ее уйти, а потом запереться в этой комнате и пропустить выход на сцену. Но он не привык быть трусом — он пообещал себе, что никогда не будет неудачником, как дражайший папочка. Нет, он должен был сделать это!

— И знаешь, что еще? — добавила Элис. — Я буду там, в первом ряду. Так что можешь смотреть на меня и представлять, что в зале больше никого нет.

Это было легко — всякий раз, когда Элис оказывалась рядом, Кол видел только ее одну. Она была здесь ради него. Слабый проблеск надежды вспыхивал в его груди всякий раз, когда Элис смотрела на него — так открыто, так вдохновляюще. Но Кол знал, что долго это не продлится: при малейшем же разногласии она замкнется в себе... Как обычно.

Он вздохнул, усилием воли поднимая себя с дивана. В комнату только что заходил координатор конференции, предупредивший, что Колу пора готовиться к выходу на сцену.

И тут Элис поцеловала Кола, крепко прижавшись губами к его губам. И тут же бросилась прочь из комнаты, чтобы занять место в зале до начала речи, оставив Кола в ошеломлении смотреть ей вслед. Медленно, собираясь с силами, он направился к двери.

Голос организатора конференции уже гудел через звуковые колонки зала:

— Он — один из самых успешных специалистов в области высоких технологий в возрасте до тридцати лет. В двадцать два он продал свое первое компьютерное приложение, а к двадцати восьми заработал свой первый миллиард. Известно о нем немного, поскольку, подобно большинству технических специалистов, он предпочитает возиться со своими компьютерными штучками, а не говорить о себе. Он редко появляется на публике, но сегодня он здесь. Дамы и господа, я представляю вам генерального директора «Хиллам технолоджиз» Кола Хиллама!

Кол стал подниматься на сцену, и яркий свет ослепил его, на миг выведя из состояния равновесия. Зал был не просто полон — буквально забит битком. Люди стояли у входа, там, где не было кресел, а новые слушатели все просачивались внутрь.

На миг Колу показалось, что мир сейчас перевернется. Организатор конференции пожал ему руку, и пол под ногами

накренился. Но тут Кол увидел Элис, сидевшую в первом ряду. Она подалась вперед, оперев локти в колени, и закивала ему, будто уверяя: «Ты можешь это сделать».

Глава 10

Элис наблюдала за стоящим на сцене Колом, и ощущение нереальности происходящего не покидало ее. Это казалось невероятным: несмотря на свой страх, он владел аудиторией, и Элис с самого начала знала, что так и будет. От Кола исходила невероятная сила, с которой нельзя было не считаться, и его звучный голос наполнял зал, привлекая всеобщее внимание.

Как только Кол начал речь, его лицо оживилось, глаза засияли, и он заговорил со всей своей страстью, которую чувствовала в нем Элис. Он заставил публику смеяться, согласно кивать и слушать, раскрыв рот. Он мгновенно покориł слушателей — особенно женщин.

Ближе к концу речи на Элис нахлынуло чувство гордости за Кола. Он стоял в центре сцены, его длинные ноги облегали темные джинсы, а черная рубашка демонстрировала мощь его широких плеч и груди. Его серебристый опознавательный браслет поблескивал, отражая яркий свет. У Элис пересохло во рту.

Кол закончил речь, и толпа разразилась оглушительными аплодисментами. Он снял микрофон с воротника рубашки и пожал руку человеку, который его представлял. Кол стал спускаться со сцены, и его мгновенно окружила группа людей. Элис робко попыталась, сомневаясь, что вправе прорываться сквозь толпу и претендовать на место рядом с Колом. Она действительно этого не заслуживала — после того, как обращалась с ним этим утром.

Но тут Кол перехватил ее взгляд, его глаза вспыхнули, и он жестом подозвал Элис к себе.

— Прошу меня простить, друзья, — сказал Кол, хватая за руку пробившуюся сквозь толпу Элис, — но сейчас я должен быть у стенда «Хиллам технолоджиз». Спасибо, что пришли на мое выступление.

— Всего один вопрос, мистер Хиллам, — бесцеремонно окликнула Кола какая-то женщина, пихая ему под нос диктофон. — Это правда, что Хиллам — не ваша настоящая фамилия?

У Элис перехватило дыхание. Кол на миг побледнел, и боль,

которую он так тщательно скрывал, мелькнула на его лице. Но потом он быстро натянул маску хладнокровия, на его лице расцвела обворожительная белозубая улыбка, а голос заструился мягко и сладостно, как мед.

— Разве у человека не могут быть свои маленькие тайны? — Кол пожал плечами и рассмеялся. — Правда заключается в том, что моя нынешняя фамилия звучит лучше, чем настоящая. Это лишь небольшая дань маркетингу.

Ответ явно не удовлетворил журналистку, но Кол твердо кивнул и стал пробираться через толпу, железной хваткой сжимая ладонь Элис. Его рука дрожала — Кол явно из последних сил сдерживал гнев и страх. Элис знала, что не стоит верить лицу, которое он являет миру, она знала Кола... лучше, чем кто бы то ни было.

— И откуда только журналюги пронюхали? — с досадой бросила Элис, когда они выскользнули на улицу через боковую дверь делового центра.

Все вокруг заливал яркий солнечный свет. Легкий ветерок покачивал деревья, и пятна света испещряли клочок сада между ними и тротуаром Южного Уорфа. Вокруг слонялись люди, из уличного бара на берегу реки доносилась музыка, а знаменитый корабль «Полли Вудсайт», главный экспонат морского музея, по-королевски возвышался на своем постоянном пристанище.

— Как только я приехал сюда, моя секретарша только и делает, что отвечает на вопросы австралийских журналистов о моих корнях, — вздохнул Кол, теребя свой браслет. Они с Элис уселись на деревянную скамейку, и Кол взъерошил волосы. — В Штатах мне лишь один раз задали странный вопрос о жизни в Австралии, но с тех пор как я вернулся на родину...

— Ты поступил правильно, приехав домой.

— Знаю.

— Там, на той сцене, ты был просто великолепен. — Элис положила руку ему на колено. — Я по-настоящему тобой горжусь.

Кол застыл на месте, глядя на нее. Он явно был на взводе, его плечи напряглись, мышцы шеи одеревенели. В его глазах Элис не видела теперь ничего, ни вспышки эмоции, ни намек на правду. Элис стало дурно: Кол никогда не отгораживался от нее вот так. С

ней он всегда был открытым.

— Что-то не так, Кол?

— Все в порядке. — Он поерзал на месте, и Элис пришлось убраться с его колена. — Но это была очень напряженная неделя.

— Ты, наверное, горишь желанием вернуться в Штаты?

Она сомневалась, что хочет знать ответ на этот вопрос. Впрочем, ей стало бы намного легче, если бы Кол уехал. Она наладила бы свою жизнь, занялась бы студией. Это ведь все, чего она хотела... не так ли?

— Да, у меня ворох работы. Приятно будет вернуться к себе и немного отдохнуть ото всей этой шумихи. Надеюсь, журналоги перестанут меня доставать, как только я уеду из страны.

Элис хотела спросить, будет ли он скучать по ней, когда вернется в Штаты, но слова застряли в горле, мешая дышать.

— Нам, наверное, стоит вернуться, — поднялся со скамейки Кол. — Хотя, если хочешь поехать домой, ты освобождаешься от своих обязанностей.

Она растерянно моргнула:

— Освобождаюсь от своих обязанностей?

— Да. С речью мы удачно справились — за это я тебе и платил. — Произнося это, Кол смотрел куда-то мимо нее, и от его слов между ними разверзалась пропасть. — Это то, что мне требовалось.

Сначала Элис хотела позволить Колу отделаться от нее — в конце концов, это избавило бы ее от необходимости самой отделяться от него чуть позже. Но ее будто магнитом тянуло к Колу, удерживая рядом с ним.

— Мне бы хотелось остаться. — От Элис не укрылось, как едва заметно вздернулись губы Кола, а в его взгляде мелькнуло любопытство. — Мисси заменяет меня на всех сегодняшних занятиях, так что, если хочешь, я могу помочь с твоим стендом.

— Я прочитаю тебе краткий курс об области высоких технологий. — Кол остановился у двери делового центра, пропуская Элис вперед, а потом положил руку ей на талию и повел через уже

знакомый VIP-вход.

— Начни с азов, с самого низкого уровня.

— Есть такая штука под названием Интернет...

Она ударила его по руке, освобождаясь от его мертвой хватки, и Кол засмеялся. По груди Элис тут же разлилось тепло, щеки покраснели, а сердце учащенно забилося.

— Не настолько низкого.

К моменту окончания конференции ноги Элис тряслись, ее лицо ныло от многочасовых улыбок, но она впервые за долгое время чувствовала себя невероятно счастливой. Смотреть на Кола за работой было сущим удовольствием. Беседуя с разработчиками программного обеспечения, Кол оживал на глазах. Он даже вручил свои визитки нескольким одаренным молодым компьютерщикам, велел позвонить ему, когда они окончат университет и будут искать работу.

Главный пиарщик Кола, Пит, постепенно сворачивал стенд, беседуя с парочкой освещающих технологическую сферу блогеров о самых новых программных продуктах «Хиллам технолджиз». Но, в общем и целом, так удачно сложившаяся конференция подходила к концу.

— Каково это — быть королем в этом замке технологий? — Элис прислонилась к стене в коридоре, куда они с Колом выскользнули, чтобы немного побыть вдвоем и отдохнуть.

— С того самого дня, как я стал жить в твоей семье, я знал, что однажды добьюсь этого. — Взяв Элис за руку, Кол привлек ее к себе.

— Почему?

— Потому, что меня наконец-то окружали люди, считавшие меня кем-то большим, чем просто мальчиком для битья.

Элис прикусила губу, пытаясь оградиться от мучительных воспоминаний. Даже сейчас, спустя все эти годы, он так и стоял перед ее глазами, избитый, весь в синяках. Мальчик, носивший непроницаемую броню повсюду... со всеми, кроме нее.

— Твоя семья спасла меня, Элли. Я король этого замка только благодаря тебе.

Она не знала, что сказать, так что просто обвила руками шею Кола и привлекла его к себе, прижимаясь к его губам в глубоком, настойчивом поцелуе. Кровь яростно зашумела в ушах Элис, по ее телу побежали мурашки, стоило Колу еще сильнее притянуть ее к себе.

Они отпрянули друг от друга только тогда, когда вокруг раздались щелчки камер. Несколько парней с пропусками для прессы нацелили на Кола и Элис фотоаппараты и смартфоны.

— Пойдем, — прорычал он ей на ухо. — По-моему, нам пора уединиться где-нибудь в другом месте.

Спустя полчаса они сидели в баре отеля, потягивая напитки. У Кола кружилась голова, и это было вовсе не последствие сильнейшего стресса. Сегодня, после окончания речи, когда они с Элис ненадолго вышли из делового центра подышать воздухом, Кол был готов разорвать с ней все связи. После вопроса той настырной журналистки ему хотелось бежать куда глаза глядят.

Если бы кто-то связал с Колом финансовые махинации его отца, компания оказалась бы под ударом. Артур Хилл был замешан во многих незаконных вещах, но знали его главным образом по делам о мошенничестве. Учитывая способность СМИ распространять новости с быстротой огня, раскрытие семейных тайн Кола могло обернуться серьезными проблемами для репутации компании. Ему пришлось бы жить в состоянии вечного стресса, работать сутками напролет, чтобы спасти дело своей жизни от отпечатка неприглядного прошлого. Неужели Элис захотела бы остаться рядом в такой сложный момент?

К удивлению Кола, она по своей воле оставалась рядом на протяжении всего дня, даже после того, как он отпустил ее. И теперь перед ним стояла дилемма. Он хотел Элис, хотел с невероятной силой, превосходящей все, что он когда-либо ощущал. Даже то, что чувствовал к самой Элис в прошлом.

Но через несколько дней Колу предстояло уехать. На завтра были намечены похороны его отца, и он не мог задерживаться еще дольше. Да и Элис ни за что не оставила бы свою мать... даже если бы ее чувства оказались достаточно сильными. В этом-то и заключалась главная проблема: Кол по-прежнему не знал, что чувствует к нему Элис. Всякий раз, когда он спрашивал об этом, она

замыкалась в себе.

— Не нужно так грузиться, — сказала она. — Жизнь ведь на этом не заканчивается.

Элис все еще была в его рубашке, и, когда она наклонилась к нему, Кол увидел промельк светло-золотистой кожи. На него тут же нахлынули пикантные воспоминания, и взгляд невольно упал на ее шорты.

— Хм, вот у тебя мысли скачут с одного на другое! — засмеялась Элис. — Выражение твоего лица только что сменилось с суперсерьезного на супервозбужденное.

— Откуда ты знаешь? — Кол оторвал взгляд от ее ног и посмотрел в сверкающие серые глаза.

— Когда ты возбуждаешься, твои глаза становятся больше, — хитро усмехнулась она. — К тому же всегда есть еще один верный способ понять это.

Элис опустила руку ему на колени и мягко обвела контуры его нарастающей эрекции. Еще больше затвердев от ее прикосновения, Кол с трудом сдержал стон.

— Да... — Он судорожно вздохнул, когда Элис сжала его член. — Доказательство неопровержимое.

— Мне не стоит снова с тобой спать. — Ее взгляд скользнул вверх, задержавшись на распахнутом вороте его рубашки.

— Ну конечно, на тебе прямо написано нежелание со мной спать, — не без сарказма заметил Кол, глядя на ее руку, все еще лежавшую на его коленях.

Элис тут же отдернула руку, и ее щеки вспыхнули.

— Мне стоило усвоить этот урок еще в первый раз.

— И что это за урок?

Она скользнула пальцами по ножке своего бокала с мартини.

— Что эти многократные оргазмы вечно туманят мой разум.

— Многократные оргазмы еще никому никогда не вредили.

— Не вредили, но они действительно способны затмевать факты.

— Факты?

— О том, что мы не должны быть вместе. — Элис облизнула губы. Розовый язычок метнулся вверх, выдав ее истинные желания.

— Ты говоришь одно, но я знаю, что у тебя на уме, Элли.

— Ты знаешь намного меньше, чем думаешь. — Она наклонилась вперед, схватив за ворот его рубашки. — А вот я знаю, как вывести тебя на чистую воду.

Кол вдохнул сладостный аромат ее кожи, такой многогранный, пьянящий...

— А ты определенно повзрослела.

Элис засмеялась, запрокинув голову, и от этого звенящего звука кровь вскипела в жилах Кола.

— С годами это обычно случается, Кол.

Он улыбнулся ее шутливому замечанию. Кол мог заполучить любую женщину, какую бы ни захотел, особенно в Штатах, где красотки за милую душу чуяли его богатство. Поначалу он удовлетворял свои желания с честолюбивыми сотрудницами Кремниевой долины, но теперь он был сыт по горло людьми, интересовавшимися только его деньгами. За последний год он замкнулся в себе, сосредоточившись на работе и отдалившись от светской жизни, которую уже успел возненавидеть. Неприятная история с Тессой Бейтс лишь усилила его потребность в уединении.

Теперь, после ночи с Элис, от одной только мысли о том, чтобы переспать с другой, внутри у Кола все сжималось от отвращения. Элис Джонсон была его первой любовью, и он несколько не сомневался в том, что она же останется для него и последней.

Если бы только он мог убедить Элис открыться ему... Кол должен был знать, что она чувствует.

— Убери это выражение со своего лица, — усмехнулась она, теребя пальцами непокорную светлую прядь.

— Какое выражение?

— То самое, которое означает, что ты что-то замышляешь, — понимающе улыбнулась Элис. — Какой-то хитрый план.

Он допил свой скотч и отмахнулся от бармена, предложившему новую порцию спиртного. Закатав рукава своей легкой хлопковой

рубашки, Кол почувствовал, будто кожа горит изнутри.

— Все такая же командирша — вот что мне в тебе нравится. — Он пробежал кончиком пальца вдоль ее руки, улыбнувшись, когда кожа Элис на глазах покрылась мурашками. Приятно было видеть, что она реагирует на него так же, как он — на нее. — И ты со мной не из-за денег.

Она улыбнулась:

— Я вообще не с тобой.

— Что же тогда было прошлой ночью?

— Основополагающая человеческая потребность, — ответила Элис срывающимся голосом. — Не более того. Мы — друзья.

— Друзья, которые...

— Да. — Она перебила его, смущенно ерзая на стуле. — Не все женщины хотят любви, замужества и детей, Кол.

— Верно, не все женщины хотят. — Он пристально взглянул на Элис. — Но ты — да.

— Нет, не хочу.

— Хорошо, в таком случае давай поднимемся ко мне в номер, закажем ужин, займемся сексом, и ты сможешь продолжать притворяться, будто между нами ничего нет. — Кол решил выждать удобный момент и снова спросить Элис о ее чувствах. Если она не откроется ему и тогда, он бросит все попытки и уедет. Навсегда. — Не знаю, как ты, но я умираю с голоду, а в этом отеле подают великолепный стейк.

Элис задумчиво пососала нижнюю губу. Если бы она не согласилась, Кол отпраздновал бы победу — вот он ее и подловил. Если бы приняла его предложение... что ж, тогда бы она отправилась напрямик в логово льва. Кол в любом случае оказывался в выигрыше.

— Хорошо. — Элис пронзила его взглядом сияющих серых глаз и вызывающе вскинула подбородок. — Я люблю стейк.

И о чем она только думала?..

В животе у Элис все сжималось, пока она шла с Колом к его номеру по шикарному коридору. Она пыталась сохранять спокойствие, пыталась сказать Колу, что не мечтает о романтическом хеппи-энде, что ей нужен секс и только секс. Но это было бесконечно далеко от правды... она хотела всего, о чем говорил Кол.

— Я отчетливо слышу, как крутятся шестеренки у тебя в голове, — резко вернул ее к реальности его зычный баритон.

Участившееся дыхание Элис раздавалось в тишине коридора. Она держалась от Кола на расстоянии, опасаясь, что он услышит ее колотящееся сердце и бушующую в венах кровь.

Кол провел картой по считывающему устройству на панели перед номером и открыл дверь, пропуская Элис вперед. Она протиснулась в проем, и кожа вспыхнула от соблазнительного прикосновения рубашки Кола.

Элис уже восхищалась шикарным номером, но открывшийся перед ней вид поразил ее с новой силой. Сверкающие огни Мельбурна сливались в головокружительное световое шоу.

Кол подошел к Элис сзади, и от его близости кожу закололо, а напрягшиеся соски выступили под мягким хлопком. Горячее судорожное дыхание обдало шею Элис, заставив все тело содрогнулось от страстного желания.

— Это просто секс, — предупредила она.

— Ладно, — прорычал Кол. Его губы парили совсем близко к ее шее, не прикасаясь, и бушевавшие в нем эмоции отдавались в теле Элис.

Кол пробежал ладонями по ее бедрам, скользнул по изгибам тела так плавно, словно был создан для того, чтобы прикоснуться к ней. Элис инстинктивно выгнулась, без лишних размышлений, без колебаний. Ее ягодицы прижались к бедрам Кола, и она ощутила твердое свидетельство его возбуждения.

— Элис... — Кол с силой притянул Элис к себе.

Между ее бедрами отчаянно заныло, вспыхнуло жаром. Элис жаждала схватить его мужское естество и водить ими по своему телу, везде, где ей требовалась чувственная разрядка. Ей хотелось дать Колу понять, как она соскучилась по нему всего за один день, прошедший с тех пор, как они последний раз были в его постели.

Элис закусила губу, откинула голову набок и прислонилась к его груди.

От прикосновений Кола воспоминания о прошлой ночи нахлынули на Элис с новой силой. Она явственно видела нависшего над ней Кола, голубые глаза, в которых отражался ее собственный экстаз, и понимала, что эта картина отныне будет преследовать ее всю жизнь.

В дверь постучали, и Элис подскочила от неожиданности. Она споткнулась, чуть не упав вперед, когда Кол выпустил ее из объятий и отправился открывать. В проеме появилась сервировочная тележка с двумя серебрястыми подносами и бутылкой красного вина. Кол дал официанту на чай и развернул тележку к Элис.

— Когда ты успел это заказать? — уперла руки в бока она.

— Днем, часа в четыре, — усмехнулся Кол, ероша свои короткие темные волосы. — Я заказал пино нуар. Если память мне не изменяет, ты любишь красное вино.

Элис не знала, на кого злиться: на Кола — за то, что был так самонадеян, или на саму себя — за то, что оказалась настолько предсказуема. Как же легко она попалась ему на крючок!

Элис открыла было рот, чтобы огрызнуться, но тут Кол приподнял серебрястые крышки с подносов, и восхитительный аромат стейка наполнил комнату.

— О боже, просто умираю с голоду!

— Прожаренный или с кровью... какой хочешь?

Элис вздохнула:

— Какой угодно.

— Превосходный выбор. — Кол протянул ей тарелку с весьма аппетитным стейком и горстью зелени.

— Знаешь, ты — просто нечто!

— Не надо злиться. — Кол прошел за ней к журнальному столику, прихватив бутылку вина и два бокала. Потом мастерски, не пролив ни капли, разлил сияющую красную жидкость. — Я не виноват, что ты не можешь держаться от меня подальше. По мне, так это больше чем просто секс.

— У меня есть потребности. — Элис отрезала кусок стейка и наколола его на вилку. — А ты в этом... хорош.

— Хорош? — удивленно вскинул бровь Кол. — То, чем мы занимались прошлой ночью, не было... просто хорошим.

— Доставляющим удовольствие.

— Попробуй еще. — Кол отрезал от нежного мяса небольшой кусок.

— Ты действительно хочешь говорить об этом?

— Да.

— Это было... — Она помедлила, подбирая верное слово. — Впечатляюще.

— Так-так, уже теплее.

Он сделал глоток вина, и Элис с трудом подавила желание ощутить на губах Кола этот изысканный букет. Он расстегнул на рубашке еще одну пуговицу, и его кожа замерцала от летнего зноя. В приглушенном освещении номера Кол выглядел великолепно, но это была беспокойная красота запертого в клетке дикого зверя. Элис понимала, что все эти шикарные отели — не для него, он задыхался от этого образа жизни.

— Кол... — Элис вдруг захотела открыться ему, ей так много нужно было ему сказать...

Ее прервало резкое гудение его телефона. К удивлению Элис, на экране вспыхнуло лицо ее брата. Неужели все эти пять лет они поддерживали связь? Разговаривали, откровенничали, тогда как она не слышала от Кола ни словечка?

Кол замялся. Он взглянул на Элис, и она сжала губы, сдерживая рвущиеся с них слова. Схватив мобильный со стола, Кол стукнул пальцем по экрану, отвечая на звонок. Но не успел он произнести ни слова, как с другого конца линии донесся громкий недовольный голос.

— О чем ты говоришь? — Кол закатил глаза и покачал головой, когда ее брат продолжил гневную тираду.

Ничего не сказав в ответ, Кол прошел через весь номер и открыл свой ноутбук. Вскоре экран заполнили картинки с поисковой

страницы, и Элис подошла к компьютеру, чтобы посмотреть, из-за чего разгорелся сыр-бор. Перед ней предстали изображения их жаркого поцелуя в холле делового центра. Кто-то уже успел выложить фотографии, которые теперь мог видеть весь мир. Некоторые из них были расплывчатыми, другие четко демонстрировали, как рука Кола запуталась в волосах Элис, а их тела слились воедино.

— Я знаю все, что ты мне скажешь, Рич, — огрызнулся Кол. — Но она — взрослая, и я — тоже.

С другого конца хлынула лавина упреков. Элис протянула руку, требуя у Кола телефон. Но Кол отмахнулся от нее и повернулся к стене, прижимая мобильный к уху.

— Это просто смешно. Успокойся. Я больше не собираюсь слушать всю эту чепуху.

Кол обернулся, и Элис выхватила телефон из его пальцев.

— Рич, что, черт возьми, происходит?

— Ты где? — произнес старший брат с легким английским акцентом, приобретенным после нескольких лет жизни за границей.

— Я — с Колом.

— Где именно?

Элис так и видела перед собой лицо брата. Сейчас его щеки пылали, бледные глаза лихорадочно горели, но голос оставался резким и отчужденным. Каждое слово Рич произносил с леденящей кровью бесстрастностью — как всегда, когда выходил из себя.

— В его гостиничном номере. Я не понимаю, в чем дело?

— А дело в том, сестричка, что я уже говорил нашему дорогому другу Кола держаться от тебя подальше. Я предупреждал его, когда мы были совсем юными, я предупреждал его снова после того, как он нарушил правила, а теперь я делаю это в третий раз.

— Значит, ты сказал ему держаться от меня подальше. — Осознание просочилось в душу Элис, подобно яду. Чему тут, собственно, удивляться? Это было вполне в духе Рича. В конце концов, это ведь он запретил ей целоваться с Колом. Следовало ожидать, что он проведет подобную беседу и с другим участником этой истории.

В ночь перед отъездом Кол пришел к ней, желая знать, что она чувствует, требуя от нее того, чего она не могла дать. Кол хотел, чтобы она доверилась ему, не боялась быть с ним уязвимой... Он хотел знать, стоит ли за нее бороться.

— Да, я пытался защитить тебя. Именно так и должен поступать старший брат. Именно так должен поступать и твой любимый Кол, — раздраженно фыркнул Рич.

— Я в состоянии сама за себя решать. Мне не нужно, чтобы ты заботился обо мне. Я прекрасно справляюсь с тех пор, как ты бросил нас с мамой одних.

— Это нечестно, Элли. — Его голос дрогнул, и Элис поняла, что ей удалось пронять брата. — Он из неблагополучной семьи. Ты заслуживаешь гораздо большего.

— Ты прав, Рич. Я действительно заслуживаю большего. Я заслуживаю брата, который поддерживал бы меня, который был бы счастлив, если бы рядом со мной оказался кто-то столь же потрясающий, как Кол.

На том конце линии повисло молчание — брат явно закипал от гнева. Элис бросила взгляд на Кола. Он стоял у окна, отвернувшись от нее и заложив руки за спину.

— Я не хотел, чтобы он сделал тебе больно, Элли, — тяжело вздохнул брат.

— Он был твоим лучшим другом, Рич. Ты должен был порадоваться за нас. — Теперь, когда первый шок миновал, Элис и сама стала выходить из себя. В детстве Рич обожал верховодить, но сейчас это казалось просто смешным.

— Я должен был радоваться за вас? Он был моим другом, Элис. Моим!

Она почувствовала тяжесть в груди. В детские годы ее соперничество с братом создавало дома серьезные проблемы. Желание конкурировать было у Рича в крови, как у заправского спортсмена-олимпийца.

— Ты никогда не хотел делиться со мной своими игрушками, так ведь? — закатила глаза Элис. — Мне следовало догадаться.

— Мне всегда приходилось быть при тебе на вторых ролях, —

язвительно ответил он. — Ты вечно занималась своим балетом в гостинной, добиваясь всеобщего внимания. Ты всегда была хорошей маленькой девочкой, папочкиным ангелом!

Внутри у Элис все перевернулось. Похоже, Рич считал, что в детстве она забирала все внимание вечно занятых родителей — а потом забрала и его лучшего друга.

— Но тебе этого было мало, правда? О нет, ты не могла просто быть звездой дома, тебе нужно было заполучить и Кола!

— Так-так, похоже, правда выплыла наружу... Значит, ты бесился не потому, что считал Кола недостаточно хорошим для меня, не так ли? Ты предпочел потерять бы его совсем, лишь бы не делить со мной!

Брат молчал, и Элис осознала, что наконец-то нашла истинную причину его поведения.

— Ты потерял право осуждать, когда бросил меня, переложив на мои плечи все заботы о маме, — продолжила она. — Если честно, в данный момент я больше всего на свете хочу быть с Колом. Так что, боюсь, тебе придется с этим смириться.

Элис дала отбой, оборвав разговор. Подобно ей самой, Ричу не слишком-то удавалось выражать свои чувства, но это не давало ему права вмешиваться в ее жизнь. И теперь, зная правду, Элис ясно понимала: пять лет назад Кол добивался от нее разрешения остаться рядом. Просто не знал, как лучше сформулировать этот вопрос, а она, со своей эмоциональной незрелостью, не знала, как на него ответить.

— Что он тебе сказал? — спросила она.

— Ты все слышала, — не оборачиваясь, раздраженно выпалил Кол. — Он считает меня проблемным, никомушным... и недостаточно хорошим для тебя.

— Я имею в виду, после того, как мы переспали... в первый раз. — Язык тяжело ворочался во рту у Элис, нервы были натянуты до предела. Но она должна была знать, почему Кол тогда уехал.

— Он сказал, что, если я когда-либо снова прикоснусь к тебе хоть пальцем, он заставит меня поплатиться за это. Расскажет твоему папе, что я растоптал все, что они когда-то мне дали, всю их поддержку и заботу. Сказал, что если твои родители узнают, они больше не захотят иметь со мной ничего общего.

Элис сглотнула вставший в горле ком:

— Но ведь ты сам не захотел иметь с нами ничего общего, это ведь ты уехал!

— Я не мог жить под одной крышей с тобой и не чувствовать то, что чувствовал. — Кол повернулся к ней, сдвинув брови. — Мне было легче бежать от этого искушения, чем остаться и бороться с ним. Пусть уж лучше твои родители считали бы, что я уехал в погоне за призрачными мечтами, чем узнали бы, что я трахнул их дочь.

Кол произнес это так резко, что Элис вздрогнула:

— Мы никогда не трахались, Кол.

— Ты хочешь сказать, что нас связывало нечто большее? Ты весь вечер твердила мне, что это — только секс! Если это не называется «трахаться», тогда я не знаю...

— Не срывай на мне злость, Колби Хилл!

— Хиллам, — поправил он. — Фамилия Хилл официально умерла. И ты права, это не твоя вина, а моя. Мне не стоило обращаться к тебе за помощью.

— Тогда почему ты это сделал?

— Потому что так и не смог перестать думать о тебе. — Кол уже почти кричал, его глаза яростно сверкали. — Потому что я сбежал от тебя за океан, и этого все равно оказалось недостаточно!

Сердце Элис разрывалось от боли в его голосе... боли, которую ей самой никак не удавалось выразить внешне. Но Элис ощущала ее глубоко внутри, эта мука пропитывала ее до мозга костей. Она не чувствовала ничего подобного даже тогда, когда умер ее отец, или тогда, когда забирала мать из больницы после того, как букмекер сломал ей руку. Элис запихивала эмоции все глубже, пока обида, страх и боль внутри не стали твердыми, как бетон.

Но время, проведенное с Колом, всколыхнуло прошлое, пронзило этот бетон, заставив эмоции вырваться наружу. Элис вновь обрела способность чувствовать.

И теперь она бросилась на шею Колу, обхватив его руками и ногами, пылко прижимаясь к его рту. Она жаждала поглотить его, вытянуть из него всю страсть и любовь и сделать их своими собственными. Она не могла рассказать, что творится у нее в голове,

зато могла показать это ему с помощью своего тела.

— Ты не можешь продолжать целоваться со мной, чтобы избежать разговора. — Кол оторвался от губ Элис, но его руки крепко удерживали ее рядом.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась?

— Я хочу, чтобы ты делала и то, и другое, Элли. — Не размыкая объятий, он шагнул вперед, и ее ягодицы прижались к холодному стеклу окна. — И разговаривала, и целовалась.

— Но мне намного лучше удается целоваться. — И Элис тут же продемонстрировала это, потянув его нижнюю губу зубами и соблазнительно извиваясь с ним рядом.

— Мне нужно больше чем поцелуи.

Губы Кола скользнули вниз по изгибу ее шеи, посасывая нежную впадину горла. Кожа вспыхнула, будто Элис обьяло чувственное пламя. Кол сорвал с нее рубашку, даже не удосужившись расстегнуть пуговицы. Когда он обхватил ладонями и нежно сжал ее груди, Элис запрокинула голову, прижимаясь затылком к окну. Кол прильнул губами к одному из сосков, и от этой настойчивой ласки в самом низу живота Элис разлился жар, устремившийся к лону.

— Я не могу дать тебе и то и другое, Кол. — Она прерывисто задыхалась, когда его руки скользнули к ее шортам. — Просто я не такая.

Глава 11

Проведя еще одну ночь в постели с Элис Джонсон, Кол нисколько не приблизился к тому, чтобы сломать воздвигнутый ею барьер. Вместо того чтобы добиваться этого, он уступил неутолимому желанию, которое охватывало его всякий раз, когда она оказывалась рядом. Он обманывал ее — и самого себя.

Сидя на диване в гостиной, Кол склонил голову, и мускулы его шеи протестующе заныли. Сегодня он спал в неудобной позе, опасаясь тревожить прижимавшуюся к нему Элис. Он боялся отпустить ее от себя, ведь, похоже, сжимал ее в объятиях последний раз.

Проклятье! Хватив кулаком по дивану, Кол стиснул зубы. Он должен был двигаться дальше. Вернуться домой, с головой окунуться в работу — и поставить крест на личной жизни. Он не мог быть рядом с Элис, а пробовать с другой смысла не было — по крайней мере, в том, что касалось серьезных отношений.

В конце концов, многие мужчины выбирали холостяцкий образ жизни, и он вполне мог последовать их примеру. Но кого он обманывал? Он любил Элис, любил ее с тех пор, как себя помнит. В детстве между ними всегда существовала особая связь. Он присматривал за Элис, когда ее родители допоздна задерживались на работе, и наблюдал, как она отрабатывает танцевальные номера в гостиной дома Джонсонов. Но всегда был настороже, чтобы Рич не застал его врасплох.

Рич... Они были лучшими друзьями с детского сада, а теперь брат Элис совсем перестал ему доверять. В свое время Колу стоило откровенно рассказать Ричу о своих чувствах к Элис, искать его поддержки, а не спать с ней тайно. Теперь Кол потерял их обоих — людей, заменивших ему семью.

Черный костюм Кола висел на спинке стула у обеденного стола вместе со свежей черной рубашкой и черным галстуком. Кол изнемогал от зноя, но твердая приверженность традициям не позволяла явиться на похороны в чем-то кроме черного... даже если он и не оплакивал покойного.

— Доброе утро. — Из спальни показалась Элис, ее растрепанные

волосы стояли торчком, создавая вокруг головы подобие львиной гривы.

На ней красовалась одна из его футболок, которая мягко льнула к телу, скрывая всю восхитительную фигуру, кроме стройных ног балерины. У Кола перехватило дыхание. Он хотел признаться Элис в своих чувствах, но в этом не было ни малейшего смысла. Сжимая ее в объятиях прошлой ночью, Кол понимал, что этому скоро придет конец. Ему следовало быть жестким — ради ее же блага. Связывавшие их незримые узы требовалось разрубить, и у Кола было достаточно сил, чтобы сделать это.

— Мне пора домой, — сказала Элис, прислоняясь к дивану напротив.

Что ж, все предельно ясно — она упрощала ему задачу. Кол должен был чувствовать облегчение, но ее слова с невыносимой остротой пронзили ему сердце.

— Хорошо.

— Я ведь не могу пойти на похороны в этой футболке, ведь правда? — мягко улыбнулась Элис.

Он ушам своим не поверил.

— Что?

— Похороны твоего отца. — Нахмурившись, она склонила голову. — Мне казалось, они сегодня.

— Да, сегодня, но я не думал, что ты пойдешь.

— Я была бы не самым лучшим другом, если бы бросила тебя одного в такой момент, не так ли?

«Другом». С уст Кола чуть не слетел горький смешок. Ну конечно, Элис хотела утешить его по-дружески... не более того.

— Я не хочу, чтобы ты шла на похороны.

— Почему нет? — Она уперла руки в бедра.

— Он не заслужил твоего появления там, Элли. — Кол встал и подошел к стулу с висевшей на нем одеждой.

— Я иду туда не ради него. Я иду туда ради тебя.

Кол накинул рубашку и застегнул пуговицы. Потом натянул

брюки от костюма — и тут же почувствовал себя стесненно. Он ненавидел носить костюм с галстуком, это сковывало его, будто подчиняло чужому контролю. Но сегодня Кол независимо от костюма чувствовал себя неловко.

— Я сказала, что иду туда ради тебя, Кол, — повторила Элис. — Ты мне безразличен.

Кол замер и поднял взгляд на Элис, ища на ее лице какой-нибудь признак того, что она вот-вот откроется ему. Она, казалось, хотела что-то сказать, но потом передумала.

— Я безразличен тебе как кто? Как брат, друг?..

Она тяжело задышала, но так ничего и не ответила. А Кола в который раз посетило стойкое ощущение дежавю: он просил Элис откровенно сказать, что она к нему чувствует, но она лишь отмалчивалась.

— Как кто? Мне нужно знать.

— Ну почему ты так настаиваешь на этом, Кол? — Элис покачала головой, отворачиваясь от него. — Ты знаешь, мне не лучшим образом даются все эти объяснения.

— Потому что я имею право знать. — Кол сглотнул, и слова вдруг полились сами собой, будто что-то сломалось у него внутри, и все, что он когда-либо чувствовал, хлынуло с его уст неудержимым потоком. — Я люблю тебя, Элли, и не могу больше мучиться сомнениями, не зная, любишь ли ты меня или нет.

Элис повернулась к нему, ее лицо побледнело, и Кол впервые в жизни заметил, как ее прекрасные черты исказила мука. Он наконец-то увидел ее настоящую, но спустя мгновение ее лицо снова стало бесстрастным.

— Я люблю тебя как друга, Кол. Это все, что я могу дать, и я не хочу обещать тебе большего.

Он взял галстук и, накинув на шею, затянул его, будто петлю. Что ж, по крайней мере, теперь он знал, что может по-прежнему жить своей собственной жизнью и навсегда вычеркнуть из нее семью Джонсон.

— Тебе лучше уйти прямо сейчас.

— Кол...

— Я вызову тебе такси.

Кол наклонился, чтобы надеть темные носки и сунуть ноги в дорогие кожаные ботинки, которые почти никогда не носил. Какое-то время Элис еще молча стояла у дивана, словно протестуя. Но, как обычно, никаких слов не последовало. Элис еще не покинула его номер, а невыносимое ощущение, что он потерял ее, уже прожгло Колу грудь. Похоже, сегодня у него все-таки будет повод для скорби.

Он выпрямился, поправляя манжеты рубашки и краешком глаза наблюдая за Элис. Ему показалось, или у нее на глаза навернулись слезы? Нет, это было решительно невозможно. Элис Джонсон никогда не плакала.

Выйдя из такси, Элис уже всю кипела от злости. После того как первоначальный шок от признания Кола прошел, Элис буквально затрясло от ярости. Кол ведь прекрасно знал, как ее воспитывали — он был рядом большую часть ее детства! Неужели не понимал, как опасно выплескивать эмоции, выставлять их напоказ всему миру? Разве не по этой самой причине с ним так ужасно обращался собственный отец... потому что просто не умел сдерживать эмоции?

Поднимаясь по ступеням к двери, Элис ругалась сквозь зубы. И о чем он только думал, когда признавался ей в любви? Она распахнула дверь и раздраженно фыркнула.

— Элли?

Из глубины дома раздался голос ее матери, и нос приятно защекотал аппетитный запах выпечки. Аромат просто пригвоздил Элис к месту — он частенько наполнял дом много-много лет назад. Анзак — в детстве Элис лакомилась этими золотистыми овсяными печеньками в сахарном сиропе, которые пекла ее мать.

— Мама? Что происходит?

Заглянув на кухню, Элис обнаружила мать стоящей у раковины в бело-розовом полосатом фартуке. Ее волосы были стянуты в хвост, а глаза не наливались кровью, как обычно, а казались ясными и чистыми.

— Знаю, обычно мы ходим в кафе на наш еженедельный утренний чай, но мне вдруг захотелось самой что-нибудь испечь. — Голос матери звучал мягко, обнадеживающе.

— Здорово! Всегда любила это печенье. — Элис положила сумку на столешницу и уселась.

— Чаю? — Мать взяла чайник, и Элис кивнула.

— С чего это тебе захотелось готовить? — Что-то определенно изменилось. Вот уже много лет мать ничего не пекла. А не улыбалась и вовсе целую вечность.

Дарлин вдохнула:

— Я начала кое с кем встречаться.

У Элис засосало под ложечкой. Как мать могла начать с кем-то встречаться, если почти не выходила из дому? Неужели познакомилась с каким-то придурком в Интернете? И сценарии, один ужаснее другого, замелькали у Элис в голове.

— Не в том смысле, — пояснила Дарлин. — Я стала посещать психолога, который специализируется на работе с сотрудниками полиции... в моем случае с бывшими сотрудниками.

— Но мне казалось, ты ненавидишь говорить о том, что произошло с папой.

Мать не только избегала общения с назначенным после проведения внутреннего расследования психологом, но и отказывалась от любой помощи со стороны начальника полиции, коллег, родных и друзей. В конечном счете предложения о помощи иссякли, и ей удалось отвратить от себя даже своего сына. Элис продолжала поддерживать мать, но они никогда не обсуждали обстоятельства смерти отца.

— Это доставляет мне определенный дискомфорт, да, — кивнула Дарлин. — Но мне надоело чувствовать себя вот так. Каждый день — борьба, и, по-моему, после пяти непростых лет пришла пора вновь обрести твердую почву под ногами.

Надежда расцвела в груди Элис. Это была самая конструктивная идея из всего, о чем когда-либо говорила мать.

— Сколько сеансов у тебя уже было?

— Только четыре, но я хожу туда каждую неделю.

— Почему ты мне не говорила?

Таймер пискнул, и Дарлин вытащила из духовки поднос с

печеньем, поставив его на разделочную доску. Потом развязала фартук и повесила его на крючок рядом с плитой. Элис наблюдала за медленными, аккуратными движениями матери.

— Почему, мама?

Дарлин подошла к Элис и заключила ее в объятия. Худощавые руки матери обхватили ее с настойчивой жаждой того, кто истосковался по душевной теплоте. Потрясенная, Элис на миг замерла, а потом стиснула Дарлин в ответных объятиях. Когда же они в последний раз вот так обнимались?

— Я волновалась, что у меня ничего не получится, и не хотела снова тебя подвести. Это не первая моя попытка.

— Правда? — в изумлении отстранилась Элис.

— Я пробовала спустя примерно год после... — Мать осеклась. — И еще раз около года назад. Но бросала все после двух сеансов. Я волновалась, что и теперь будет точно так же.

— И?..

— Надеюсь, на сей раз все иначе. У меня еще случаются срывы, но сеансы приносят некоторое облегчение. — Дарлин погладила дочь по голове. — Я знаю, мы с твоим отцом не слишком явно демонстрировали свои чувства, пока вы с Ричем росли, но мы очень сильно любили вас обоих. Мы хотели, чтобы вы были сильными и независимыми... В сущности, мы думали, что, обращаясь с вами строго, даже жестко, мы вырастим вас именно такими.

Слезы обожгли глаза Элис, и, повинувшись инстинкту, она отчаянно заморгала, чтобы прогнать их.

— Мне очень жаль, что мы не были более открытыми с тобой и Ричем, — продолжила Дарлин. — Но никогда ведь не поздно начать, не так ли?

— Да, никогда не поздно. — Элис взглянула в серые глаза, как две капли воды похожие на ее собственные. — Я так рада, что тебе помогают!

— Я тоже, малышка. Иногда нам нужно, чтобы кто-то помог нам измениться к лучшему. Мне потребовалось немало времени, чтобы осознать это.

Элис тут же вспомнила Кола и его упрямое желание изводить ее

вопросами. Кол всегда так поступал, всегда бросал ей вызов, подкалывал ее, боролся за нее. Элис помрачнела.

— Что-то не так? Я расстроила тебя? — забеспокоилась Дарлин.

— Нет, ничего, пустяки. — Элис натянула на лицо улыбку и только тогда осознала всю иронию ситуации. Сейчас, после всех этих лет, мать сделала над собой невероятное усилие и открыла ей душу. А она, Элис, продолжала вести себя как всегда. — Если честно, кое-что все-таки произошло.

Дарлин разомкнула объятия, положила несколько печений на тарелку и вместе с заварочным чайником отнесла на кухонный стол, где в вазе красовались свежие ирисы. Мать, должно быть, и принесла эти цветы. Элис достала из шкафа две чашки.

— Расскажи мне.

— Кол сейчас в Австралии.

Дарлин кивнула:

— Я знаю.

Элис удивленно вскинула брови:

— Откуда?

— Вчера вечером мне звонил твой брат.

Ага, понятно. Элис разлила чай, ожидая, пока мать продолжит.

— Я устроила ему хороший разнос! Он не имел ни малейшего права вмешиваться в твои отношения с Колом. Ведь этот парень всегда был от тебя без ума.

— Что, правда?

— Когда мы приютили его у себя, Рич говорил мне о том, как волнуется, что Кол все время трется возле тебя. Но я доверяла Колу. Его отец, может быть, и был пьянчугой, но хорошего человека я вижу с первого взгляда. В противном случае не смогла бы так долго проработать в полиции, — улыбнулась Дарлин. — Кол всегда заботился о тебе, всегда защищал тебя, когда вы с братом ссорились.

— Точно, а ведь так и было! — Элис вспомнила, как Кол вставал между ней и Ричем всякий раз, когда они яростно ссорились. Кол всегда был ее защитником.

— И он всегда возил тебя на занятия балетом. Он уверял, что просто хочет помочь, но я-то знала, что причина была посерьезнее. — Мать сделала глоток чая. — Почему он здесь?

— Сегодня похороны Артура.

— И ты не идешь? — Прежняя Дарлин, со сдвинутыми бровями и поджатыми губами, на миг вернулась.

— Я хотела пойти, но Кол сказал, что Артур не заслужил моего появления там. — Элис сглотнула вставший в горле ком. — И, по моему, я огорчила его.

— Чем?

— Он сказал, что любит меня. — Элис разломала печенье, чувствуя, как неестественно, срываясь на визг, звучит ее собственный голос. Наверное, именно так и бывает, когда открываешь кому-то душу.

— И?..

— И я ответила, что не могу дать ему то, чего он хочет.

— Ты любишь его?

Вопрос матери лишил Элис дара речи. Самозащита всегда была ее излюбленным способом действия, но сейчас ноющая боль в груди стала невыносимой. Элис таким непостижимым усилием воли сдерживала чувства, что едва могла выносить это напряжение.

— Любовь — не такая сложная и неудобная штука, как представляют себе люди, — еле заметно улыбнулась Дарлин.

Элис судорожно выдохнула и провела пальцем по цветочному узору на чашке:

— Она пугает.

— Если пугает, значит, он тебе небезразличен.

— Так и есть, — еле слышно, одними губами произнесла Элис. Неужели все это время она любила Кола и не позволяла себе почувствовать это? Когда неделю назад он впервые пришел к ней в студию, Элис хотелось закричать от ярости, прогнать его. Но еще в ее душе всколыхнулось какое-то необычное чувство, слабая смесь надежды и облегчения...

Кол притягивал ее к себе снова и снова, демонстрируя ей, что она может быть сердечной и откровенной, что она может помогать другим, что она может говорить о прошлом. Никто другой ни за что не стал бы ей так близок — и никто другой ни за что не стал бы продолжать попытки достучаться до нее после вечных отказов.

— Только ты одна можешь понять, любишь ты его или нет, Элли. — Дарлин крепко сжала ее руку. — Я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты достойна этого — ты заслужила это всем тем, что сделала для нашей семьи.

— Я люблю тебя, мама. — Голос Элис дрогнул. Она и вспомнить не могла, когда в последний раз говорила кому-то о любви — даже своей матери.

— Я тоже тебя люблю.

После ухода Дарлин Элис долго сидела за кухонным столом, не в силах пошевелиться. Она не знала, сколько прошло времени, но когда поднялась, солнце уже начинало садиться.

И тут вся чудовищность ситуации дошла до ее сознания. Кол уезжал навсегда. Он улетал завтра, и она причинила ему столько боли, что он вряд ли когда-нибудь приедет снова... Черт, если бы не смерть его отца, Кол наверняка вообще никогда не вернулся бы на родину!

Элис стало дурно. Она никогда больше не увидит его голубые глаза, никогда не забудется от его поцелуя, под искусными ласками его рук... Но так было лучше для них обоих.

Она любит его. Она не могла определить, когда именно полюбила Кола, но это необычное будоражащее ощущение, охватывавшее ее изнутри всякий раз, когда он оказывался рядом, наконец-то обрело название. Она любит его — и позволила ему уйти, потому что сама мысль о том, как однажды утром он проснется и осознает, насколько она эмоционально несостоятельна, казалась ей невыносимой.

Это могло произойти после какой-нибудь ссоры, когда Колу вздумалось бы обсудить произошедшее. Это могло произойти после какой-нибудь потери, когда от нее ждали бы проявления печали и ранимости. А что, если однажды у них появится ребенок, и она не сможет проявлять любовь, необходимую для того, чтобы растить юную душу?

Эта эмоциональная несостоятельность была непреодолимой, а Кол заслуживал лучшего — находиться рядом с той, кто сможет любить его со всей необузданной страстью и неистовством нормального человека.

Глаза вдруг защипало, и Элис потерла их кулаками, удивившись, что чувствует влагу. По щеке скатилась одна большая слеза, за ней, оставляя на коже влажную дорожку, последовала другая.

Помчавшись в ванную, Элис потрясенно застыла перед зеркалом, увидев свое лицо с покрасневшими глазами и мокрыми от слез щеками. Даже на похоронах отца она не пролила ни слезинки, но сейчас запас слез, копившийся всю жизнь, хлынул наружу неудержимым потоком.

Ее грудь сотрясалась с каждым рыданием, а горе сжимало, давило и ныло где-то внутри. А потом Элис вдруг разразилась смехом. В это невозможно было поверить — она на самом деле плакала! Она пыталась добиться этого много лет, но, сколько бы ни смотрела «Дневник памяти», «На пляже» или «Стальные магнолии», слезы даже не наворачивались ей на глаза.

Но одной только мысли о расставании с Колом хватило, чтобы наконец-то довести ее до предела.

За прошедшую неделю он заставил ее раскрыться больше чем кто-либо другой — чем мужчины, бросавшие ее с формулировкой «слишком много заморочек», чем ее родители.

Он наверняка помог бы ей испытать всю богатую гамму эмоций. Неужели она действительно могла отказаться от такого шанса?

И Элис осознала: у нее есть время до завтрашнего утра, чтобы убедить Кола, что она ошибалась. Нет, не так — у нее была вся ночь, чтобы показать ему это.

Глава 12

После похорон Кол стоял в лучах заходящего солнца. Он изнемогал от жары в своем костюме, но отказывался хотя бы ослабить галстук. На церемонии присутствовали лишь подруга отца и кучка потрепанных мужчин на шестом десятке. В общей сложности менее десяти человек пришли проводить в последний путь Артура Хилла. Но лучше так, чем вообще никого.

И без того скудная группа скорбящих постепенно иссякла, пока не остались только Кол и человек, который провел простую, нерелигиозную церемонию. Они молча стояли рядом, погруженные в свои мысли.

— Простите?

Обернувшись на окликнувший его голос, Кол увидел журналистку с конференции и оператора. Что, черт возьми, они здесь делали?

— Я — Марина Шепард, могу ли я задать вам несколько вопросов? — напористо затараторила она, явно собираясь без разрешения обрушить на него град вопросов.

— Я не даю интервью, — отрезал Кол. — Особенно на похоронах.

Проигнорировав его слова, журналистка сунула ему в лицо микрофон:

— Это правда, что вы — сын Артура Хилла?

— Без комментариев.

— Несколько лет назад Артур был обвинен в мошенничестве со страховкой. Как по-вашему, эта информация затрагивает интересы ваших акционеров?

— Я уже сказал, никаких комментариев, — угрожающе прорычал Кол.

Он старательно отводил взгляд, опасаясь, что выйдет из себя, если встретится с ней глазами.

— Незачем принимать все в штыки. — Судя по тону

журналистки, именно эта часть работы доставляла ей наибольшее удовольствие. — Люди имеют право знать правду.

— О том, прихожусь ли я родственником никому не известному умершему? И зачем же людям это знать?

— По-моему, вам лучше уйти. — Человек, проводивший церемонию, встал между ними. — Это в высшей степени неуместно.

— Не сомневаюсь, акционеры «Хиллам технолоджиз» хотели бы понять, на какие средства была создана компания. Артур Хилл обвинялся во многих преступлениях — уверена, вам это известно, — в том числе в мошенничестве со страховкой. Вам не кажется, что акционеры вправе знать об этом?

Кол повернулся и решительно зашагал к своей машине. Но неумная журналистка не отставала.

— Мистер Хиллам! — Она неслась за ним по пятам. — Разве вы не для того сменили фамилию, чтобы никто не смог проследить родственную связь?

Кол остановился, вздохнул и обернулся:

— Я действительно сын Артура Хилла, но я прошел процедуру эмансипации несовершеннолетних и избавился от его опеки в ту самую секунду, как только смог. Таким образом, я не был связан с ним юридически ни во время мошенничества, ни в то время, когда создавал свою компанию. Ни одно из касавшихся его расследований не было связано со мной или моим бизнесом. Я не поддерживаю противозаконную деятельность. А теперь я прошу вас оставить меня в покое. Никаких дальнейших комментариев не последует.

Спеси у журналистки поубавилось — она явно рассчитывала на более эмоциональную реакцию.

Кол сел в машину и спешно покинул кладбище. Он несся через весь город как одержимый, и с каждой минутой его желание сбежать отсюда усиливалось. Сбежать из Австралии, от неразберихи с Элис, от собственных мыслей. Бросив машину на стоянке отеля, Кол понесся в свой номер, чтобы принять душ, переодеться и собрать вещи.

Размеренный процесс сбора чемодана немного успокоил бурлящее через край волнение, но потребность бежать куда глаза глядят по-прежнему снедала Кола. Подумать только, он еще

продолжал добиваться чего-то от Элис, хотя она ясно дала понять, что не чувствует к нему ничего серьезного! Ну почему он не мог просто признать, что она его не любила?

Кол горестно вздохнул. Ничего, скоро он будет дома и сможет выкинуть всю эту историю из головы. Энергично примется за работу, подкрепив успех речи на конференции поиском новых инвесторов и очередным технологическим прорывом. Как всегда, работа станет его спасением. Он будет засиживаться в офисе допоздна, работая до седьмого пота, чтобы потом без сил валиться в кровать. Уик-энды всегда проходили для Кола тяжело, но он был богат, так что проблем с поиском компании для выхода в свет не возникнет...

Кол гнал от себя мысли о том, какое жалкое существование, без привязанностей и эмоций, он ведет. Но он больше не позволит собой пренебрегать. Слишком многие ясно дали понять, что его нельзя любить...

В дверь номера постучали, прервав порочный круг его мыслей. Довольно, он уберется отсюда, и поминай как звали. Кол прокатил чемодан через номер и открыл дверь.

— Не нужно ли подготовить номер ко сну, сэр? — с улыбкой поинтересовалась девушка в униформе отеля.

— Я сейчас уезжаю. — Изобразив на лице улыбку, Кол направился к лифту.

За стойкой регистрации быстро оформили его досрочный выезд и предложили позвонить в аэропорт, чтобы поменять билет на более ранний рейс в Лос-Анджелес.

— Почему бы вам не выпить чего-нибудь в баре, а я чуть позже сообщу вам информацию о рейсе? — Элегантная женщина за стойкой показала на уютный бар, примыкавший к огромной зоне ресепшн. — А еще мы можем заказать вам машину.

— Благодарю вас. Я брал автомобиль напрокат, его все равно нужно вернуть в аэропорт. Я поведу сам.

Кол хотел сосредоточиться на дороге: ему совершенно не улыбалось оказаться наедине со своими мыслями в те сорок пять минут, что потребуются на путь от Саутбэнка до аэропорта Тулламарин. Оставив чемодан персоналу отеля, он уныло поплелся в бар. Это был миниатюрный вариант роскошных гостиничных баров,

неожиданно тихий и со вкусом оформленный в приглушенных тонах.

Кол заказал джин-тоник и сел в самой глубине бара, подальше от девушек в излишне ярких платьях и с чрезмерным макияжем, буквально пожиравших его глазами. Нет, он даже не подумает ни об одной другой девушке, пока не окажется подальше от Элис Джонсон!

— Ваш джин-тоник, сэр. — Официант поставил перед ним тяжелый стакан, и Кол тут же поднес его к губам.

«Всего один стакан», — сказал себе Кол. Никогда еще он не чувствовал себя таким опустошенным и разочарованным. Холодная жидкость скользнула в горло, даря долгожданное расслабление. С шумом выдохнув, он вытащил из кармана пиджака конверт.

Кол нашел старую фотографию своей матери в доме отца, когда разбирал чулан. В детстве у Кола практически не было возможности узнать, как выглядела его мать. Однажды он задал слишком много вопросов, и отец в пьяном угаре сжег ее фотографии. Мать оставалась для Кола загадкой, но здесь, на этом снимке, она стояла с длинными темными волосами и светло-голубыми глазами, точно такими же, как у него самого. Она улыбалась. Она выглядела... счастливой.

Кол провел по фотографии кончиком пальца — образ матери странным образом успокаивал его. Она выглядела именно так, как он себе и представлял: сердечной и любящей, с улыбкой на губах. Если бы только мама не умерла, производя его на свет, его жизнь наверняка была бы совсем иной...

Кол вдруг задумался, каково это — быть любимым ребенком. Печально, но он даже представить себе этого не мог. Кол сжал пальцы в кулаки сделал глубокий вдох, чтобы успокоить колотившееся сердце. Всю свою жизнь он избегал ситуаций, в которых его могли отвергнуть, потому что именно так он и рос. Это не касалось лишь Элис — что-то в самой глубине его души просыпалось всякий раз, когда речь шла о ней.

Кол сглотнул вставший в горле ком. Поступки родителей оставили шрамы в душах у них обоих. Он готов был сделать все что угодно, лишь бы наладить жизнь Элис, но прекрасно понимал, что этого было бы недостаточно.

И все же она помогла ему подняться на сцену и перебороть себя. Без нее он никогда бы не справился. Элис питала к нему какие-то чувства, это было очевидно... но могла ли она дать Колу то, чего он

так хотел? Считать его не другом, даже не любовником, а тем, кому будет абсолютно предана, с кем разделит свою жизнь? Он был сыт по горло всеми этими договоренностями из серии «только секс», он хотел большего и не собирался мириться с меньшим.

Но мог ли он еще раз подвергнуть себя такому испытанию? Мог ли снова столкнуться с ее отказом?

Предаваясь грустным раздумьям, Кол заметил, как в бар вошла сотрудница отеля, которая помогла ему за стойкой ресепшн. Что ж, пора уезжать. Возможно, это только к лучшему.

Кол уже собирался подняться со стула и окликнуть женщину, но тут его внимание вдруг привлекло чье-то стремительное движение. Блондинка с размазанной по всему лицу косметикой пронеслась через холл.

«Элли?»

Элис пробежала через подземную стоянку развлекательного комплекса, в котором располагался отель Кола. Ее кроссовки шлепали по бетонному полу, и на Элис то и дело обращали внимание... но отнюдь не в приятном смысле этого слова. Начав плакать, она, похоже, никак не могла остановиться. А поскольку водостойкой тушью она не пользовалась — раньше такой необходимости просто не было, — то теперь вокруг глаз расплылись темные пятна, как у панды.

Элис никогда не уделяла внешности слишком много внимания. Пока ее тело было в отличной форме для занятия танцами, ее не волновали такие пустяки, как косметичка в дамской сумочке. Но сейчас Элис чувствовала себя неловко. Не из-за размазавшегося макияжа, не из-за того, что напоминала сумасшедшую, а потому, что все чувства красноречиво отражались на ее лице.

И в то же время это ее радовало. Когда она покажет Колу, как сильно изменилась, эта странная пугающая энергия, бурлящая у нее внутри, компенсирует всю неловкость.

В ожидании лифта, который должен был увезти ее с парковки, Элис постукивала ногой, сгорая от нетерпения. С каждым пролетающим мигмом риск того, что она упустит Кола, увеличивался. Эта мысль приводила Элис в такое отчаяние, что она, казалось, вот-

вот потеряет остатки самообладания.

Двери лифта с легким звоном открылись, и Элис оказалась в холле отеля. Вокруг сновали люди, по мраморному полу катились чемоданы, звякали каблуки. Воздух был наполнен смехом, ароматом духов и приятным волнением летнего вечера.

Элис подумала было попросить сотрудников ресепшн позвонить и предупредить о ее визите, но потом решила сделать Колу сюрприз. Так у него будет меньше времени обдумывать то, как она с ним обошлась. Если бы только ей удалось убедить кого-то пустить ее на нужный этаж...

Она подбежала к лифтам отеля и огляделась. В дальнем конце стояла какая-то леди в униформе отеля.

— Простите, — выпалила Элис, бросившись к ней, — я оставила свой ключ в номере. Мне нужно подняться...

— Вам придется подойти к консьерж-службе, мисс. Даже если я подниму вас на нужный этаж, вы все равно не сможете войти в свой номер без ключа. Вам надо...

— Мой муж в номере. Мне лишь нужно подняться на свой этаж.

— Вам стоит обратиться к консьерж-службе. — Женщина, явно постарше ее, смерила Элис взглядом. — Они выдадут вам запасной ключ.

— Пожалуйста! — взмолилась Элис, заламывая руки. — Я не хочу, чтобы меня видели в таком виде!

Из-за многолетней привычки скрывать эмоции ее голос звучал твердо, но женщина явно смягчилась:

— Хорошо, только в виде исключения. В следующий раз обратитесь к консьерж-службе, ладно?

— Ладно, — кивнула Элис. — Большое вам спасибо!

Двери открылись, и они вошли в лифт. Женщина провела картой доступа по считывающему устройству, и Элис нажала кнопку верхнего этажа. А потом, затаив дыхание, стала напряженно пережидать, когда лифт поднимется наверх.

На этаже пентхаусов было тихо, и это чуть не заставило Элис развернуться и удрать. Тишина располагала к раздумьям, а в

создавшейся ситуации это было весьма некстати. Элис бросилась к двери Кола и постучала. Молчание.

— Кол, это я! Прости, — снова постучала она.

Тут дверь распахнулась, и Элис нос к носу столкнулась с настороженной служащей отеля.

— Это ваш номер? — недоуменно спросила та.

— Нет, я... ну... — Элис бросила взгляд в глубь номера и увидела на полу стопку простыней и полотенце. — Я ищу мужчину, который останавливался в этом номере.

— Он уехал, — будто извиняясь, улыбнулась горничная.

— Когда?

Женщина пожала плечами и посмотрела на часы:

— Минут двадцать назад... может быть, полчаса.

Значит, в данный момент Кол уже на полпути к аэропорту. И как теперь она сможет перехватить его? Элис повернулась, окинув взором длинный коридор с его шикарной отделкой и мягким освещением.

В животе у нее что-то болезненно сжалось. Она напортачила с Колом по всем статьям, и нет ни малейшей надежды на то, что он примет ее извинения. Да и с чего он должен ее прощать? Раскаяние нахлынуло на Элис, заставив ноги обмякнуть, и каждый шаг стал даваться ей с трудом. Она медленно побрела обратно к лифту.

И что ей теперь делать? Элис нажала кнопку вызова и прислонилась спиной к стене между двумя лифтами. Как же она сможет вернуться к прежней жизни? Сейчас, когда наконец-то начала понимать, каково это — чувствовать нечто глубокое, пугающее и подлинное к другому человеку? Она никогда не сможет снова ощутить нечто подобное. Кол был единственным, кто заставлял ее открыться с этой стороны. Лифт звякнул, раздвижные двери открылись, и она обернулась.

— Вниз? — Звучный мужской голос заставил ее очнуться от тяжелых мыслей.

Элис подняла затуманенные слезами глаза — и обомлела.

— Я думала, ты уехал.

— Так и есть. — Кол посторонился, впуская ее в лифт.

Двери, заскользив, закрылись за ее спиной.

— Тогда почему ты здесь?

— Я увидел тебя в холле — по крайней мере, мне показалось, что это была ты. Я заметил блондинку с размазанным по лицу макияжем, которая неслась так, будто за ней гнался сам дьявол. Почему-то я понял, что под всем этим безобразием скрываешься ты.

— Ты узнал меня? — Голос Элис дрогнул, и надежда, которую она так старательно подавляла, всколыхнулась в ее душе.

— О чем ты хотела поговорить?

Элис прижала ладонь к кнопке аварийной остановки, и кабина, затормозив, замерла.

— Я тут кое о чем поразмыслила и хотела поделиться этим с тобой.

— Будем надеяться, что эта кнопка не переполошит весь отель. — Его голос звучал отчужденно, но голубые глаза горели любопытством.

— Есть кое-какие обстоятельства смерти папы, о которых я тебе никогда не рассказывала. Мне кажется, ты имеешь право знать. Я не собираюсь больше ничего от тебя скрывать. Надеюсь, мои слова докажут тебе это.

— Я думал, твой отец погиб по какой-то нелепой случайности, разве не так?

Элис потеревила в пальцах кончики убранных в хвост волос, усилием воли подавляя желание снова замкнуться в себе.

— Они с мамой вместе проводили рейд. Это была операция по изъятию наркотических средств, довольно крупная, насколько я помню. Они уже некоторое время выслеживали эту преступную группу, и мама наткнулась на сведения о том, где они прятали часть запрещенных препаратов. Мама отвечала за операцию, а папа действовал под ее руководством. Они думали, что зачистили территорию, и мама приказала папе с другим полицейским прочесать двор за домом. Но они кого-то упустили. На заднем дворе прятался человек с оружием. Он убил папу и ранил его напарника. Мама всегда винила в этом себя. По итогам внутреннего расследования

маму оправдали, но она так и не смогла вернуться на работу.

— Почему ты ничего мне об этом не рассказывала? Я думал, это произошло из-за какой-то неисправности оружия — так сказал мне Рич.

— Мы всем так говорили. Мама не выдержала бы правды, а в полиции не хотели, чтобы детали случившегося просочились в СМИ. Они умалчивали это, потому что мама с папой были уважаемыми сотрудниками полиции. Нам не разрешали говорить об этом, задавать вопросы. Мама отказалась посещать психолога, и ей становилось все хуже и хуже. В конечном счете Рич уехал, потому что больше не мог это выносить. У нее развилась болезненная тяга к азартным играм... поэтому-то балетная студия и оказалась в таком плачевном положении. Мама проиграла все наши сбережения, все, что удалось накопить мне, и почти всю страховку за папу.

— Почему ты не рассказала все мне? После всего того, что сделала для меня твоя мать... ну почему ты мне не рассказала?

— Она не хотела, чтобы мы кого-либо посвящали в это. После того как я бросила балет, Рич уехал в Англию. Мне пришлось собраться с духом и как-то крутиться, зарабатывать. Поначалу студия была отличным выходом из ситуации, но я была молодой и глупой. Я решила взять кредит под залог студии и положить часть денег на счета, как говорится, на всякий пожарный... Я и понятия не имела, что мама все пустит по ветру.

— Боже праведный, Элли! А я в это время находился в другой стороне света и был совершенно не в курсе того, что происходит, — задумчиво произнес Кол. — У меня больше денег, чем я в состоянии потратить. Я должен как можно быстрее тебе помочь!

— По-моему, ты уже заплатил за мои услуги. — Она на мгновение зажмурилась. — Ты ведь сказал, что это была не подачка.

— Это действительно была не подачка. — Он помедлил. — Я знал, что твое присутствие успокоит меня настолько, что я смогу выступить с речью.

— Я и представить себе не могла, что мое присутствие может успокаивать! С момента приезда в Австралию ты был каким угодно, только не спокойным.

— Это все потому, что я гоняюсь за несбыточным.

Элис положила руку ему на запястье, но ничего не сказала. Ее сердце колотилось так, словно боролось с самой смертью, кровь гудела, а живот сжимало спазмом. Казалось, будто каждая ее клеточка сопротивляется желанию быть откровенной с Колом, смотреть правде в глаза.

— Почему тебе так трудно обратиться ко мне за помощью? — спросил он.

— Мне не слишком хорошо удастся просить у кого-либо помощи, Кол, — вздохнула Элис. — Дело не в тебе, не принимай это на свой счет.

— А я как раз хочу принять это на свой счет. — Он сбросил ее руку и потер затылок.

— Зачем тебе это?

— Я хочу, чтобы ты не примешивала меня к остальным и относилась ко мне иначе, выделяла меня из всех. Я хочу, чтобы ты хотя бы рассказывала мне, что у тебя происходит.

— Это не так просто.

— Ну да, конечно! Берешь телефон и звонишь мне — куда уж проще? — Он коснулся ее лица, проведя большим пальцем по щеке. Губы Элис задрожали, и у нее перехватило дыхание.

— Я люблю тебя, — выпалила она и тут же зажала рот ладонью.

— Да, мы с этим уже разобрались. — Кол отдернул руку от ее лица. — Ты любишь меня по-дружески.

— Это правда, — кивнула Элис. — Но я люблю тебя и по-другому.

Глаза Кола вспыхнули, но он старательно держал дистанцию. Его лицо исказилось мукой, и в груди у Элис все сжалось при мысли о том, что это она заставила его так страдать.

— Выкладывай. — Кол произнес это еле слышно, но Элис тут же расправила плечи и взглянула ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя по-всякому. Как лучшего друга, как любовника, как опору всей своей жизни. — Она изо всех сил сопротивлялась желанию зажмуриться и закрыть лицо руками. — Я люблю тебя так, как никогда и никого не любила.

— Тогда почему ты отрицала это?

Элис прикусила губу, пытаясь понять, почему же с такой настойчивостью скрывала свои чувства.

Кол вздохнул:

— Мне нужно было ехать, чтобы успеть на самолет.

— Почему же ты разыскал меня?

— Потому что я идиот. У меня просто не получается держаться от тебя подальше, — с горечью бросил он. — Никак не могу усвоить этот урок.

Элис перевела дух:

— Ты знаешь, в какой обстановке я росла. Мама с папой не слишком-то демонстрировали свои чувства.

— Знаю. Но это нисколько не меняет того, что мне нужно.

— Это и не должно менять. Но я пытаюсь объяснить тебе, почему отрицала свои чувства... я просто не знала, как справиться с чем-то настолько безумным, нелогичным. Мне казалось, что нельзя быть уязвимой, мама всегда растила меня твердой, как скала.

— Ты и есть скала, Элли. — Он немного смягчился. — Но я не хочу быть рядом со скалой. Я хочу быть с девушкой, которая уступила своим чувствам и забылась со мной в гостиничном номере. Я хочу знать, что, если мы поссоримся, ты сможешь обсудить со мной все разногласия. Что если твой день сложится плохо, ты не будешь от меня это скрывать. Я хочу знать, что ты не перестанешь впускать меня в свою жизнь.

— Я не перестану. — Она сжала его руку.

— Я не хочу однажды поймать себя на том, что понятия не имею, о чем ты думаешь.

— Обещаю, я буду работать над этим каждый день. — Из глаз Элис снова хлынули слезы, но она счастливо улыбнулась Колу. — Только посмотри, что ты со мной сделал — заставил меня плакать!

— Ты — единственная известная мне женщина, которую так приятно будоражит то, что мужчина заставил ее плакать, — улыбнулся он, переплетая ее пальцы со своими.

— Я и правда взбудоражена до предела. Я думала, что поступаю правильно, позволяя тебе вернуться в Штаты. Я боялась, что не смогу соответствовать твоим ожиданиям, не смогу дать то, что тебе нужно.

— А что нужно тебе, Элли? Дело ведь не только во мне.

— Мне нужен хороший толчок в спину. Знаю, я не идеальна, но я попробую измениться. И мне нужно, чтобы ты не переставал побуждать меня к этому.

Мысли Элис вдруг переключились на нечто более порочное, и ее щеки залились краской.

— Что-нибудь еще? — вскинул бровь Кол, уловив перемену в ее настроении.

— Может быть, многократные оргазмы?

Уголки губ Кола вздернулись в улыбке, и он потер ладонью поросший щетиной подбородок.

— А мне-то казалось, они туманят твой разум.

— Я и хочу, чтобы что-то туманило мой разум, трогало меня. — Элис часто заморгала, прогоняя слезы. — Я хочу быть ранимой и страстной, хочу испытать все то, чего до сих пор так боялась.

Кол привлек Элис в свои объятия, приподнимая ее и прижимая спиной к стене лифта. Он впился в ее губы с обжигающей силой, забирая страсть, которую заслужил, страсть, которую Элис жаждала отдавать ему всю оставшуюся жизнь.

— Ты пропустишь свой самолет. — Она прижалась лицом к его шее.

Кол пожал плечами:

— Будет другой.

— Как же мы сможем все наладить, как будем жить? Я не смогу оставить маму одну.

Он прильнул губами к ее виску:

— Я люблю тебя, Элли. Вот так и будем жить.

Она обвила руками шею Кола, заставляя его наклониться ниже.

— Я тоже тебя люблю.

— Ну а кроме того, я могу позволить себе свой собственный самолет, — засмеялся он. — И если потребуется, переведу свою компанию сюда.

— Ты можешь сделать это? — Элис окутало теплом, ее тело обмякло, словно она вот-вот растает в его объятиях. Впервые в жизни она чувствовала себя выставленной напоказ и в то же время защищенной. Да, она сделает все возможное, чтобы Кол чувствовал себя любимым, и позволит ему постепенно, шаг за шагом, справиться с ее замкнутостью.

— Теперь я готов сделать все что угодно. — Он обвил рукой ее талию, еще ближе привлекая Элис к себе. — Ну а пока давай найдем местечко, где можно разобраться с этими пресловутыми оргазмами!

Эпилог

Для того, кто провел всю неделю, переводя свой офис с одного континента на другой, Кол был на удивление энергичен. Он в рекордные сроки нашел новое место для главного офиса своей компании в центральном деловом районе Мельбурна, организовал дополнительный офис в Нью-Йорке, заботясь о том, чтобы его сотрудники не потеряли работу, и перевез личные вещи из своих апартаментов домой к Элис. Они, разумеется, собирались подыскать новое жилье, но сначала нужно было уладить другие, более важные вопросы.

Кол похлопал по карману брюк, который оттопыривала бархатная коробочка. Ладони были влажными от пота, но за всю свою жизнь Кол никогда и ни в чем не был так уверен. Сегодня вечером он собирался сделать предложение Элис Джонсон и ни на мгновение не сомневался в ее ответе. Кол сдержал улыбку.

— Скорее бы Жасмин с Грантом пришли, чтобы мы могли сделать заказ. — Элис повертела в пальцах столовые приборы. — Я пропустила ланч и теперь умираю от голода.

— Она недавно прислала мне эсэмэску. Похоже, репетиция затянулась, — ответила Мисси. Она сидела напротив Кола и Элис, и ее рыжие волосы блестели в уютном свете ресторана.

И тут, как по заказу, они увидели мчавшуюся на всех парах Жасмин, с покрасневшими щеками и убранными в гладкий пучок балерины волосами. Ее жених, Грант Фарли, следовал за ней по пятам.

— Простите за опоздание, — бросила на ходу Жасмин. — Постановщик нас просто уморил!

— Всего неделя до премьеры, — пояснил Грант, помогая Жасмин снять пальто.

Пара уселась, и три девушки тут же стали обсуждать предстоящий в балетной студии концерт. Кол наблюдал за Элис, очарованный тем, как искрились ее глаза, когда она говорила о своей студии, которая благодаря новому финансовому плану опять начинала процветать.

— Вечно они говорят о работе, эти девочки, — захихикал Грант. — Такие трудоголики!

К их столику подошла официантка. Поставив перед ними бутылку шампанского, она приняла у всех заказы. Кол взял шампанское из ведерка со льдом и с громким хлопком выдернул пробку. Девушки тут же подставили бокалы под пенящуюся струю.

— Побольше, пожалуйста! — лучезарно улыбнулась Элис.

— И мне, а ну-ка, не скупись! — подхватила Мисси.

Как только бокалы были наполнены, Кол сделал глубокий вдох и поднялся:

— Я хотел бы предложить тост.

Элис с любопытством взглянула на него. Тосты не были его коньком — в сущности, это был первый тост в жизни Кола. Но с тех пор, как три месяца назад он вышел на сцену технологической конференции, многое изменилось. Выступления все еще заставляли его нервничать, но если ему и было легко говорить о чем-то на публике, так это о своей любви к Элис.

Сидевшие за столиком смолкли в ожидании тоста, приподняв бокалы.

— Мы с Элис устроили этот ужин, чтобы отпраздновать переезд моей компании в Мельбурн и поблагодарить вас за то, что поддерживали балетную студию на плаву, пока Элис помогала мне в Нью-Йорке. — Кол перевел дух. — Но у меня есть еще один повод собрать вас здесь сегодня вечером.

За столиком стало тихо-тихо, казалось, даже окружающий шум ресторана стих. Сейчас Кол мог слышать лишь дыхание Элис, которая смотрела на него округлившимися от изумления глазами.

— Еще совсем недавно даже сама мысль о том, чтобы стоять посреди ресторана и произносить тост, заставила бы меня обратиться в бегство. И все же, если бы не этот страх, я, возможно, никогда бы не отчаялся настолько, чтобы обратиться к Элис за помощью.

— Ну спасибо, Кол, — закатила она глаза. За столиком захихикали, и Кол подмигнул Элис.

— За эти годы Элис много раз помогала мне, — уже серьезно продолжил Кол. — И мне хотелось бы думать, что в последнее время

я тоже ей помог.

Элис энергично закивала:

— Очень помог!

Кол извлек из кармана бархатную коробочку и опустил ее на одно колено. У Элис перехватило дыхание, она растерянно перевела взгляд с Кола на коробочку и обратно. Внутри, уютно устроившись на шикарном атласе, лежало кольцо с крупным бриллиантом и маленькими изумрудами по бокам. Только-только увидев это кольцо, Кол решил, что оно будто создано для Элис. Красивое и необычное.

— Элис, я хочу, чтобы мы продолжали помогать друг другу. Я хочу, чтобы мы помогали друг другу становиться все лучше.

В ее глазах заблестели слезы. Элис все еще сидела недвижимо, как статуя, но ее лицо светилось от счастья. И Кол понял, что готов делать ей предложение снова и снова, лишь бы каждый раз наслаждаться этим зрелищем.

— Ты выйдешь за меня, Элис Джонсон?

По ее щеке покатились слезы.

— Да.

Кол поднялся и надел кольцо ей на палец. Неудержимый стук его сердца заглушал даже радостные возгласы и аплодисменты, которые доносились с их столика и столиков вокруг.

— Ты не должен был делать это у всех на виду, — сказала, бросившись ему на шею, Элис. — Я уважаю твою потребность в личном пространстве.

— Я знаю. — Кол прильнул к ее губам и тут же отпрянул, залившись смехом, когда Грант громко восторженно присвистнул. — Но я хотел позаботиться о том, чтобы ничто не туманило твой разум.

— Да неужели? — расплылась в лукавой улыбке Элис.

— И если бы мы были дома, одни... — Он наклонился и зашептал ей на ухо: — Ничто не смогло бы удержать меня от того, чтобы ублажать тебя. До тех пор, пока в твоей голове не останется ни одной здоровой мысли.

— Мое здравомыслие сильно преувеличено. — Она прикусила нижнюю губу, и ее глаза многозначительно блеснули. — Но все

равно подписываюсь на дополнительную порцию туманящих разум безумств.

— Для тебя — все что угодно, Элли.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Форт-Нокс — военная база США, на территории которой расположено одно из самых защищенных в мире хранилищ золотых запасов страны.